

ВЕСТНИК ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2308-8117

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

1 (28) 2020

Учредитель: АНО ВО «Гуманитарный университет»
(г. Екатеринбург)

Адрес редакции: 620049, г. Екатеринбург,
ул. Студенческая, д. 19
E-mail: ektbriogu@mail.ru

Адрес издателя: 620049, г. Екатеринбург,
ул. Студенческая, д. 19

Выходит 4 раза в год

Журнал включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

Распространяется бесплатно

Редакционная коллегия

Главный редактор

Закс Л. А., д-р филос. наук, профессор

Заместители главного редактора

Мясникова Л. А., д-р филос. наук, профессор (*направление «Философские науки»*)

Мицек С. А., д-р экон. наук, доцент (*направление «Экономические науки»*)

Семитко А. П., д-р юрид. наук, профессор (*направление «Юридические науки»*)

Члены редколлегии

Козлова О. А., д-р экон. наук, профессор

Мицек Е. Б., д-р экон. наук, доцент

Светлов Н. М., д-р экон. наук, профессор

Тарасьев А. М., д-р физ.-мат. наук, профессор

Хмелькова Н. В., д-р экон. наук, доцент

Архипов С. И., д-р юрид. наук, профессор

Балакшин В. С., д-р юрид. наук, профессор

Глушкова С. И., д-р полит. наук, доцент

Курченко В. Н., д-р юрид. наук, профессор

Незнамова З. А., д-р юрид. наук, профессор

Семякин М. Н., д-р юрид. наук, профессор

Брандт Г. А., д-р филос. наук, доцент

Зайцев П. Л., д-р филос. наук, профессор

Коркунова О. В., д-р филос. наук, доцент

Круглова Т. А., д-р филос. наук, доцент

Перцев А. В., д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет

Болдыгин Г. В., канд. филос. наук, основатель Гуманитарного университета,
почетный профессор ГУ

Красовский А. А., д-р наук (Вена-Лаксенбург, Австрия)

Палокангас Т., д-р наук, профессор (Хельсинки, Финляндия)

Родригез-Бланко В., профессор (Гилфорд, Великобритания)

Руденко В. Н., д-р юрид. наук, профессор, член-корреспондент РАН

Руткевич А. М., д-р филос. наук, профессор (г. Москва)

Чжу Б., д-р наук, профессор (Пекин, Китай)

THE REVIEW OF THE LIBERAL ARTS UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

1 (28) 2020

ISSN 2308-8117 (Vestnik Gumanitarnogo universiteta)

Frequency: 4 times a year

Publisher: Liberal Arts University – University for Humanities
(Ekaterinburg)

Editorial address: 620049, Ekaterinburg,
19, Studencheskaya st.
E-mail: ektbriogu@mail.ru
Publisher: 620049, Ekaterinburg,
19, Studencheskaya st.

Distributed free of charge

Editor-in-Chief

L. A. Zaks, Doctor of Philosophical Sciences, Prof.

Deputy Editors-in-Chief

L. A. Myasnikova, Doctor of Philosophical Sciences, Prof. ("Philosophical sciences" branch)

S. A. Mitsek, Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. ("Economic Sciences" branch)

A. P. Semitko, Doctor of Legal Sciences, Prof. ("Legal sciences" branch)

The editorial board

Kozlova O. A., Doctor of Economic Sciences, Prof.

Mitsek E. B., Doctor of Economic Sciences, Associate Prof.

Svetlov N. M., Doctor of Economic Sciences, Prof.

Taras'ev A. M., Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Prof.

Khmelkova N. V., Doctor of Economic Sciences, Associate Prof.

Arkipov S. I., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Balakshin V. S., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Glushkova S. I., Doctor of Political Sciences, Associate Prof.

Kurchenko V. N., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Neznamova Z. A., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Semyakin M. N., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Brandt G. A., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof.

Zaitsev P. L., Doctor of Philosophical Sciences, Prof.

Korkunova O. V., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof.

Kruglova T. A., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof.

Pertsev A. V., Doctor of Philosophical Sciences, Prof.

The editorial council

Boldygin G. V., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof,

founder of Liberal Arts University – University for Humanities, Professor Emeritus

Krasovskii A. A., PhD (Doctorat) (Vienna-Laxenburg, Austria)

Palokangas T., PhD (Doctorat), Prof. (Helsinki, Finland)

Rodriguez-Blanco V., Professor (Guildford, Great Britain)

Rudenko V. N., Doctor of Legal Sciences, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences

Rutkevich A. M., Doctor of Philosophical Sciences, Prof. (Moscow)

Zhu B., PhD (Doctorat), Prof. (Beijing, China)

Содержание

Экономика	5
<i>Мицек С. А.</i>	
Оценка динамики совокупной факторной производительности по видам экономической деятельности в Российской Федерации	6
<i>Гончарова Т. Д., Хмелькова Н. В.</i>	
Маркетинговые аспекты интернета вещей	25
<i>Сведенцова Л. Н., Хмелькова Н. В.</i>	
Сравнительный анализ влияния различных форм партизанского маркетинга	30
Юриспруденция	39
<i>Тисье М.</i>	
Кризис либеральной правовой культуры России после 1905 года: «педагогика свобод» и юридическое просвещение	40
<i>Мерзлякова Т. Г., Глушкова С. И.</i>	
Развитие теории и практики защиты прав человека в XXI в. (обзор материалов выступлений участников Международной научно-практической конференции)	61
<i>Семитко А. П.</i>	
Рецензия на диссертацию Е. В. Пономаревой «Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения»	69
Философия	77
<i>Болдыгин Г. В.</i>	
О культе теоретического знания и его оправдании (К истории вопроса)	78
<i>Уймина Ю. А.</i>	
Даосские идеи в творчестве Ошо	97
<i>Лоскутов В. А.</i>	
Ретрожизнь – жизнь под куполом советской истории (статья первая)	102
<i>Лесевицкий А. В., Ляхин Е. В.</i>	
Критика конформистского универсума в произведениях Ф. М. Достоевского и М. Хоркхаймера	116
<i>Бельский И. С.</i>	
«Нейронаучный поворот» и эксперименты Дж. Грина: этико-антропологические импликации	123
Научные события	131
<i>Глушкова С. И., Николаев Е. В.</i>	
Конституционная Россия: качество жизни – ценности, институты – качество власти (обзор материалов выступлений на первом «Ельцин-форуме» в Екатеринбурге)	132
<i>Гичина Т. С., Полякова А. С.</i>	
Памяти Л. Н. Ирышковой	136
Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»	139

Contents

Economics	5
<i>Mitsek S. A.</i> The Estimation of Total Factor Productivity Dynamics by Type of Economic Activity in the Russian Federation	6
<i>Goncharova T. D., Khmelkova N. V.</i> Marketing Aspects of the Internet of Things	25
<i>Swedentsova L. N., Khmelkova N. V.</i> Comparative Impact Analysis of Various Forms of Guerrilla Marketing	30
Law	39
<i>Tissier M.</i> The Crisis of Liberal Legal Culture in Russia after 1905: ‘The Pedagogy of Freedoms’ and Legal Literacy	40
<i>Merzlyakova T. G., Glushkova S. I.</i> The Advancement of the Theory and Practice in Human Rights Protection in the XXI-th Century (A Review of Conference Proceedings)	61
<i>Semitko A. P.</i> The Report on the Ponomaryova E. V. Dissertation “Subjects and Quasi-subjects of the Law: Theoretical and Legal Problems of Distinction”	69
Philosophy	77
<i>Boldygin G. V.</i> On the Cult of Theoretical Knowledge and Its Justification (To the History of the Issue)	78
<i>Uimina Y. A.</i> Taoist Ideas in Osho’s Teaching	97
<i>Loskutov V. A.</i> Retro Life – Life Under the Dome of Soviet History (The First Article)	102
<i>Lesevitsky A. V., Lyakhin E. V.</i> Criticism of the Conformist Universe in the Works of F. M. Dostoevsky and M. Horkheimer	116
<i>Belski I. S.</i> The “Neuroscientific Turn” and J. Greene’s Experiments: Ethical and Anthropological Implications	123
Scientific Events	131
<i>Glushkova S. I., Nikolaev Y. V.</i> Constitutional Russia: the Quality of Life – Values, Institutions – the Quality of Authorities (A Review of Reports at the First «Yeltsin Forum» in Yekaterinburg)	132
<i>Gichina T. S., Polyakova A. S.</i> To the memory of L. N. Iryshkova	136
Submission Requirements for «LAU Vestnik» authors	139

|| ЭКОНОМИКА

Оценка динамики совокупной факторной производительности по видам экономической деятельности в Российской Федерации

Статья посвящена оценке динамики совокупной факторной производительности (СФП) по видам экономической деятельности в России за период, охватывающий 2004–2018 годы. Показано, что замедление темпов роста СФП объясняется, прежде всего, ее отрицательной динамикой в таких отраслях, как добыча полезных ископаемых и государственное управление. Использованная двухфакторная модель продемонстрировала, что в наибольшей степени снижалась эффективность основного капитала.

Расчеты показали отрицательную корреляцию между ростом затрат ресурсов и динамикой совокупной производительности между отраслями российской экономики, что является свидетельством нерационального использования ресурсов. Эта закономерность особенно усилилась после 2008 года и продолжала расти после 2014-го.

Выявлено также, что большая часть ресурсов направлялась в отрасли с низкой или отрицательной динамикой СФП, что снижало ее рост в экономике в целом.

Ключевые слова: совокупная факторная производительность; индекс роста затрат ресурсов; производительность труда; фондоотдача; виды экономической деятельности; экономика России.

Введение

Данная статья ставит своей целью изучение динамики совокупной факторной производительности (СФП) по видам экономической деятельности в экономике России. В этом смысле она является логическим продолжением нашей работы, где исследовался тот же вопрос по регионам РФ [1]. Изучение этого вопроса позволит частично объяснить динамику этой величины в экономике России в целом.

Методология

В данной статье мы ставили ограниченную цель: только расчет динамики СФП без эконометрической оценки факторов, влияющих на нее. Причина состоит в ограниченности выборки по видам деятельности: здесь за каждый год мы имеем лишь примерно полтора десятка наблюдений, тогда как панельная выборка фиксирует как различия СФП между отраслями, так и ее динамику в отдельных отраслях.

Еще одна особенность, ограничивающая возможности данного исследования, состоит в том, что оно выполнено в старой классификации видов деятельности, до ее изменения после 2014 года. Причина также состоит в ограниченности данных: их полный набор в новой классификации имеется лишь с 2017 года, что не дает возможности осуществить полноценное исследование динамики СФП в этом формате.

Поэтому, для того чтобы сделать необходимые расчеты за период с 2004-го по 2018 год, нам пришлось выполнить их в старой классификации. Соответственно, по таким видам деятельности, как «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды», «Транспорт и связь», «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг», «Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение», «Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг», данные были взяты в

* Сергей Александрович Мицек, д-р экон. наук, доцент, заведующий кафедрой финансов и кредита, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: sergey.mitsek@gmail.com

старой номенклатуре. Также вследствие изменения классификации в наших расчетах виды деятельности «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» и «Рыболовство и рыбоводство» были агрегированы в один вид деятельности.

Следовательно, результаты по упомянутым в предыдущем абзаце видам деятельности являются заведомо неточными, а динамика СФП по ним в новой классификации потребует новых расчетов по мере накопления данных.

Расчеты были осуществлены по следующей формуле:

$$TFP = \frac{Y}{K^\alpha L^{(1-\alpha)}}, \quad (1)$$

где Y – индекс валовой добавленной стоимости в неизменных ценах, K – индекс основного капитала в неизменных ценах, L – динамика численности занятых в данном виде деятельности. В этой формуле α – доля валовой прибыли в валовой добавленной стоимости, очищенной от косвенных налогов. Соответственно, величина $1-\alpha$ представляет собой долю валовой зарплаты в этой величине. Иными словами, была измерена динамика *двухфакторной* СФП. Такой подход является традиционным в тех случаях, когда оценить производственную функцию эконометрическим путем не представляется возможным и когда данные по другим факторам отсутствуют¹.

При исчислении индекса основного капитала в неизменных ценах использовался дефлятор валового накопления основного капитала по экономике России в целом ввиду отсутствия такового по отдельным видам деятельности. Соответственно, полученные результаты могут быть уточнены в том случае, если российская статистика станет публиковать указанный дефлятор по отдельным видам деятельности.

В качестве «опорных» точек нами были взяты 2004, 2008, 2014 и 2018 годы. Причина в том, что необходимая для наших расчетов статистика до 2004 года отсутствует. Годы 2008 и 2014-й были теми точками, в которых экономика России изменяла свою динамику. Год 2018 является последним, за который мы имеем необходимые данные о видах деятельности.

Поэтому при расчете знаменателя в формуле (1) величина α была взята как среднеарифметическая между двумя годами в каждой паре указанных лет.

Поскольку в статистике структуры ВВП по доходам на уровне всей экономики России доля валовой зарплаты указывается с включением скрытой зарплаты и смешанных доходов, а по отдельным видам деятельности – без этой корректировки, то в целях сопоставимости результатов мы исключали величину этой «надбавки» из расчетов по всей экономике России.

Источником данных для нас служил официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат) [3].

Результаты

Таблица 1 Приложения 1 показывает, что за весь изучаемый период (с 2004-го по 2018 год) валовая добавленная стоимость выросла на 43,6 % по экономике России в целом. При этом наибольший рост показали такие виды деятельности, как «Финансовая деятельность» (рост почти в 4 раза) и «Операции с недвижимым имуществом» (рост почти в два раза). Наихудший результат за весь период – у «Образования» и «Производства и распределения электроэнергии, газа и воды (ЭГВ)».

¹ См., напр., обзорную работу [2].

В 2004–2008 гг. наиболее быстрые темпы показали те же отрасли, а также «Строительство» и «Торговля». В этот период вновь наблюдался относительно быстрый рост «Финансов», но в то же время – падение объемов «Образования», «Строительства», «ЭГВ» и «Прочих услуг». Период низких темпов (2014–2018 гг.) показал заметное отставание «Торговли», «ЭГВ» и «Здравоохранения», но относительно более быстрый рост вновь «Финансов», а также «Добычи полезных ископаемых» и «Прочих услуг».

Таблица 2 показывает, что основной капитал в экономике России за весь период с 2004-го по 2018 год вырос на 66 % в неизменных ценах, но его рост резко замедлился после 2014 года. Наибольший прирост основного капитала показали такие виды деятельности, как «Государственное управление» и «Финансы» (примерно в 3,5 раза в каждом из этих видов), а также «Добыча полезных ископаемых» (в 2,8 раза) и «Торговля» (в 2,3 раза). Самый низкий прирост основного капитала был у «Строительства», «Образования», «Сельского хозяйства», «Здравоохранения» и «Прочих услуг».

В 2004–2008 гг. самый быстрый прирост основного капитала показали «Финансы», «Торговля» и «Государственное управление», а самый низкий – «Сельское хозяйство» и «ЭГВ». В 2008–2014 гг. наибольший прирост капитала показали «Добыча», «ЭГВ», «Обрабатывающие производства» и «Торговля». Самый слабый прирост капитала в этот период был у «Строительства», «Образования» и «Прочих услуг». В 2014–2018 гг. относительно быстрый рост капитала показали вновь «Государственное управление», а также «Гостиницы и рестораны», «Добыча», «Финансы» и «Сельское хозяйство». Незначительным был рост капитала у «Торговли», «Операций с недвижимым имуществом» и «Прочих услуг».

Таблица 3 Приложения 1 показывает, что в целом в экономике России численность занятых выросла на 7,8 % за весь период с 2004-го по 2018 год. Но в наибольшей степени она выросла в «Финансах» (на 66 %), «Государственном управлении» (61 %), в «Гостиницах и ресторанах» (44 %), «Строительстве» (36 %). При этом занятость сокращалась абсолютно в «Сельском хозяйстве», «Обрабатывающих производствах», «Операциях с недвижимым имуществом», «Образовании» и «Здравоохранении».

В «Сельском хозяйстве», «Обрабатывающих производствах» и «Образовании» численность занятых сокращалась на протяжении всех трех периодов. В 2014–2018 годах она перестала расти в целом в экономике России, но при этом увеличилась в «Добыче», «Торговле», «Гостиницах и ресторанах», «Транспорте и связи».

Таблица 4 дает расчет удельного веса валовой зарплаты в величине валовой добавленной стоимости². Мы видим постепенное снижение этой величины и, соответственно, рост доли прибыли в валовой добавленной стоимости. Наиболее заметен этот процесс в «Добыче», «Обрабатывающих производствах», «Строительстве», «Операциях с недвижимым имуществом», «Государственном управлении» и «Финансах». Напротив, в таких видах деятельности, как «Торговля», «Гостиницы и рестораны», «Транспорт и связь» и «Образование», мы видим рост удельного веса зарплаты.

Таблица 5 показывает индекс роста совокупных ресурсов по видам деятельности, т. е. знаменателя дроби в формуле (1). Эти данные позволяют сделать вывод, что за весь период с 2004-го по 2018 год эта величина выросла почти на 39 %, но этот прирост заметно снизился после 2014 года. Наибольший рост ресурсов получили такие виды деятельности, как «Финансы», «Добыча» и «Торговля» (рост ин-

² Расчет, в котором в величину зарплаты включалась корректировка на скрытую зарплату, не привел к существенному изменению итогового результата.

декса более чем в два раза), а также «Государственное управление (почти в два раза).

Наименьший рост ресурсов происходил в «Образовании», «Здравоохранении», «Сельском хозяйстве» и «Прочих услугах».

В 2004–2008 гг. наибольший рост ресурсов показали «Торговля» и «Финансы», а наименьший – «Сельское хозяйство» и «ЭГВ».

В 2008–2014 гг. наиболее заметный прирост ресурсов имел место в «Государственном управлении», «ЭГВ» и «Добыче», наименьший – в «Образовании», «Здравоохранении», «Строительстве» и «Сельском хозяйстве».

В 2014–2018 гг. наибольший прирост ресурсов получили «Гостиницы и рестораны», «Добыча» и «Государственное управление». Наименьший прирост показали «Торговля», «Операции с недвижимым имуществом», «Образование», «Здравоохранение» и «Прочие услуги».

Таблица 6 представляет индексы совокупной производительности. За весь период с 2004-го по 2018 год эта величина в экономике России выросла лишь на 3,6 %, это фактически стагнация, причем после 2008 года она *снижалась*. Наибольший *рост* СФП показали «Финансы», «Операции с недвижимым имуществом» и в меньшей степени «Строительство». Наиболее сильное *падение* СФП показали «Добыча», «Государственное управление», «ЭГВ» и в меньшей степени – «Торговля».

В «Добыче» и «Государственном управлении» СФП, как мы видим, падала на протяжении всего периода с 2004-го по 2018 г. После 2008 года СФП падала также в «Обрабатывающих производствах», «ЭГВ», «Строительстве», «Гостиницах и ресторанах». Неуклонный рост СФП после 2008 показали только «Операции с недвижимым имуществом».

В таблицах 7 и 8 Приложения 1 показаны индексы роста производительности труда и фондоотдачи соответственно. Производительность труда за весь период 2004-го по 2018 г. выросла примерно на 33 % в экономике России в целом. Наибольший рост этого показателя продемонстрировали «Финансы» (более чем в два раза), «Операции с недвижимым имуществом» и «Сельское хозяйство (почти в два раза). Наименьший прирост производительности труда наблюдался в «Государственном управлении», «ЭГВ» и «Прочих услугах».

Фондоотдача *падала* во всей экономике, сократившись примерно на 13,5 % за весь этот период. Наибольшее падение фондоотдачи имело место в «Добыче»³ и «Государственном управлении», а также в «ЭГВ» и «Торговле». Такие отрасли, как «Финансы», «Прочие услуги», «Операции с недвижимым имуществом» и «Строительство», показали рост фондоотдачи.

На основе данных Приложения 1 можно сделать вывод, что в 2004–2018 гг. рост экономики России происходил почти исключительно за счет замещения труда капиталом, что вело к быстрому падению предельной производительности капитала при недостаточном увеличении производительности труда. Роста совокупной производительности почти не было. Одна из причин этого – направление инвестиций в отрасли, показавшие существенное падение СФП, – в первую очередь в «Добычу полезных ископаемых» и «Государственное управление». Этот вывод также, хоть и в меньшей степени, относится к «ЭГВ».

В то же время рост затрат ресурсов в «Финансах», по крайней мере до 2014 года, сопровождался ростом производительности; рост эффективности использования обоих факторов имел место и в «Операциях с недвижимым имуществом». Это замедлило падение СФП в экономике в целом.

³ Косвенным подтверждением этого является высокая степень износа основного капитала в этой отрасли.

Приложение 2 дает расчет среднегодовых темпов роста показателей, приведенных в Приложении 1. Это имеет смысл делать помимо расчета индексов, так как рассматриваемые периоды не одинаковы по числу лет.

Таблица 9 показывает, что среднегодовые темпы роста экономики России в 2004–2018 гг. в среднем составили 2,6 %, сократившись с 6,9 % в 2004–2008 до 0,6 % в 2014–2018. В целом за период наиболее быстрые темпы роста показали «Финансы» и «Операции с недвижимым имуществом», самые низкие – «ЭГВ» и «Образование».

В 2004–2008 гг. быстрые темпы показали также такие отрасли, как «Строительство», «Торговля» и «Гостиницы и рестораны», но затем они резко упали. После 2008 г. заметно быстрее других отраслей продолжали расти «Финансы», а также «Добыча».

Совокупные затраты ресурсов за весь период с 2004-го по 2018 г. росли со средним темпом 2,4 % в год, не оставляя тем самым почти никакого места для роста СФП. В 2014–2018 гг. этот темп был более чем в три раза ниже, чем в 2004–2008, что отразило как неблагоприятную макроэкономическую обстановку, так и последствия спада рождаемости. Наиболее быстро ресурсы росли в «Финансах», «Добыче», «Государственном управлении» и «Торговле». Наименьший рост показали «Образование», «Здравоохранение», «Сельское хозяйство» и «Прочие услуги».

Стабильный рост ресурсов во всех выделенных периодах показали лишь «Добыча» и «Государственное управление», в меньшей степени «Финансы». В других ранее быстро растущих отраслях они резко упали. Лишь «Гостиницы и рестораны» неуклонно наращивали темп прироста ресурсов после 2008 года.

Таблица 11 показывает отрицательные темпы роста СФП после 2008 года в экономике России. Она постоянно падала в «Добыче» и в «Государственном управлении». Обрабатывающие производства, «ЭГВ», «Строительство», «Гостиницы и рестораны», «Прочие услуги» также показывают ее отрицательную динамику после 2008 года.

Среди других отраслей лишь «Операции с недвижимым имуществом» показали относительно стабильный рост производительности после 2008 года.

Таблица 12 приводит данные о динамике производительности труда. В целом ее темп после 2008 года был крайне низким. Относительно высокие темпы ее роста показали такие виды деятельности, как «Финансы», «Операции с недвижимым имуществом» и «Сельское хозяйство». В «Государственном управлении», «ЭГВ» и «Прочих услугах» производительность труда снижалась.

Таблица 13 показывает, что фондоотдача в России снижалась после 2008 года, что является еще одним свидетельством неэффективного использования основного капитала. Наиболее серьезное снижение имело место в «Государственном управлении», «Добыче», «ЭГВ», «Обрабатывающих производствах». Фондоотдача росла в «Операциях с недвижимым имуществом», «Прочих услугах».

Таблица 14, приведенная в Приложении 3, показывает, что доля инвестиций, идущая в отрасли с наибольшим ростом СФП, неуклонно снижалась, тогда как в отрасли с наихудшим ростом СФП – росла. В частности, мы видим неуклонное снижение доли прироста основного капитала в «Операциях с недвижимым имуществом» – отрасли, где рост СФП опережал общероссийский во всех трех периодах. При этом доля «Добычи» в приросте основного капитала неуклонно росла, хотя эта отрасль во все периоды показывает более низкий рост СФП, чем в среднем по России.

Данный результат объясняет снижение динамики СФП по России. Он отражает неэффективное использование инвестиций, что объясняется, возможно, не столько коммерческими, сколько стратегическими и социальными целями их осуществления.

В таблице 15 Приложения 3 показано, что в результате этих процессов удельный вес отраслей с наивысшим ростом СФП в валовой добавленной стоимости России вырос. В то же время в отраслях с ее наименьшим ростом он снизился, хотя последние получали большую долю инвестиций в основной капитал.

Приложение 4 приводит таблицу 16, где представлены значения обычных и ранговых корреляций между индексом роста совокупных ресурсов и индексом совокупной производительности в выборках по видам экономической деятельности за взятые годы. В качестве обычной корреляции приводится значение параметра при регрессоре в регрессии $TFP = aX + c$, где TFP – индекс СФП, X – индекс совокупных ресурсов.

Таблица убедительно показывает, что в 2004–2008 годах корреляция между двумя величинами была отрицательной, но довольно слабой, а параметр в регрессии незначимым статистически. Но с течением времени модуль и ранговой корреляции, и коэффициента регрессии увеличивается и становится статистически значимым. Это означает, что чем больше ресурсов получала данная отрасль в указанный период, тем быстрее снижалась там совокупная производительность. Данный результат вновь говорит о нерациональном распределении ресурсов по видам деятельности, и эта нерациональность все время усиливалась.

Заключение

Проведенные в статье расчеты позволяют дать частичный ответ на вопрос о причине стагнации совокупной факторной производительности в экономике России после 2008 года. Она состоит в том, что существенная часть ресурсов направлялась в те отрасли, где совокупная факторная производительность снижалась. В первую очередь это «Добыча полезных ископаемых» и «Государственное управление».

Отрицательные коэффициенты корреляции между ростом ресурсов и ростом совокупной производительности свидетельствуют о нерациональном распределении ресурсов в экономике России и/или о недостаточно эффективном их использовании. В первую очередь это касается основного капитала.

Данный вывод подтверждает наш предыдущий результат в работе по регионам России [1], где показан низкий рост производительности в городе Москва и основных нефтедобывающих регионах.

Приведенное выше заключение порождает, в свою очередь, вопрос о его причинах. Здесь можно выдвинуть лишь гипотезы о продвижении в более труднодоступные районы при добыче полезных ископаемых, о слабых стимулах для технического прогресса, о неэффективной организации во многих сферах деятельности. Кроме того, значительная часть (от 15 до 20 %) инвестиций в России осуществляется за счет государственных средств. В то же время объем инвестиций, осуществляемых за счет собственных средств компаний, существенно зависит от объема государственных инвестиций, что подтверждается соответствующим уравнением эконометрической модели экономики России (см.: [4, с. 10]).

Также падению роста производительности после 2014 года могло способствовать сокращение темпов роста совокупного спроса в экономике.

Можно также предположить, что недостаточный объем ресурсов, который поступал в сферы образования и здравоохранения, не способствовал росту качества человеческого капитала и тем самым замедлял рост производительности экономики России в целом.

Детальный анализ причин, породивших полученный результат, выходит за рамки данной статьи и требует дополнительного и более глубокого анализа.

Приложение 1

**РАСЧЕТ ИНДЕКСОВ РОСТА СОВОКУПНОЙ ФАКТОРНОЙ
ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ И ДРУГИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПО ВИДАМ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ**

Таблица 1

Индексы роста валовой добавленной стоимости

Вид деятельности/Период	2008/2004	2014/2008	2018/2014	2018/2004
Валовая добавленная стоимость в основных ценах	1,305	1,074	1,024	1,436
в том числе:				
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	1,098	1,071	1,041	1,225
Добыча полезных ископаемых	0,973	1,121	1,088	1,187
Обрабатывающие производства	1,171	1,046	1,039	1,272
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1,026	0,968	0,990	0,983
Строительство	1,560	0,952	1,030	1,531
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	1,529	1,071	0,936	1,532
Гостиницы и рестораны	1,474	1,024	1,016	1,534
Транспорт и связь	1,282	1,063	1,027	1,400
Финансовая деятельность	2,374	1,495	1,102	3,910
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	1,650	1,153	1,028	1,955
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	1,037	1,047	1,050	1,140
Образование	1,018	0,904	1,030	0,948
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	1,053	1,073	0,991	1,120
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1,218	0,818	1,157	1,152

Таблица 2

Индекс роста основного капитала в неизменных ценах

Вид деятельности/Период	2008/2004	2014/2008	2018/2014	2018/2004
Валовая добавленная стоимость в основных ценах	1,269	1,212	1,079	1,659
в том числе:				
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	0,962	1,056	1,201	1,221
Добыча полезных ископаемых	1,446	1,512	1,292	2,825
Обрабатывающие производства	1,116	1,382	1,158	1,787
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,965	1,471	1,174	1,667
Строительство	1,054	0,889	1,155	1,083
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	2,073	1,347	0,840	2,345
Гостиницы и рестораны	1,079	1,020	1,450	1,596

Транспорт и связь	1,301	1,146	0,996	1,485
Финансовая деятельность	2,310	1,157	1,270	3,394
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	1,280	1,182	0,942	1,425
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	1,827	1,127	1,748	3,596
Образование	1,212	0,944	1,034	1,183
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	1,159	1,092	1,002	1,268
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1,138	0,968	0,679	0,748

Таблица 3

Индекс роста численности занятых

Вид деятельности/Период	2008/2004	2014/2008	2018/2014	2018/2004
Валовая добавленная стоимость в основных ценах	1,030	1,054	0,993	1,078
в том числе:				
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	0,898	0,800	0,892	0,641
Добыча полезных ископаемых	1,022	0,971	1,053	1,045
Обрабатывающие производства	0,956	0,916	0,980	0,858
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1,002	1,260	0,973	1,228
Строительство	1,172	1,162	0,999	1,361
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	1,106	1,104	1,032	1,260
Гостиницы и рестораны	0,950	1,397	1,085	1,440
Транспорт и связь	0,999	1,241	1,032	1,279
Финансовая деятельность	1,357	1,297	0,944	1,662
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	1,079	0,963	0,954	0,991
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	1,102	1,463	1,001	1,614
Образование	0,979	0,923	0,984	0,889
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	1,016	0,978	0,987	0,980
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1,081	1,134	0,987	1,210

Таблица 4

**Удельный вес валовой зарплаты в валовой добавленной стоимости
(косвенные налоги исключены)**

Вид деятельности/Период	2004–2008 (в среднем)	2008–2014 (в среднем)	2014–2018 (в среднем)
Валовая добавленная стоимость в основных ценах (без корректировки на скрытую зарплату)	0,424	0,418	0,394
в том числе:			
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	0,255	0,225	0,241
Добыча полезных ископаемых	0,335	0,233	0,139
Обрабатывающие производства	0,430	0,405	0,393
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,523	0,548	0,521
Строительство	0,463	0,418	0,383
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспорт- ных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	0,197	0,278	0,338
Гостиницы и рестораны	0,347	0,382	0,414
Транспорт и связь	0,416	0,436	0,445
Финансовая деятельность	0,469	0,456	0,423
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	0,347	0,296	0,215
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	0,962	0,796	0,599
Образование	0,886	0,915	0,921
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	0,874	0,904	0,903
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	0,603	0,625	0,631

Таблица 5

Индекс роста совокупных ресурсов

Вид деятельности/Период	2008/2004	2014/2008	2018/2014	2018/2004
Валовая добавленная стоимость в основных ценах	1,162	1,143	1,044	1,386
в том числе:				
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	0,945	0,992	1,118	1,049
Добыча полезных ископаемых	1,287	1,364	1,256	2,205
Обрабатывающие производства	1,045	1,170	1,085	1,325
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,984	1,351	1,065	1,416
Строительство	1,107	0,995	1,093	1,203
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспорт- ных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предме- тов личного пользования	1,832	1,275	0,900	2,102
Гостиницы и рестораны	1,033	1,150	1,286	1,527
Транспорт и связь	1,165	1,186	1,012	1,399
Финансовая деятельность	1,800	1,219	1,120	2,457

Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	1,206	1,113	0,944	1,267
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	1,124	1,387	1,252	1,951
Образование	1,003	0,925	0,988	0,916
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	1,033	0,988	0,988	1,009
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1,103	1,069	0,860	1,013

Таблица 6

Индекс роста совокупной факторной производительности

Вид деятельности/Период	2008/2004	2014/2008	2018/2014	2018/2004
Валовая добавленная стоимость в основных ценах	1,124	0,939	0,981	1,036
в том числе:				
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	1,162	1,080	0,931	1,168
Добыча полезных ископаемых	0,756	0,822	0,866	0,538
Обрабатывающие производства	1,121	0,894	0,957	0,960
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1,042	0,716	0,930	0,694
Строительство	1,409	0,957	0,943	1,272
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	0,834	0,840	1,040	0,729
Гостиницы и рестораны	1,428	0,890	0,790	1,004
Транспорт и связь	1,100	0,896	1,015	1,001
Финансовая деятельность	1,319	1,227	0,984	1,592
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	1,368	1,036	1,088	1,543
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	0,923	0,755	0,839	0,584
Образование	1,015	0,978	1,042	1,035
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	1,019	1,086	1,003	1,110
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1,104	0,765	1,346	1,137

Индекс роста производительности труда

Вид деятельности/Период	2008/2004	2014/2008	2018/2014	2018/2004
Валовая добавленная стоимость в основных ценах	1,267	1,019	1,032	1,332
в том числе:				
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	1,223	1,339	1,167	1,911
Добыча полезных ископаемых	0,953	1,154	1,033	1,136
Обрабатывающие производства	1,225	1,142	1,060	1,482
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1,024	0,768	1,017	0,800
Строительство	1,331	0,820	1,031	1,124
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	1,381	0,970	0,907	1,215
Гостиницы и рестораны	1,552	0,733	0,937	1,066
Транспорт и связь	1,284	0,857	0,995	1,095
Финансовая деятельность	1,749	1,153	1,167	2,353
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	1,529	1,197	1,077	1,972
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	0,941	0,716	1,049	0,706
Образование	1,040	0,980	1,046	1,067
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	1,036	1,098	1,004	1,142
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1,127	0,721	1,172	0,952

Таблица 8

Индекс роста фондоотдачи

Вид деятельности/Период	2008/2004	2014/2008	2018/2014	2018/2004
Валовая добавленная стоимость в основных ценах	1,029	0,886	0,949	0,865
в том числе:				
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	1,141	1,014	0,867	1,004
Добыча полезных ископаемых	0,673	0,741	0,842	0,420
Обрабатывающие производства	1,049	0,757	0,896	0,712
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1,063	0,658	0,844	0,590
Строительство	1,481	1,071	0,892	1,414
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	0,738	0,795	1,115	0,653
Гостиницы и рестораны	1,366	1,004	0,701	0,961
Транспорт и связь	0,986	0,928	1,031	0,943
Финансовая деятельность	1,028	1,292	0,868	1,152
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	1,289	0,975	1,092	1,372
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	0,568	0,929	0,601	0,317
Образование	0,840	0,958	0,996	0,802
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	0,908	0,982	0,989	0,883
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1,070	0,845	1,704	1,541

**РАСЧЕТ ТЕМПОВ РОСТА СОВОКУПНОЙ ФАКТОРНОЙ
ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ И ДРУГИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПО ВИДАМ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ**

Таблица 9

**Среднегодовые темпы роста валовой добавленной стоимости
в неизменных ценах, %**

Вид деятельности/Период	2008/2004	2014/2008	2018/2014	2018/2004
Валовая добавленная стоимость в основных ценах	6,9	1,2	0,6	2,6
в том числе:				
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	2,4	1,2	1,0	1,5
Добыча полезных ископаемых	-0,7	1,9	2,1	1,2
Обрабатывающие производства	4,0	0,7	0,9	1,7
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,6	-0,5	-0,3	-0,1
Строительство	11,8	-0,8	0,7	3,1
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	11,2	1,1	-1,6	3,1
Гостиницы и рестораны	10,2	0,4	0,4	3,1
Транспорт и связь	6,4	1,0	0,7	2,4
Финансовая деятельность	24,1	6,9	2,5	10,2
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	13,3	2,4	0,7	4,9
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	0,9	0,8	1,2	0,9
Образование	0,5	-1,7	0,7	-0,4
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	1,3	1,2	-0,2	0,8
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	5,0	-3,3	3,7	1,0

Таблица 10

Среднегодовые темпы роста совокупных ресурсов, %

Вид деятельности/Период	2008/2004	2014/2008	2018/2014	2018/2004
Валовая добавленная стоимость в основных ценах	3,8	2,3	1,1	2,4
в том числе:				
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	-1,4	-0,1	2,8	0,3
Добыча полезных ископаемых	6,5	5,3	5,9	5,8
Обрабатывающие производства	1,1	2,7	2,1	2,0
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	-0,4	5,1	1,6	2,5
Строительство	2,6	-0,1	2,2	1,3
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	16,3	4,1	-2,6	5,4

Гостиницы и рестораны	0,8	2,4	6,5	3,1
Транспорт и связь	3,9	2,9	0,3	2,4
Финансовая деятельность	15,8	3,3	2,9	6,6
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	4,8	1,8	-1,4	1,7
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	3,0	5,6	5,8	4,9
Образование	0,1	-1,3	-0,3	-0,6
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	0,8	-0,2	-0,3	0,1
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	2,5	1,1	-3,7	0,1

Таблица 11

Среднегодовые темпы роста совокупной производительности, %

Вид деятельности/Период	2008/2004	2014/2008	2018/2014	2018/2004
Валовая добавленная стоимость в основных ценах	3,0	-1,0	-0,5	0,3
в том числе:				
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	3,8	1,3	-1,8	1,1
Добыча полезных ископаемых	-6,7	-3,2	-3,5	-4,3
Обрабатывающие производства	2,9	-1,9	-1,1	-0,3
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1,0	-5,4	-1,8	-2,6
Строительство	9,0	-0,7	-1,5	1,7
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	-4,4	-2,9	1,0	-2,2
Гостиницы и рестораны	9,3	-1,9	-5,7	0,0
Транспорт и связь	2,4	-1,8	0,4	0,0
Финансовая деятельность	7,2	3,5	-0,4	3,4
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	8,1	0,6	2,1	3,1
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	-2,0	-4,6	-4,3	-3,8
Образование	0,4	-0,4	1,0	0,2
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	0,5	1,4	0,1	0,7
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	2,5	-4,4	7,7	0,9

Среднегодовые темпы роста производительности труда, %

Вид деятельности/Период	2008/2004	2014/2008	2018/2014	2018/2004
Валовая добавленная стоимость в основных ценах	6,1	0,3	0,8	2,1
в том числе:				
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	5,2	5,0	3,9	4,7
Добыча полезных ископаемых	-1,2	2,4	0,8	0,9
Обрабатывающие производства	5,2	2,2	1,5	2,9
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,6	-4,3	0,4	-1,6
Строительство	7,4	-3,3	0,8	0,8
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	8,4	-0,5	-2,4	1,4
Гостиницы и рестораны	11,6	-5,0	-1,6	0,5
Транспорт и связь	6,4	-2,5	-0,1	0,7
Финансовая деятельность	15,0	2,4	3,9	6,3
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	11,2	3,0	1,9	5,0
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	-1,5	-5,4	1,2	-2,5
Образование	1,0	-0,3	1,1	0,5
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	0,9	1,6	0,1	1,0
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	3,0	-5,3	4,1	-0,3

Среднегодовые темпы роста фондоотдачи, %

Вид деятельности/Период	2008/2004	2014/2008	2018/2014	2018/2004
Валовая добавленная стоимость в основных ценах	0,7	-2,0	-1,3	-1,0
в том числе:				
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	3,4	0,2	-3,5	0,0
Добыча полезных ископаемых	-9,4	-4,9	-4,2	-6,0
Обрабатывающие производства	1,2	-4,5	-2,7	-2,4
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1,5	-6,7	-4,2	-3,7
Строительство	10,3	1,1	-2,8	2,5
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	-7,3	-3,8	2,8	-3,0
Гостиницы и рестораны	8,1	0,1	-8,5	-0,3
Транспорт и связь	-0,4	-1,2	0,8	-0,4
Финансовая деятельность	0,7	4,4	-3,5	1,0
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	6,6	-0,4	2,2	2,3
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	-13,2	-1,2	-12,0	-7,9
Образование	-4,3	-0,7	-0,1	-1,6
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	-2,4	-0,3	-0,3	-0,9
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1,7	-2,8	14,3	3,1

Таблица 14

**Распределение доли (в процентах) общероссийского прироста
основного капитала между видами деятельности,
показавшими наилучшую и наихудшую динамику
совокупной производительности**

2008/2004		2014/2008	
Вид деятельности	Доля	Вид деятельности	Доля
С наивысшим приростом СФП		С наивысшим приростом СФП	
Строительство	1,3	Здравоохранение и предоставление социальных услуг	2,0
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	25,2	Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	23,8
Гостиницы и рестораны	0,5	Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	2,3
Финансовая деятельность	2,7	Финансовая деятельность	1,8
Итого	29,8	Итого	29,9
С наименьшим приростом СФП		С наименьшим приростом СФП	
Добыча полезных ископаемых	9,5	Добыча полезных ископаемых	12,8
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	5,6	Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	3,8
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	3,9	Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	3,6
Образование	3,2	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	9,5
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	2,3	Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1,4
Итого	24,4	Итого	31,1
2018/2014		2018/2004	
Вид деятельности	Доля	Вид деятельности	Доля
С наивысшим приростом СФП		С наивысшим приростом СФП	
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	-0,4	Финансовая деятельность	2,4
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	14,1	Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	20,6
Образование	2,2	Строительство	1,2
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	0,8	Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	2,8
Итого	16,7	Итого	27,0
С наименьшим приростом СФП		С наименьшим приростом СФП	
Добыча полезных ископаемых	17,7	Добыча полезных ископаемых	13,8
Государственное управление и обеспечение военной безопасно-	12,5	Государственное управление и обеспечение военной безопасности; соци-	7,3

сти; социальное страхование		альное страхование	
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	10,4	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	8,7
Гостиницы и рестораны	1,1	Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	2,7
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	3,8	Обрабатывающие производства	10,0
Итого	45,4	Итого	42,5

Таблица 15

Изменение долей (в процентах) видов экономической деятельности с наибольшим и наименьшим приростом СФП в валовой добавленной стоимости России

Вид деятельности	2004	2018
С наибольшим приростом СФП		
Финансовая деятельность	3,2	4,3
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	9,5	13,6
Строительство	5,7	5,7
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	5,6	3,6
Итого	24,0	27,2
С наименьшим приростом СФП		
Добыча полезных ископаемых	9,5	13,2
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	5,4	9,7
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	3,7	3,2
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	20,3	13,9
Обрабатывающие производства	17,4	14,4
Итого	56,3	54,3

Таблица 16

**Обычные и ранговые корреляции динамики ресурсов
и совокупной производительности**

Показатель/Период	2008/2004	2014/2008	2018/2014
Коэффициент регрессии	-0,107	-0,519*	-0,890**
Коэффициент ранговой корреляции Спирмена	-0,204	-0,622	-0,908

Примечания. Коэффициенты регрессии – оценки коэффициента a в регрессии: $TFP = aX + c$, где TFP – индекс совокупной производительности, X – индекс ресурсов; * означает значимость при 95%-ном уровне, ** – значимость при 99%-ном уровне.

Список литературы и источников

1. Мицек С. А., Мицек Е. Б., Региональное развитие и совокупная факторная производительность в регионах России // Вестник Гуманитарного университета. – 2018. – № 4 (23). – С. 6–32.
2. Siverson C. What determines productivity? // Journal of Economic Literature. – 2011. – Vol. 49 (2). – P. 326–365.
3. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) : официальный сайт. – URL: <https://www.gks.ru>
4. Мицек С. А., Мицек Е. Б., Эконометрическая модель Российской Федерации, версия 2019: основные результаты : препринт. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – 109 с.

Sergey Aleksandrovich Mitsek,

Doctor of Economics, Associate Professor,

Head of Finance and Credit Chair,

Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg)

**The Estimation of Total Factor Productivity Dynamics
by Type of Economic Activity in the Russian Federation**

The article deals with the estimation of the dynamics of total factor productivity (TFP) by the type of economic activity in Russia, in 2004–2018. One can see, that the slowdown in the TFP growth rate is explained, first of all, by its negative dynamic in such sectors as mining and public administration. In the two-factor model used the fixed capital productivity decreased to the greatest extent. Also, a negative correlation is shown between the growth of total resource use and the dynamics of total productivity between sectors of the Russian economy, which is the evidence of low effectiveness of the use of resources. This pattern intensified especially after 2008 and continued to grow after 2014. Calculations showed that the largest volumes of resources were directed to industries with low or negative dynamics of TFP, which reduced its growth in the economy as a whole.

Keywords: total factor productivity; resource use growth index; labor productivity; return on assets; types of economic activity; Russian economy.

Маркетинговые аспекты интернета вещей

В статье рассмотрена набирающая популярность технология интернета вещей. Авторы раскрывают сущность данной технологии, демонстрируют ее место в структуре комплекса маркетинга. Приводятся кейсы, иллюстрирующие использование интернета вещей для достижения маркетинговых целей компаниями разных отраслей экономики. Основная часть статьи посвящена представлению результатов авторского маркетингового исследования, нацеленного на сбор эмпирического материала о маркетинговой эффективности интернета вещей. Авторы приходят к выводу, что использование интернета вещей в рекламных кампаниях вызывает позитивное отношение со стороны потребителей.

Ключевые слова: интернет вещей; маркетинг; «умные» устройства; Интернет; цифровая экономика.

Прогрессивное развитие сети Интернет создает возможности для применения новых методов влияния на покупателей. Помимо интернет-маркетинга, основанного на использовании социальных сетей, контекстной рекламы, E-mail и иных инструментов, развивается технология интернета вещей. Благодаря широкому распространению и использованию Интернета, электронных устройств и беспроводных сетей, данная технология легко внедряется в повседневную жизнь. При этом, несмотря на стремительное развитие перспективной технологии, существует небольшое число исследований по данной теме. В связи с этим вопросы, затрагиваемые в представленной статье, актуальны как для теории, так и для практики.

Сущность технологии интернета вещей

Интернет вещей (Internet of Things, IoT) – это беспроводная связь между материальными объектами посредством Интернета, которая позволяет обмениваться информацией и взаимодействовать без контроля и вмешательства людей. Можно сказать, что это единая сеть физических объектов, которые способны изменять свои параметры или параметры внешней среды, собирать информацию и передавать ее другим устройствам [1, с. 341].

Считается, что интернет вещей позволит исключить необходимость участия человека в общественных и экономических процессах, тем самым полностью перестроив их [2].

Концепция Интернета вещей заключается в наличии и взаимосвязи трех элементов:

- физического объекта или объектов;
- связи этих объектов, процесса передачи информации или данных с помощью сети Интернет;
- анализа полученных данных.

Носимые устройства, «умные» дома, «умные» города, промышленная автоматизация и многие другие области уже охватывают приложения для интернета вещей. Согласно данным исследовательской компании Strategy Analytics, к концу 2018 года количество подключенных к интернету вещей устройств во всем мире

* Татьяна Дмитриевна Гончарова, студентка 3-го курса ф-та компьютерных технологий, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

** Наталья Владимировна Хмелькова, д-р экон. наук, доцент, завкафедрой экономики и информатизации факультета компьютерных технологий, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

достигло 22 миллиарда. Ожидается, что к 2021 году их число составит 28 миллиардов [3].

Частью данного тренда выступает и Россия. Ведущий аналитический центр Ростеха – Центральный научно-исследовательский институт «Электроника» исследовал тенденции развития технологий интернета вещей в нашей стране. Результаты опроса свидетельствуют, что индустрия пока находится на начальных этапах развития. Вместе с тем интернет вещей – это безусловный тренд. В России существует ряд ассоциаций интернета вещей, множество организаций позиционирует себя в качестве непосредственных участников этой индустрии [4].

Информация, передаваемая посредством каналов интернета вещей, помогает получать ценные знания о продукции и поведении потребителей. Рассматриваемая технология в наибольшей степени затрагивает два элемента комплекса маркетинга.

- Товар. С помощью новых функциональных характеристик, добавленных к привычным продуктам, компании могут расширить целевую аудиторию благодаря тем свойствам, которые отсутствуют у товаров-конкурентов.

- Продвижение. Новые способы коммуникации с потребителем позволяют компаниям более эффективно формировать побуждающие мотивы к покупке товаров.

Кейсы использования технологии интернета вещей в маркетинге

Интернет вещей открывает огромные возможности для формирования новых связей между компанией и потребителями. По прогнозам аналитиков, 51 % маркетологов во всем мире будет активно использовать данную технологию в 2020 году [5].

С помощью интернета вещей продукт становится медиаканалом, который «общается» с потребителем через устройство. Покупатель может моментально узнать большой объем информации о товаре (характеристики, отзывы, страну производителя и многое другое). Например, с 2015 года крупнейший производитель алкоголя, компания «Diageo», совместно с норвежской фирмой «Thin Film Electronics» внедряет «умные» этикетки для бутылок с виски. С помощью смартфона посредством технологии NFC покупатель может подтвердить подлинность напитка и прочесть всё, что известно о товаре, начиная с сырья и заканчивая отгрузкой [6].

В 2015 году в США появились «умные зеркала» для примерочных. Технологии базируются на элементах дополненной реальности. Примерочные оснащены RFID-метками или сканерами штрих-кодов. Отсканировав понравившуюся вещь, посетитель получает список рекомендуемых аксессуаров или альтернативных вещей выбранных категорий. Опции предусматривают переключение между цветами без необходимости примерять вещь нужного цвета [7].

Компания Samsung Electronics, начиная с 2016 года, разрабатывает умный холодильник «Family Hub». С помощью экрана, который предоставляет персонализированные возможности для всех членов семьи, холодильник помогает упростить процесс управления запасами продуктов и приготовления пищи. При помощи голосовых запросов пользователи могут узнать время и прогноз погоды, найти нужную информацию в Интернете, прочитать новости, прослушать музыку и радио, составить список покупок и посмотреть, что хранится в холодильнике, не открывая дверь. Все функции, встроенные в «умный» холодильник, помогают облегчить повседневную работу, связанную с приготовлением пищи или закупкой продуктов. Сокращение времени на ежедневную работу позволяет привлечь большое количество заинтересованных покупателей [8].

С ноября 2018 года крупнейшая аптечная сеть в США Walgreens начала тестировать онлайн-рекламу на дверях холодильников магазина в Чикаго. Технология создает сеть «умных» дисплеев, которые маркетологи могут использовать для

рекламных объявлений. Камеры и датчики внутри холодильников позволяют распознавать пол и примерный возраст приближающихся покупателей, чтобы выдать сообщение, направленное специально на определенную группу. Также они могут определять, какие товары покупатели выбирали или смотрели, предоставляя рекламодателям информацию о том, насколько эффективно сработала их рекламная акция на экране. Опрос во время пробного проекта в Чикаго показал, что потребители предпочитают цифровые двери, считая, что они делают продукты более привлекательными [9].

В России в 2018 году компания «Яндекс» запустила проект по продвижению «умной» рекламы «Яндекс. Дисплей». Технология позволяет измерять аудиторию и делить ее на сегменты, давая рекламодателям возможность получить информацию о поле, возрасте и других характеристиках потенциальных покупателей [10].

Как видно из представленных примеров, технология интернета вещей чаще всего используется для достижения целей маркетинговых коммуникаций. Она позволяет оказывать прямое влияние на выбор потребителя путем персонального обращения к конкретным целевым аудиториям.

Исследование маркетинговой эффективности технологии интернета вещей

Для оценки влияния рекламных кампаний, использующих технологию интернета вещей, на жителей города Екатеринбурга и анализа количества пользователей, знакомых с данной технологией, в разных возрастных группах было проведено полевое маркетинговое исследование.

Были выдвинуты следующие гипотезы исследования:

- большинством пользователей товаров с технологией интернета вещей являются студенты;
- использование данной технологии в рекламных кампаниях оказывает большее влияние на работающих граждан старше 26 лет.

Объем генеральной совокупности был определен по данным статистики [11] и включил 563 700 жителей города Екатеринбурга, которые были разделены на две группы:

- студенты в возрасте до 25 лет (127 800 человек);
- работающие граждане в возрасте от 26 до 45 лет (435 900 человек).

С помощью онлайн-сервиса [12] был определен необходимый размер выборки. С доверительной вероятностью 95 % и доверительным интервалом 10 % выборка должна была состоять из 97 человек. В целом в ходе исследования было опрошено 100 респондентов. В опросе приняли участие студенты таких университетов, как УрФУ (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина), УрГЭУ (Уральский государственный экономический университет), УрГУПС (Уральский государственный университет путей сообщения), Гуманитарный университет.

В рамках опроса выяснялось, пользуются ли респонденты товарами с технологией интернета вещей, и если пользуются, то какие товары они предпочитают. Во второй части опроса было необходимо просмотреть примеры применения технологии интернета вещей в рамках рекламы и ответить на вопрос: будет ли подобная «умная» реклама производить на респондентов большее впечатление, чем традиционная? В заключительной части определялось, приходилось ли респондентам сталкиваться с «умной» рекламой в повседневной жизни? И если да, то с какой рекламой они сталкивались?

В ходе исследования были получены результаты, представляемые далее.

52 % студентов и лишь 30 % работающих граждан старше 26 лет пользуются товарами с технологией интернета вещей. Первая группа пользуется «умными» часами, сенсорными метками, технологией «умный» город. Во второй группе также есть пользователи «умных» часов и «умного» холодильника.

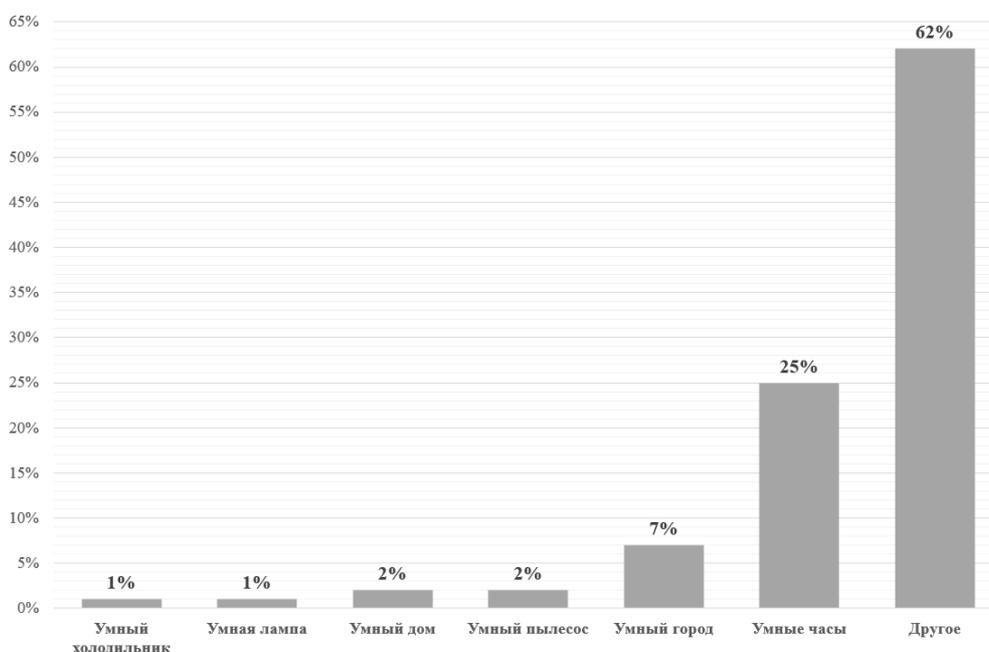

Рис. Данные о пользователях товаров с технологией интернета вещей

Данные о пользователях товаров по выборке в целом представлены на рисунке. В категории «другое» отражены респонденты, не пользующиеся товарами с технологией интернета вещей.

После того как опрашиваемые были ознакомлены с примерами «умной» рекламы, 72 % представителей первой группы ответили, что у них сложились положительные впечатления от взаимодействия с ней благодаря ее креативности, новизне и персонализированному отношению. Оставшиеся 28 % студентов относятся к рекламе в целом негативно и считают, что использование интернета вещей в этой области не произведет на них впечатления, как и реклама без этой технологии. Вторая группа исследуемых разделилась на две равные части. 50 % считают такую рекламу интересной, более информативной, способной привлечь внимание. Другая половина респондентов стремится игнорировать любую рекламу из-за ее большого количества.

Также было выявлено, что только 14 % студентов и 38 % работающих респондентов встречали подобную рекламу. Все видели «умную» рекламу лишь за рубежом или в аэропортах.

По результатам исследования была подтверждена первая гипотеза о преобладании среди пользователей технологии интернета вещей аудитории студентов. При этом вторая гипотеза данными исследования была опровергнута. Работающие граждане старше 26 лет в меньшей степени, чем студенты, подвержены действию «умной» рекламы. Вместе с тем, в целом, в обеих исследуемых группах число респондентов, положительно относящихся к подобным маркетинговым коммуникациям, является значительным. А в аудитории студентов – преобладающим.

Выводы

В заключение следует отметить, что стремительно набирающая популярность технология интернета вещей уже на текущем этапе своего развития имеет огромное количество способов применения в маркетинге. Технология позволяет облегчить работу не только пользователю товара, но и компании. При помощи данной технологии компания может укрепить отношения с клиентом, повысить спрос на продукцию, оперативно собирать всю статистику по товару и корректировать проведение рекламных кампаний. Многие компании, использующие интернет

вещей, уже сегодня могут говорить о положительных результатах его применения. Проведенное исследование также позволяет утверждать, что использование технологии интернета вещей в маркетинговых коммуникациях позитивно влияет на потребителей, оставляя у большинства из них положительное впечатление.

Литература

1. Сычева О. С., Якушин В. В. Интернет вещей как движущая сила маркетинга // Торгово-экономический журнал. – 2016. – Т. 3, № 4. – С. 341–348.
2. Зигангирова Л. Интернет вещей и новые возможности для маркетологов [Электронный ресурс] // Cossa. – 08.07.2016. – URL: <https://www.cossa.ru/trends/134146/>
3. Strategy Analytics: Internet of Things Now Numbers 22 Billion Devices But Where Is The Revenue? [Электронный ресурс] // Businesswire. – 16.05.2019. – URL: <https://www.businesswire.com/news/home/20190516005700/en/Strategy-Analytics-Internet-Things-Numbers-22-Billion>
4. Как развивается отрасль интернета вещей в России – «Ростех» [Электронный ресурс] // РБК Pro. – URL: <https://pro.rbc.ru/demo/5e1836b39a7947013c9647db>
5. Инфографика: что Интернет вещей готовит маркетологам? [Электронный ресурс]. – URL: https://iot.ru/meditsina/infografika_chno_internet_veschej_gotovit_marketologam
6. Дымов Ю. Виски в умной бутылке [Электронный ресурс] // Cigartime. – 13.03.2015. – URL: <http://cigartime.ru/drinks/stati/viski-v-umnoy-butylke>
7. Мосеев В. Как IoT меняет ритейл [Электронный ресурс]. – URL: <https://iot.ru/riteyl/kak-iot-menyayet-riteyl>
8. Холодильники Samsung Family Hub получили новые «умные» функции [Электронный ресурс] // Samsung. – 01.09.2019. – URL: <http://bit.ly/2iMYCTY>
9. O'Reilly L. Walgreens Tests Digital Cooler Doors With Cameras to Target You With Ads [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal. – 11.01.2019. – URL: <https://www.wsj.com/articles/walgreens-tests-digital-cooler-doors-with-cameras-to-target-you-with-ads-11547206200>
10. Яндекс запустил умную наружную рекламу [Электронный ресурс] // Шаг России : телеканал. – 24.05.2018. – URL: <http://rustep.com/2018/05/yandeks-umnaya-reklama/>
11. Итоги социально-экономического развития муниципального образования «город Екатеринбург» в 2018 году [Электронный ресурс]. – Екатеринбург : Департамент экономики Администрации города Екатеринбурга, 2019. – 158 с. – URL: <https://ekaterinburg.rf/file/d24ca3fc2ce687381483a16214110d93>
12. Расчет размера выборки [Электронный ресурс] // Socioline.ru : [сайт]. – URL: <https://socioline.ru/rv.php>

Tatiana Dmitriyevna Goncharova,

Applied Informatics Department, Liberal Arts University –
University for Humanities (Yekaterinburg)

Natalia Vladimirovna Khmelkova,

Doctor of Economics, Associate Professor, Head of Economics
and Informatization Chair, Liberal Arts University – University for Humanities
(Yekaterinburg)

Marketing Aspects of the Internet of Things

The paper discusses the growing popularity of the Internet of things technology. The authors revealed the essence of this technology, demonstrated its place in the structure of the marketing mix. They also presented cases illustrating the use of the Internet of things to achieve marketing goals by companies in various sectors of the economy. The main part of the article focused on the presentation of the results of the author's marketing research aimed at collecting the empirical material on the marketing effectiveness of the Internet of things. The authors concluded that the use of the Internet of things in advertising campaigns wins the hearts and minds of consumers.

Keywords: Internet of things; marketing; smart devices; Internet; digital economy.

Сравнительный анализ влияния различных форм партизанского маркетинга

В статье рассмотрены различные формы маркетинговых коммуникаций, объединяемые понятием «партизанский маркетинг». Авторы раскрывают сущность данной маркетинговой концепции. Приводятся кейсы, иллюстрирующие практическое использование различных форм партизанского маркетинга. Основная часть статьи посвящена представлению результатов авторского маркетингового исследования, нацеленного на сбор эмпирического материала о влиянии рассмотренных форм партизанского маркетинга. Авторы приходят к выводу, что все эти формы привлекают к себе значительное внимание со стороны потребителей. При этом они могут вызвать отторжение от рекламируемых товаров или услуг и не обеспечить роста продаж компаний.

Ключевые слова: партизанский маркетинг; партизанская реклама; вирусный маркетинг; эпатажный маркетинг; скрытый маркетинг; Ambient media; Life Placement.

Маркетинг в настоящее время является неотъемлемой частью деятельности любой компании. В маркетинге существует значительное число различных направлений: интернет-маркетинг, социальный маркетинг, нейромаркетинг и другие. В их числе заметное место занимает партизанский маркетинг. Данное маркетинговое направление было выделено относительно недавно, но в настоящее время активно используется различными компаниями, так как включает в себя широкий набор форм реализации. Рассмотрение форм партизанского маркетинга выступает предметом данной статьи. Объектом исследования являются компании, использующие партизанский маркетинг как средство продвижения своих товаров и услуг, а также потребители, испытывающие воздействие его различных форм.

Сущность и понятия партизанского маркетинга

Партизанский маркетинг – это маркетинг, нацеленный на эффективное продвижение товара или услуги, требующий относительно малых финансовых вложений или не требующий их вовсе [4]. Также существует еще одно определение партизанского маркетинга, которое используется в большом числе источников. Партизанский маркетинг – это рекламная стратегия, которая использует нетрадиционные маркетинговые методы при низком бюджете с целью реализации запоминающихся маркетинговых рекламных кампаний, которые бы являлись творческими. Данное определение является более развернутым и более соответствующим изучаемому направлению маркетинга, так как ориентируется не только на низкобюджетность рекламы, но и на ее креативность.

Партизанский маркетинг и формы его реализации – неотъемлемые друг от друга понятия. Формы реализации партизанского маркетинга – это определенные методы и группы методов, направленные на осуществление маркетинговой деятельности.

Помимо понятия партизанского маркетинга и его форм также выделяют понятие «эффективность». Эффективность в партизанском маркетинге – количествен-

* **Лидия Николаевна Сведенцова**, студентка 3-го курса ф-та компьютерных технологий, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

** **Наталья Владимировна Хмелькова**, д-р экон. наук, доцент, завкафедрой экономики и информатизации факультета компьютерных технологий, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

ный показатель, дающий информацию о результатах использования той или иной формы партизанского маркетинга.

Основные приверженцы партизанского маркетинга – это представители малого бизнеса, так как обычно именно небольшие предприятия не могут себе позволить большие денежные вложения в рекламную кампанию. Но это не исключает использования действенных партизанских методов и крупными фирмами.

Кейсы партизанского маркетинга

Так как партизанский маркетинг – это довольно молодое направление в продвижении товара, то нет устоявшегося и единогласно определенного списка всех форм его реализации, как и их классификации. Вместе с тем, как правило, в контексте партизанского маркетинга выделяют вирусный, эпатажный, скрытый маркетинг, Ambient media и Life Placement.

Вирусный маркетинг

Вирусный маркетинг нацелен на то, чтобы вызывать у потребителя желание пересматривать рекламу и делиться информацией с другими потребителями. Ниже приведены примеры успешных вирусных рекламных кампаний.

Old Spice. Одним из известных примеров использования вирусной рекламы является серия рекламных роликов мужского дезодоранта «Old Spice». Во всех рекламных видео принимал участие актер Терри Крюс. Во время старта рекламной кампании, благодаря юмористическому характеру рекламы, внимание к дезодоранту «Old Spice» значительно увеличилось, а реплики актера из этих роликов стали известны практически всем.

Evian. Еще одним примером вирусных роликов является реклама премиальной бутилированной воды Evian. В течение всего хронометража ролика внимание зрителя захватывают танцующие дети. В конце появляется название продукта и слоган «Живи молодым», провозглашающий, что люди, пьющие рекламируемую воду, остаются энергичными, как дети. Данная реклама была размещена на крупном интернет-видеохостинге «YouTube», где к 2009 году набрала более 45 млн просмотров. В дальнейшем видео попало в книгу рекордов Гиннесса как самая вирусная реклама.

Билайн. Наиболее выделяющаяся отечественная вирусная реклама – это реклама оператора сотовой связи Билайн «Гиги за шаги». На фоне действия играет некогда очень популярная композиция Benny Benassi – Satisfaction. Известный актер и певец Александр Ревва методично повторяет слова «гиги за шаги». Примечательно то, что он повторяет «гиги» множество раз, добавляя несуществующие, но понятные вариации слова, напоминающие лексическую редупликацию, как: «гиги-гигиги за шаги». При этом данное действие сопровождается поступательными движениями рук, напоминающими движения руками при ходьбе и шагами на месте. Есть также массовка, которая повторяет эти действия. Суть рекламы в том, что после подключения тарифа «Гиги за шаги», можно с помощью ходьбы бесплатно получить больше трафика мобильного Интернета в виде гигабайтов. Реклама получила вирусный эффект, и на данный момент, если ввести поисковой запрос в видеохостинге YouTube, можно на первых же позициях увидеть множество юмористических любительских вариаций ролика. Например, 10-часовые ролики, в которых весь хронометраж повторяется одна и та же реклама. Вероятно, на «вирусность» ролика повлияло использование известной преимущественно среди молодых людей вышеупомянутой музыкальной композиции, клип которой тоже был довольно вирусным. Реклама динамична, и фразы, используемые в ней, легко запоминаются и закрепляются в памяти.

Эпатажный маркетинг

Эпатажный, или шокирующий, маркетинг, так же как и вирусный, представляет собой форму партизанского маркетинга, в котором необходимо проявить

креативность. Но, в отличие от вирусного, эпатажный использует провокационные, а иногда и неприемлемые с точки зрения морали способы привлечения внимания.

Евросеть. Существовавшая до 2018 года фирма-ритейлер «Евросеть» была известна своей эпатажной рекламой. Данная сеть активно использовала провокационные методы маркетинга, такие как рекламные слоганы, упаковки и баннеры с завуалированной нецензурной лексикой. Не раз за данную кампанию ритейлер получал штрафы от Федеральной Антимонопольной Службы. Но, так как штрафы были относительно небольшими по сравнению с эффектом от эпатажного маркетинга, Евросеть продолжала использовать провокационные маркетинговые приемы. Также компания известна благодаря проведению акции «Разденься за телефон» в 2003 году, которая вызвала неоднозначную реакцию в обществе. Подразумевалось, что первым 20 посетителям, которые придут в магазин сети и разденутся, компания даст по телефону Motorola C350. И желающие поучаствовать в данной акции нашлись. Она обошлась Евросети всего в 1 320 долларов, но привела в магазины много новых клиентов и обеспечила большой резонанс в СМИ, в том числе в разных странах.

Бургер Кинг. В России довольно популярная сеть ресторанов быстрого питания «Burger King» постепенно наращивает количество открытых ресторанов по своей собственной франшизе. Burger King выделяется своим эпатажным и агрессивным маркетингом, в особенности в отношении конкурентов. Конкретно, речь идет о другой известной сети ресторанов быстрого питания – McDonald's, поскольку именно она выступает его прямым конкурентом. Такое явление носит название «маркетинговые войны». Также рекламную кампанию Burger King можно считать неэтичной, поскольку в ней присутствует завуалированные слова, отсылающие к ненормативной лексике. За вышеперечисленные действия Burger King постоянно получает штрафы от Федеральной Антимонопольной Службы, но продолжает идти по пути провокационного, агрессивного маркетинга, поскольку он крайне эффективен с точки зрения маркетингового воздействия.

Скрытый маркетинг

Особенностью скрытого маркетинга является незаметность факта рекламы. Интегрированные в продукты массовой культуры (фильмы, клипы и т. д.), товары и бренды выглядят уместно и ненавязчиво.

Актуаль. Данный продукт скрытно рекламировался в музыкальном видео «Френдзона/МэйбиБэйби – Аскорбинка» в 2019 году. На 55-й секунде девушка вращает бутылку с этикеткой этого напитка, и эта бутылка крутится в течение 4 секунд. Чуть позже, а именно на 96-й секунде, в кадре снова появляется бутылка со смесью молочной сыворотки и фруктового сока «Актуаль» в руках девушки. Данный видеоролик выглядит ярко и красочно. В нем происходит динамичная смена атмосферы в кадрах. Видеоролик сопровождается запоминающейся музыкальной композицией. Музыкальное видео на момент написания статьи собрало уже около 22 млн просмотров. Рекламный ролик не направлен конкретно на прямой вызов ассоциации рекламируемого продукта с яркими жизненными переживаниями, но имеет определенный положительный эффект. Такая скрытая реклама не вызывает отторжения, а потому можно сделать вывод, что вероятность успешной стимуляции к покупке данного напитка «Актуаль» высока.

Ambient Media

Ambient-реклама является разновидностью наружной рекламы. Но отличие состоит в том, что ее использование не ограничивается одними лишь баннерами и граффити. Для реализации данного вида рекламы компании активно используют окружающую среду. Примеры приведены ниже.

Kit Kat. Рекламные скамейки в виде шоколадных плиток «KitKat» были установлены в парках и торговых центрах Лондона в 2008 году.

Jak Petz. В 2009 году одно индонезийское рекламное агентство реализовало оригинальный проект по рекламе спрея от насекомых для домашних животных фирмы «Jak Petz». Реклама представляла собой большой напольный стикер площадью 225 квадратных метров с изображением собаки, расположенный на нижнем этаже одного торгового центра. С верхних этажей казалось, что люди, проходящие по такому стикеру, – это блохи. Рядом с изображением питомца была видна крупная надпись: «Уберите их с Вашей собаки».

Все инструменты. ру. Российский интернет-магазин по продаже строительных инструментов придумал неординарный вариант использования обычного рекламного щита. На самом рекламном стенде был изображен фрагмент дрели, а к опоре для этого стенда было присоединено большое сверло, соразмерное этой дрели. Таким образом создавалось впечатление, что реклама выходит за рамки баннера в реальный мир, что очень впечатляло прохожих.

Life Placement

Технология Life Placement предполагает создание реалистичной ситуации с актерами или «подстроеными» пользователями сети Интернет.

Sony Ericsson. Классическим примером является одна из рекламных кампаний, реализованных в свое время фирмой Sony Ericsson. Данную кампанию провели в 10 городах США, в каждом из которых были наняты актеры, которые изображали туристов, прогуливающихся по улицам. При этом они просили прохожих сфотографировать их возле достопримечательностей на рекламируемый телефон, который у них был. Прохожие, в свою очередь, интересовались, что это за телефон, а актеры начинали рассказывать о нем, его преимуществах и характеристиках.

Sitronics. Еще один пример Life Placement был продемонстрирован компанией по продаже техники Sitronics. Во время рекламной кампании также были наняты актеры, которые появлялись в многолюдных местах с улыбками на лице и несли в руках коробки из-под техники. В результате такая реклама привлекла внимание ряда покупателей.

Основываясь на успешных примерах использования рассмотренных форм партизанского маркетинга, можно прийти к выводу, что любая партизанская рекламная кампания может принести популярность рекламируемым товарам, услугам, фирмам. Но для этого необходим грамотный выбор индивидуально подходящих рекламных площадок, а также соответствие стратегии рекламной кампании способу ее реализации. Также следует отметить, что, несмотря на неоднозначность классификаций и принадлежности тех или иных видов маркетинга к «партизанским», партизанский маркетинг может содержать в себе немалый набор форм для реализации. Следовательно, каждая компания, основываясь на собственных целях, преимуществах и недостатках методов, может найти в данном направлении маркетинга оптимальный вариант для продвижения на рынке товаров и услуг. При этом, поскольку разные формы партизанского маркетинга приносят разное количество внимания от потребителей, могут иметь место разные риски и негативные последствия, а также разный финансовый результат, то представляет интерес сравнительный анализ влияния каждой отдельной формы на потребителя.

Маркетинговое исследование влияния различных форм партизанского маркетинга

Целью авторского исследования стали анализ и сравнение влияния различных форм партизанского маркетинга на основе изучения субъективного мнения потребителей.

Была выдвинута следующая исследовательская гипотеза: все формы реализации партизанской рекламы привлекают к себе повышенное внимание со стороны потребителей, вызывают минимальное отторжение и помогают компаниям реализовывать большее количество товаров или услуг.

План авторского исследования включал следующие этапы:

1. Выбор исследуемых форм партизанского маркетинга.
2. Выбор критериев для оценки каждой из партизанских форм.
3. Выбор метода авторского исследования.
4. Определение генеральной совокупности и параметров выборки.
5. Составление анкеты для сбора данных и поиск респондентов.
6. Сбор данных и обработка результатов.
7. Формулирование выводов.

В исследовании были проанализированы описанные выше формы реализации партизанского маркетинга.

Были выдвинуты следующие критерии для оценки каждой из форм:

1. Степень концентрации внимания потребителя на рекламе.
2. Уровень возможного отторжения рекламы потребителем.
3. Готовность потребителя к покупке рекламируемого товара/услуги.

Методом сбора информации для исследования стал опрос в форме анкетирования. Для него, в свою очередь, было необходимо определить генеральную совокупность и выборку.

Была определена следующая генеральная совокупность:

1. Возраст от 18 до 35 лет.
2. Жители Свердловской области.
3. Постоянные пользователи Интернета.

Последнее обусловлено тем, что в информационную эпоху партизанские методы рекламы активно используются в виртуальном пространстве.

По данным из раздела статистики на интернет-ресурсе Управления Федеральной службы статистики по Свердловской области [8], было выяснено, что в нашем регионе проживают 556 917 человек в возрасте от 18 до 35 лет. Было также учтено, что, по данным ВЦИОМ на январь 2019 года, 67 % населения России регулярно пользуется сетью Интернет. Факторы региональной и возрастной принадлежности в данном случае не учитывались.

Исходя из этого было определено, что генеральная совокупность составляет $556\,917 \times 0,67 = 372\,464$ человек.

В целях формирования выборки с помощью онлайн-сервиса [7] рассчитывалась погрешность доверительного интервала. В ходе анкетирования были опрошены 80 человек. При доверительной вероятности 95 %, размере выборки в 80 респондентов и генеральной совокупности 372 464 человека, погрешность доверительного интервала составила $\pm 10,96$ %.

Для размещения анкеты использовался сервис Google Forms.

По каждой из пяти рассматриваемых форм реализации партизанского маркетинга были заданы три вопроса. Вопросы были сформулированы в зависимости от особенностей каждой из форм и с учетом описанных выше критериев. Респонденты должны были по каждому вопросу давать ответ по 5-балльной шкале в зависимости от формулировки вопроса, где 1 – абсолютно нет, 5 – определено да.

Пример оформления вопроса показан на рисунке 1.

Обращаете ли Вы внимание на появление брендов в фильмах, сериалах, музыкальных клипах?

1 2 3 4 5

Абсолютно нет Определённо да

Рис. 1. Пример оформления вопроса в анкете

Перечень заданных вопросов представлен в Приложении.

Для того чтобы определить среднюю по выборке оценку каждого из критериев для каждой из форм партизанского маркетинга, была использована программа Microsoft Excel. Применялась следующая последовательность вычислений:

- подсчитывалось количество ответов на каждый из вариантов всех вопросов анкеты;
- высчитывалась суммарная взвешенная оценка, где в качестве веса выступало количество респондентов, выбравших тот или иной вариант ответа на вопросы;
- рассчитывалась средневзвешенная оценка по каждому вопросу в баллах и процентах.

Процесс и результат вычислений продемонстрированы на рисунке 2. Рассчитанная процентная оценка показала, насколько каждая из исследуемых форм партизанского маркетинга может вызвать у потребителя внимание, отторжение и желание приобрести рекламируемый товар или услугу.

	№ вопроса	Количество ответов по шкале					Сумма баллов (сумма произв.)	Средняя оценка (сумма баллов/80)	Средняя оценка в %% от макс. возможного результата	
		1	2	3	4	5				
Степень привлечения внимания потребителей	1 (вирусная реклама)	2	3	13	28	34	329	4,1	82%	Степень привлечения внимания потребителей
	2 (эпатажная реклама)	4	11	16	25	24	294	3,7	74%	
	3 (скрытая реклама)	4	5	14	29	28	312	3,9	78%	
	4 (Ambient media)	3	10	19	26	22	294	3,7	74%	
	5 (Life placement)	1	9	5	20	42	324	4,1	81%	
Степень возможного отторжения потребителей от рекламы	6 (вирусная реклама)	6	11	22	19	22	280	3,5	70%	Степень возможного отторжения потребителей от рекламы
	7 (эпатажная реклама)	6	12	24	24	14	268	3,4	67%	
	8 (скрытая реклама)	13	16	27	15	9	231	2,9	58%	
	9 (Ambient media)	15	27	25	8	5	201	2,5	50%	
	10 (Life placement)	4	16	27	25	8	257	3,2	64%	
Степень готовности потребителя купить рекламируемый товар	11 (вирусная реклама)	10	24	23	15	8	227	2,8	57%	Степень готовности потребителя купить рекламируемый товар
	12 (эпатажная реклама)	8	23	27	15	7	230	2,9	58%	
	13 (скрытая реклама)	6	21	21	18	14	253	3,2	63%	
	14 (Ambient media)	6	21	23	22	8	245	3,1	61%	
	15 (Life placement)	9	21	28	13	9	232	2,9	58%	

Рис. 2. Результаты исследования

На основе анализа полученных данных были сделаны следующие выводы:

- Каждая из форм партизанского маркетинга обладает довольно высокой (74 % и более) степенью привлечения внимания к продвигаемому товару или услуге.
- Возможное отторжение потребителей от рекламируемого товара или услуги в случае неудачной реализации каждой из форм незначительно ниже, чем внимание, которое реклама может привлечь. Степень отторжения можно считать средней для скрытой, ambient, life placement рекламы и высокой для вирусной и эпатажной.
- Готовность потребителя купить рекламируемый товар заметно ниже, чем предыдущие два показателя. Для всех форм партизанского маркетинга этот показатель средний (около 50–60 %). Это говорит о том, что эффект от рекламы гарантирует покупку рекламируемого товара или услуги лишь в половине случаев.

Таким образом, первоначально выдвинутая гипотеза в ходе исследования была подтверждена лишь частично. Все формы реализации партизанского маркетинга однозначно привлекают к себе много внимания со стороны потребителей, но это не исключает того факта, что такая реклама может вызвать у потребителей отторжение от рекламируемых товаров или услуг и не обеспечить роста продаж компании.

Заключение

Партизанский маркетинг – это концепция, использующая необычные и/или низкобюджетные рекламные методы для реализации запоминающихся и выделяющихся рекламных кампаний. Он может включать в себя множество возможных форм реализации, среди которых общепринятыми являются вирусная, провокационная и скрытая реклама, а также Ambient-реклама и Life Placement. При помощи инструментов партизанского маркетинга компании могут добиться эффективного результата в продвижении своей продукции, а также получить известность среди большого числа потребителей. Также партизанский маркетинг может вызвать отторжение и не оказать гарантированного влияния на рост продаж товара.

Литература

1. Белановский С. А. Глубокое интервью и фокус-группы : учеб. пособие. – 3-е изд. – М. : Издатель Глеб Беляев, 2018. – 280 с.
2. Виды и приемы партизанского маркетинга [Электронный ресурс] // Memosales. – URL: <https://memosales.ru/partizanim/moshhnyj-effekt-nestandartnoj-reklamy>
3. Левинсон Д. Партизанская креативность. Создайте маркетинговый вирус и заразите им потребителя. – М. : Эксмо, 2007. – 320 с.
4. Левинсон Д. Партизанский маркетинг. Простые способы получения больших прибылей при малых затратах. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2012. – 432 с.
5. Нестандартная реклама как способ продвижения товара [Электронный ресурс] // Promopuls : [сайт]. – 19.06.2010. – URL: http://promopuls.blogspot.ru/2010/06/blog-post_7268.html
6. Тонкушина О. Партизанский маркетинг: 125 примеров для вдохновения [Электронный ресурс] // Texterra : [сайт]. – 16.06.2017. – URL: <https://texterra.ru/blog/partizanskiy-marketing-125-primerov-dlya-vdokhnoveniya.html>
7. Расчет размера выборки [Электронный ресурс] // Socioline.ru : [сайт]. – URL: <https://socioline.ru/rv.php>
8. Статистика [Электронный ресурс] // Свердловскстат. Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. – URL: <https://sverdl.gks.ru/statistic>

Содержание анкеты

Вопросы 1–5 помогают оценить, насколько та или иная форма партизанской рекламы может привлечь внимание потребителя к рекламируемому товару/услуге.

1. Может ли Вас заинтересовать продукт, если его реклама Вам понравилась или укрепилась в памяти? (*Вирусный маркетинг.*)

2. Легко ли привлечь Ваше внимание к продукту или услуге, если его реклама носит непристойный характер или вызывает всплеск эмоций? (*Эпатажный маркетинг.*)

3. Обращаете ли Вы внимание на появление брендов в фильмах, сериалах, музыкальных клипах? (*Скрытый маркетинг.*)

4. Часто ли во время прогулок или посещения общественных мест Вы обращаете внимание на присутствующую вокруг Вас рекламу? (*Ambient media.*)

5. При выборе определенной марки необходимого Вам товара обращаете ли Вы внимание на отзывы? (*Life placement.*)

Вопросы 6–10 помогают оценить, насколько сильным может быть отторжение у потребителя от той или иной формы партизанской рекламы в случае, если рекламная кампания окажется неудачной.

6. Может ли раздражение от навязчивой «вирусности» рекламы повлиять на Ваш отказ когда-либо пробовать рекламируемый продукт? (*Вирусный маркетинг.*)

7. Возникает ли у Вас недоверие к продукту или компании, если их рекламная кампания выходит за какие-либо моральные и общественно приемлемые нормы? (*Эпатажный маркетинг.*)

8. Появляется ли у Вас отторжение от товара, если Вы понимаете, что его скрыто рекламируют? (*Скрытый маркетинг.*)

9. Отталкивает ли Вас любая реклама, которую Вы встречаете на улице? (*Ambient media.*)

10. Вызывает ли у Вас подозрение тот факт, что Вы замечаете много хороших отзывов на определенный товар или услугу? (*Life placement.*)

Вопросы 11–15 помогают определить готовность потребителя приобрести товар или услугу при воздействии на него методов рекламы той или иной формы партизанского маркетинга.

11. Можете ли Вы попробовать или приобрести продукт, если его реклама «заедает» у Вас в голове? (*Вирусный маркетинг.*)

12. Попробовали/купили ли бы Вы продукт, если бы общество активно обсуждало его или его скандальную рекламную кампанию? (*Эпатажный маркетинг.*)

13. Может ли появление определенного товара/услуги в продуктах массовой культуры (фильмы, сериалы, блоги) вызвать у Вас желание тоже попробовать/приобрести товар или услугу? (*Скрытый маркетинг.*)

14. Можете ли Вы захотеть приобрести товар, если Вас впечатлила его реклама на улице? (*Ambient media.*)

15. Можете ли Вы купить товар именно той марки, которую посоветовали или продемонстрировали лично незнакомые Вам люди? (*Life placement.*)

Lidiya Nikolaevna Swedentsova,

Applied Informatics Department, Liberal Arts University –
University for Humanities (Yekaterinburg)

Natalia Vladimirovna Khmelkova,

Doctor of Economics, Associate Professor, Head of Economics
and Informatization Chair, Liberal Arts University – University for Humanities
(Yekaterinburg)

Comparative Impact Analysis of Various Forms of Guerrilla Marketing

The article deals with various forms of marketing communications, united by the concept of guerrilla marketing. The authors revealed the essence of this marketing concept. Several cases illustrating the practical use of various forms of guerrilla marketing are given. The main part of the article is devoted to the presentation of the results of the author's marketing research aimed at collecting the empirical material on the impact of the considered forms of partisan marketing. The authors concluded that all these forms attract considerable attention from consumers. At the same time, they may cause rejection of the advertised goods or services and not ensure the growth of companies' sales.

Keywords: guerrilla marketing; guerrilla advertising; viral marketing; outrageous marketing; hidden marketing; Ambient media; Life Placement.

|| ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Кризис либеральной правовой культуры России после 1905 года: «педагогика свобод» и юридическое просвещение**

Массовая политическая литература зарождается в России во время революции 1905 года. Личные свободы и их закрепление в законодательстве были одной из важнейших ее тем. Посвященные им брошюры представляли собой своего рода педагогику свобод. Такая педагогика свидетельствует о жизнеспособности либеральной правовой культуры того времени, которая была сосредоточена на вопросах об универсальной ценности личных прав и верховенстве права. В 1917 году она была использована повторно почти без изменений, но уступила место другим дискурсам, имеющим более четкую направленность, утратив свою универсальную позицию. Разрыв между двумя литературами, произошедший в 1917 году, обусловлен проблемой, с которой либеральная правовая культура столкнулась после Революции 1905 года. Так, между педагогикой свобод, с одной стороны, и законодательством, с другой стороны, обнаружилось противоречие. Оно подчеркивается Б. Кистяковским, написавшим статью для сборника «Вехи» 1909 года, хотя он и не был готов признать существование напряжения внутри либерального педагогического проекта. Б. Кистяковский предложил укрепить этот проект за счет усиления влияния в обществе профессиональных юристов. Однако предложенное им решение столкнулось со многими препятствиями, и метод популяризации – на тот момент наиболее типичный способ удовлетворения потребности российской элиты в правовой культуре – был почти полностью отброшен либералами. Тогда становится понятно, почему педагогика свобод в 1917 году стала всего лишь бесплодным повторением устаревшего дискурса.

Ключевые слова: правовая культура; правовое сознание; популярная литература; либерализм; свободы; политическая партия; брошюра; революция.

Революция 1905 года в России – генеральная репетиция 1917 года? Это мнение процветало во времена Советского Союза, но с тех пор историки отказались от такой оценки¹. Однако нет необходимости отбрасывать мотив репетиции, если допустить изменение перспективы, освободиться от телеологии революции и, таким образом, рассмотреть 1917 год до октября. Тогда в некоторых отношениях 1917 год, скорее, повторяет, воспроизводит, воссоздает 1905 год. Пример такого заикания после февраля 1917 года в свете опыта 1905–1906 гг. можно найти в дискурсе «свобод» и либеральных институциональных реформ. Сопоставление мест, занимаемых им в двух эпизодах – 1905 и 1917 гг., – наводит на мысли о том явлении, которое мы определим как «либеральная правовая культура» России применительно к каждому из этих двух моментов, но также и к периоду между ними.

1905–1906 гг. стали для России временем выдающихся политических инноваций в мобилизационных лозунгах и принятых методах протеста. В контексте происшедшего тогда освобождения слова, которое отчетливо видно благодаря активному развитию периодической печати, изданию листовок, книг и брошюр,

* Мишель Тисье, специалист по современной истории, доцент Университета Ренн-2 (Франция).

** Tissier M. Malaise dans la culture juridique libérale en Russie après 1905: «pédagogie des libertés» et éducation au droit // Cahiers du Monde russe. – 2007. – Vol. 48, No 2-3. – P. 185–208. Перевод подготовлен с любезного согласия журнала «Cahiers du Monde russe», а также при финансовой поддержке, предоставленной в 2019 г. университетом Ренн-2 и лабораторией TEMPORA EA 7468.

Перевод с французского языка канд. юрид. наук, докторанта Университета Бордо В. А. Токарева (e-mail: basiletok@gmail.com).

¹ См.: Coquin F.-X. 1905: la révolution russe manquée. – Bruxelles : Complexe, 1985. – P. 6–7.

в России впервые появилась настоящая массовая политическая литература². Ее развитие обнаруживает у большинства авторов две взаимодополняющие и практически неотделимые друг от друга цели. С одной стороны, это пропаганда определенного политического течения, а с другой стороны – просвещение предполагаемых читателей или тех, кто мог прочесть подобные тексты. Как правило, именно «народ» был адресатом этой литературы, даже если использование авторами определенных средств обуславливает постановку проблемы адекватности потенциальной аудитории их представления о народе. Итак, эта литература выполняет функцию своего рода колоссального урока политического воспитания, начатого в 1905 году и набравшего обороты на волне избирательной кампании в первую Думу и нескольких месяцев существования данного собрания в 1906 году (тогда как в 1907-м публикаций становится значительно меньше). Впрочем, в такой массе публикаций литература о «свободах» не была исключительной прерогативой ни формировавшихся тогда конституционалистских политических партий, прежде всего кадетов и октябристов, ни близких к ним авторов и издателей. Напротив, тема свобод объединяла разных революционеров социалистического толка со сторонниками конституционалистских и либеральных концепций в их противостоянии режиму³. И те и другие столкнулись с общей трудностью. Они должны были разъяснить и объяснить населению – своим потенциальным читателям и избирателям – понятия «свобод», которые считались правовыми концептами, основанными на специальных знаниях и связанными с зарубежным опытом. Их статус оставался неоднозначным или противоречивым. Рассуждали о «гражданских» или «индивидуальных» свободах, но некоторые также считали их «политическими»⁴. Классическое французское выражение «публичные свободы» («*libertés publiques*») достаточно хорошо отражает их сохраняющуюся двусмысленность: свободы, признаваемые и гарантируемые для каждого и обеспечивающие участие в политической жизни настолько, насколько это возможно. Во всяком случае, дискурс свобод накладывался на местный лексикон, тесно связанный с понятием «свобода». Отсюда вытекали направленные на популяризацию среди населения России правовых концепций свобод многочисленные инициативы, которые можно назвать педагогикой свобод. Вовлеченные в нее авторы рассматривали данную тему практически одинаково и со схожими намерениями, независимо от их политических предпочтений.

В 1917 году подобные публикации появляются снова. Иногда речь шла о переиздании брошюр, увидевших свет еще в 1905–1906 гг. Издавались и абсолютно новые, однако их содержание мало отличалось от более ранних брошюр. Как же, таким образом, объяснить, что 1917-й повторяет 1905-й? Самый простой ответ заключается в том, что этот год является следствием обещаний, данных императорским режимом в отношении свобод в 1905 году и не выполненных им. Поскольку в 1917 году представления российских подданных о свободах оставались весьма смутными, пришлось снова взяться за дело. Ни провозглашение свобод, ни даже перевод такого декларативного акта на юридический язык, чтобы гарантировать осуществление этих свобод, не делали, с точки зрения их адептов, подобную просветительскую работу бесполезной. Наоборот, именно после того, как царь упомянул о свободах в Манифесте от 17 октября 1905 года, брошюры, по-

² Рубакин Н. А. Книжный прилив и книжный отлив // Современный мир. – 1909. – № 12. – II. – С. 1–25, особенно с. 8 ; Brooks J. When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917. – Princeton : Princeton University Press, 1985. – P. 345–346.

³ Этот аспект подробно рассматривается в следующей работе: Edmondson L. Was There a Movement for Civil Rights in Russia in 1905? // Crisp O., Edmondson L. (eds.). Civil Rights in Imperial Russia. – Oxford : Clarendon Press, 1989. – P. 263–285.

⁴ Ibid. P. 276.

священные свободам, стали издаваться десятками. В 1917 году программа и первые декларации Временного правительства придавали большое значение «конституционным свободам»⁵. Его первые меры были направлены на упразднение царских репрессивных органов и провозглашение положений, устанавливающих режим свободы печати, союзов, свободы совести, вплоть до созыва Учредительного собрания⁶. Именно тогда начала возрождаться литература о свободах (и это не случайно, поскольку была отменена цензура).

Учет всех различных брошюр, посвященных свободам и изданных в 1905–1906 гг., с одной стороны, и в 1917 году, с другой, – непростая задача. Только в середине 1917 года появился вестник «Книжная летопись» Главного управления по делам печати, где еженедельно публиковался список новых неперIODических печатных изданий. Этот источник полезен для составления систематического и вполне достоверного перечня брошюр, изданных в 1917 году, но только до августа⁷. Эквивалента для 1905–1906 гг. не существует. Поэтому следует обратиться к другим источникам, которые трудно охватить целиком. Сборники, составленные в то время с целью «рекомендовать» читателям брошюры для чтения по той или иной теме, в частности о свободах и институциональных вопросах, содержат ценные, но очевидно неполные сведения⁸. Остается поиск в библиотечных каталогах при наличии надлежащих регистрационных записей или специализированных коллекций. Такую возможность предоставляет Библиотека современной международной документации в Нантере⁹. Начиная с межвоенного периода, в ней собираются многочисленные пропагандистские брошюры, изданные в 1905–1906 и 1917 гг., в частности по вопросу о «публичных свободах»¹⁰. При этом следует учитывать, что данный вопрос также рассматривается в брошюрах с более широким правовым или политическим содержанием.

⁵ Первая декларация Временного правительства от 6 марта 1917 г. Цит. по: Ferro M. *La révolution de 1917*. – P. : Albin Michel, 1997. – P. 925–927.

⁶ White H. J. *Civil Rights and the Provisional Government* // Crisp O., Edmondson L. (eds.). *Civil Rights in Imperial Russia*. – Oxford : Clarendon Press, 1989. – P. 300–302.

⁷ Книжная летопись. – 1917. – № 42–44. – С. 1–2.

⁸ В отношении 1905–1906 гг. см., например: Указатель общедоступных книг по общественно-политическим вопросам. – Вып. 1. – СПб. : (Литературная комиссия при Всероссийском союзе учителей и деятелей по народному образованию), 1906 ; Обзор литературы по избирательному праву. – Вып. 1. – Ростов н/Д : Изд. А. Сура (Склад при книгоиздательстве «Донская речь» в Ростове-на-Дону), 1906 ; Что читать? – Вып. I : Литература по правовому вопросу. – СПб. : Издание Товарищеского книгоиздательства, 1907. В отношении 1917 года см., например: Указатель рекомендуемой литературы по вопросам социально-политическим. – М. : Общество младших преподавателей Московского университета, 1917 ; по вопросу о брошюрах, содержащих библиографические рекомендации и изданных прямо или косвенно политическими партиями в 1917 году, см.: Базанов П. Н. Что читать гражданину свободной России: из истории рекомендательной библиографии политических партий России 1917 г. // Библиография. – 1995. – № 4. – С. 99–106.

⁹ После публикации настоящей статьи эта библиотека сменила название, и с 2018 года она называется «La contemporaine. Bibliothèque, archives, musée des mondes contemporains» (или просто «La Contemporaine»). Подробную информацию о ней, в том числе о ее интересной истории, можно найти на официальном сайте: <http://www.lacontemporaine.fr/>. – *Прим. авт.*

¹⁰ Эволюция «общественного сознания» входила в число приоритетных объектов исследования бывших Военных музея и библиотеки. О брошюрах, изданных во время революции 1917 года и собранных библиотекой, см.: Dumesnil A., Lerat W. (éd.). *Catalogue des Bibliothèque et Musée de la guerre: catalogue méthodique du fonds russe de la bibliothèque / introd. par C. Bloch*. – P. : A. Costes, 1932. – P. VII–VIII, 174 и след. Кроме того, в 1933 году библиотека пополнилась фондом документов и книг, собранных меценатом начала века князем Бебутовым. Этот князь грузинского происхождения коллекционировал материальные свидетельства деятельности русских революционных кругов того времени. Значительная часть брошюр, датированных 1905–1906 гг. и хранящихся в Библиотеке современной международной документации, г. Нантер (BDIC), – из его коллекции. Об этом фонде см.: Goriounov A., Houzel R. *Fonds Bebutov (F DELTA res 811): inventaire*. – Nanterre : BDIC, 2002. – P. 1.

По всей видимости, ситуация, сложившаяся в 1917 году, должна была обеспечить литературе о свободах не меньший резонанс, чем в 1905–1906 гг. Временное правительство оказалось намного более склонным к содействию этому, чем имперское правительство одиннадцать лет назад. Мы покажем, что если такой резонанс имел место, то он был еще неопределеннее, чем в 1905–1906 гг. Посредством дискурса свобод – но не «свободы» – либеральная правовая культура наиболее ярко пропагандировалась в русской истории не в 1917-м, а в 1905–1906 гг. По нашему мнению, именно сомнения относительно целей «либеральной правовой культуры» и способов ее продвижения после 1906 года привели к тому, что она утратила свой блеск. Ее сторонники в юридических кругах вряд ли могли вернуть ей былое величие. Мы убедимся в этом, изучив их взгляды на просвещение населения России в духе уважения свобод, приверженцами которых они были.

«Педагогика свобод»: когда 1917-й повторяет 1905-й...

В чем конкретно состояли эти свободы? Для их обозначения в 1905 году использовалось несколько выражений. Императорский Манифест от 17 октября предписывал правительству «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы», разъясняя содержание данного положения путем следующего перечисления: «неприкосновенность личности, свобода совести, слова, собраний и союзов». Выражение «гражданские права», наиболее часто употреблявшееся в 1905–1906 гг., в целом соответствовало этому списку, но не ограничивалось им. Так, свобода печати тоже прямо называлась большинством авторов. Кроме того, неприкосновенность жилища и тайна переписки дополняли неприкосновенность личности. Наконец, как следствие перечисленных свобод, обычно рассматривалось равенство всех перед законом. Вокруг этого ядра авторами выстраивались разнообразные модели: одни настаивали на свободе передвижения, другие – на свободе вступать в профсоюзы или проводить забастовки. При этом все обсуждаемые тогда свободы были «формальными», т. е. гарантировались преимущественно юридическими процедурами. Они не включали в себя экономических и социальных прав в форме «прав-требований» («*droits-créances*»). Поэтому в 1905–1906 гг., когда один социал-демократический автор писал о свободах, ссылаясь на защиту интересов пролетариата, он настаивал на необходимости реального обеспечения рабочим возможности пользоваться теми же правами, что и другие социальные классы¹¹.

Так же широко использовалось другое общее выражение – «права человека и гражданина». Однако его применение не носит систематического характера. Что же касается случаев его использования, то следует проявлять осторожность, устанавливая подлинный смысл обозначаемых им явлений. По сути, ядро свобод, отстаиваемых и пропагандируемых в России в 1905–1906 гг., только отчасти соответствует содержанию «прав человека и гражданина», провозглашенных в 1789 году или, иным образом, в 1793 году. Носящее весьма общий характер перечисление во французских декларациях «естественных и неотчуждаемых прав» – свободы, собственности, безопасности и сопротивления угнетению (1789), или равенства, свободы, безопасности и собственности (1793) – не нашло отражения ни в требованиях противников царизма, ни в педагогике свобод. Вопреки представлениям, полностью основанным на наивном пустословии о правах человека 1905 года, внимание педагогов свобод привлекало не декларативное значение свобод, а необходимость их выражения в позитивном праве и создания

¹¹ Балабанов М. Личная свобода (Неприкосновенность личности, жилища, частной переписки и свобода передвижения). – 2-е изд. – СПб. : Новый Мир, 1906. – С. 35–47 (глава «Личная свобода и пролетариат»).

для этого юридических гарантий¹². С этой точки зрения, педагоги свобод в России 1905 года дистанцировались от французских революционных преобразований. Во Франции после 1789 года потребовалось более века политической борьбы и правовых разработок, чтобы закрепить основные свободы в позитивном праве. Иногда это делалось даже вопреки принципам, провозглашенным революцией. Англия или Соединенные Штаты Америки гарантировали осуществление свободы союзов ранее, чем французский республиканский режим. Поэтому за выражением «права человека и гражданина» в брошюрах 1905–1906 гг. на самом деле стояли менее определенная история и более разнообразные референции, чем позволяет думать аллюзия на французскую революцию.

Отсылка к «правам человека и гражданина» в некоторых брошюрах поднимает еще одну проблему. Посредством упоминания гражданина в этом французском выражении ставился вопрос о политическом участии индивида. Однако не все авторы рассматривали данную проблему в том же ключе, что и вопрос о свободах и способах обеспечения их соблюдения. Конечно, для всех авторов разъяснение содержания свобод имело однозначно политическое измерение, которое ясно проявилось в неприятии самодержавия. Кроме того, вопрос о свободах также часто освещался в брошюрах, посвященных более широким институциональным вопросам, таким как проблема народного представительства, избирательное право, форма правления, необходимость принятия конституции или выбор ее определенного типа¹³. Однако когда авторы рассуждали на эти темы, они реже соглашались друг с другом, что вполне соответствовало разногласиям между политическими силами России в 1905 году, например, по вопросу о всеобщем избирательном праве. Таким образом, ссылаясь на «права человека и гражданина» предполагала у авторов, которые ее использовали, более четкое представление об институтах, где подчеркивалась неразрывность «гражданских прав» и «политических прав». Но внутри данного дискурса вопрос о свободах рассматривался не вполне оригинально. Независимо от названия, в брошюрах, как правило, применялся исключительно аналитический подход к каждой исследуемой свободе, в соответствии с которым разъяснялось, решению какой проблемы она должна служить, зачем она нужна российским подданным и как гарантировать ее осуществление на практике с помощью одного легитимного инструмента – права. Поэтому референции к истории права и юридической практике, как за рубежом, так и в России, действительно составляли общее основание, на которое опиралась педагогика свобод. Если в 1905–1906 гг. не появилось организованного движения в пользу свобод¹⁴, то возникли мода на «педагогику свобод» и соответствующий книжный рынок.

Это наблюдение приводит к утверждению о жизнеспособности в 1905–1906 гг. либеральной концепции правовой культуры; тем не менее, по мнению некоторых, например марксистов, такая ситуация свидетельствовала о неминуемом переходе общества к социализму. Используя здесь термин «правовая культура», мы придерживаемся интеллектуалистического подхода к понятию культуры, наиболее классического во французском языке, хотя он не преобладает в современном использовании этого понятия общественными науками¹⁵. В таком случае термин «правовая культура» относится к области знаний, обозначая все сведения и мне-

¹² Позиция, соответствующая взглядам многих философов и юристов Западной Европы XIX века. См.: Worms F. (ed.). *Droits de l'homme et philosophie: une anthologie (1789–1914)*. – P. : Presses pocket, 1993. – P. 31–35.

¹³ Точно так же вопрос о свободах стоял на первом месте в программах большинства нетрадиционалистских политических партий рассматриваемого периода. См. антологию: *Права и свободы человека в программных документах основных политических партий и объединений России. XX век* / под ред. А. Н. Аринина, С. И. Семенова, В. В. Шелухаева. – М. : РОССПЭН, 2002.

¹⁴ Edmondson L. Op. cit. P. 281–285.

¹⁵ См.: Cuche D. *La notion de culture dans les sciences sociales*. – P. : La Découverte, 2004, *passim*.

ния о праве (эти знания противоречивы и постоянно корректируются), которые находятся в обращении на данный момент¹⁶. Правовая культура не является «правом». Но она также отличается от практик применения права, поскольку они могут быть реконструированы, даже если предполагают обращение с определенной правовой культурой, меняющейся от одного индивида к другому¹⁷.

Однако такое определение правовой культуры не делает ее подгруппой единственной культуры ученых или «профессиональных юристов». На самом деле все сведения и мнения должны приниматься во внимание, как только они относятся к праву, административным и юрисдикционным институтам, но независимо от статуса или происхождения тех, кто их производит, распространяет или получает. Поэтому под «либеральной правовой культурой» применительно к России начала XX века следует понимать концепцию права, в которой основное место отводилось правам личности, вытекающим из общего принципа свободы и признанным в качестве свобод, гарантированных и регулируемых общим правом; равенству всех перед законом – как в плане обязанностей, так и в плане прав, – и юридической ответственности тех, кто должен был обеспечивать соблюдение закона. Либеральная правовая культура противопоставлялась правовой культуре, официально пропагандировавшейся в Империи до 1905 года и даже после. Конечно, присутствовали элементы «либерализации» официальной правовой культуры, особенно с 1905 года. Эти уступки были очень заметны в различных областях: например, они предоставляли новые возможности для перехода из православия в иную конфессию или устанавливали новый режим создания общественных организаций¹⁸. Тем не менее подобные меры либо оказывались весьма ограниченными, либо быстро уравнивались новыми ограничениями. Пожалуй, большее значение имели многочисленные споры среди представителей имперской администрации о том, как реформировать официальную правовую культуру¹⁹, которая все-таки не стала либеральной правовой культурой.

Что же происходит в 1917 году с темой свобод и, в более общем плане, либеральной правовой культурой? Февральская революция открывает новый этап развития педагогики свобод. Как и в 1905–1906 гг., издаются десятки брошюр, посвященных свободам и шире – институциональным вопросам²⁰. Педагогику свобод можно было увидеть и на страницах периодических изданий²¹. Представленный в них подход к рассмотрению вопроса о свободах отличается от широко распространенного использования темы «свободы» в 1917 году²². Авторы

¹⁶ Такое ограничение использования понятия культуры не означает, что мы придерживаемся «идей» в ущерб практике. Анализируя процессы формирования, расширения и распространения правовой культуры, следует также изучать индивидуальные и коллективные действия и поведение. Однако этот подход соответствует ограниченному определению правовой культуры как интеллектуального объекта.

¹⁷ Итак, предложенное здесь определение отличается от более широкого определения, представленного в работе: Burbank J. *Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917*. – Bloomington (Ind.) : Indiana University Press, 2004.

¹⁸ См.: Туманова А. С. *Самодержавие и общественные организации в России. 1905–1917 годы*. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002.

¹⁹ О проблеме создания административной юстиции см.: Правилова Е. А. *Законность и права личности: административная юстиция в России (вторая половина XIX века – октябрь 1917 года)*. – СПб. : СЗАГС : Образование–Культура, 2000.

²⁰ Крайне сложно определить их тиражи – возможны лишь некоторые точечные оценки.

²¹ Для получения общего представления по данному вопросу см.: Kolonitskii B. I. *The Press and the Revolution* // Acton E., Cherniaev V. Iu., Rosenberg W. G. (ed.). *Critical Companion to the Russian Revolution, 1914–1921*. – Bloomington (Ind.) : Indiana University Press, 1997. – P. 381–384.

²² О «культе борца за свободу» см.: Figes O., Kolonitskii B. *Interpreting the Russian Revolution: the Language and Symbols of 1917*. – New Haven : Yale University Press, 1999. – P. 74–75. Английское выражение «the cult of the freedom fighter», которое я перевел на французский язык как «le culte

стремились определить правовые понятия, прояснить их происхождение и сферу действия, обосновать их важность для новой России в перспективе обновления права, с одной стороны, и реформирования политических институтов – с другой стороны.

Преемственность между такой педагогикой свобод и той, которая развивалась в 1905–1906 гг., очевидна. Некоторые авторы, публиковавшиеся во время «первой революции», возобновили свою деятельность. Написанные и изданные ранее брошюры переиздаются, возможно, с незначительными изменениями. Например, Николай Петрович Дружинин, публицист, юрист, популяризатор позитивного права до 1905 года, издал в 1906 году несколько брошюр, которые посвящены институциональным вопросам. Одну из них, озаглавленную «Права человека и гражданина», переиздали без изменений в 1917 году²³. Вторая книга – «Крестьяне-граждане», впервые опубликованная в 1906 году и предназначенная, прежде всего, для крестьян, – снова вышла в свет в 1917 году с некоторыми изменениями²⁴. Еще один плодовитый автор, Павел Григорьевич Мижуев, специалист в сфере образования и воспитания, ориентировался обычно на более образованную аудиторию. Его брошюра «Права человека и гражданина» выдержала два издания: первое – в 1906 году, второе – в 1917-м²⁵.

С другой стороны, авторы, публиковавшиеся уже в 1905–1906 гг., также выпускали в 1917 году не опубликованные ранее брошюры. 8 мая 1917 года тот же Мижуев заключил договор лично с крупным московским издателем Сытиным на публикацию и распространение написанных им тринадцати брошюр, политическое и историческое содержание которых якобы было «общедоступным». В 1917 году он не предложил Сытину свою брошюру, непосредственно посвященную свободам и переизданную в другом месте. Однако ряд названий брошюр, включенных в договор, имел отношение к институциональным вопросам, которые рассматривались на примере таких зарубежных стран, как США («Зарождение первой великой демократической республики»), Швейцария («Демократическая Конфедеративная республика в Швейцарии»), или таких частных тем, как избирательное право («Основные принципы избирательного права», «Избирательное право в федеративных государствах Европы, Америки и Австралии», «Избирательные системы в странах всеобщей подачи голосов»). Договором предусматривался для каждой из брошюр первый тираж в пятнадцать тысяч экземпляров, а также определялись условия возможных переизданий²⁶. Мижуев оказался не единственным ветераном педагогики свобод 1905 года, вернувшимся в строй в

du combattant de la liberté» («культ борца за свободу»), взято из книги Орландо Фигеса и Бориса Колоницкого. – *Прим. авт.*

²³ Дружинин Н. П. Права человека и гражданина (из книги «Избиратели и народные представители»). – М. : Издание Д. И. Тихомирова, 1906. – 32 с. (Цена 10 копеек.) Второе издание с тем же названием и стоимостью 25 копеек было опубликовано в Москве в 1917 году Е. Н. Тихомировой, вдовой педагога и издателя журналов «Юная Россия» и «Педагогический листок» Дмитрия Ивановича Тихомирова.

²⁴ Дружинин Н. П. Крестьяне-граждане: народное чтение. – М. : Издание Д. И. Тихомирова, 1906. – 64 с. Цена на эту брошюру непривычного для потенциальной аудитории объема была заявлена достаточно высокая – 20 копеек, но известность в педагогических кругах ее издателя и автора позволяла им надеяться на то, что брошюру приобретут народные библиотеки или другие общественные структуры. Она была переиздана в 1917 году в Москве с новым подзаголовком и не публиковавшимся ранее введением. Тема свобод поднимается в этой брошюре на с. 32–40 (первое издание, 1906).

²⁵ Мижуев П. Г. Права человека и гражданина. – СПб. : Всеобщая библиотека Г. Ф. Львовича, 1906. – 115 с. (Цена 25 копеек) ; *Его же*. Права человека и гражданина. – Петроград : М. А. Ясный (Библиотека «Свобода»), 1917. – 63 с. (Без указания цены.)

²⁶ Музей-квартира И. Д. Сытина, 1. Коллекции архивных материалов выставочного центра «У книгоиздателя И. Д. Сытина». Д. 53. Л. 1.

1917 году. Так же было и с Ольгой Акимовной Волькенштейн, близкой к социалистам-революционерам активной участницей борьбы за эмансипацию женщин. Несколько ее брошюр о свободах опубликованы издательством «Донская речь» в 1906 г.²⁷ В 1917 году Волькенштейн возобновляет свою плодотворную деятельность²⁸. Кроме авторов, уже публиковавшихся в 1905–1906 гг., на эту тему пишут свои работы многие новые публицисты.

Количество изданных в каждом из двух революционных периодов брошюр о свободах исчисляется десятками. Кроме того, к ним относятся работы, посвященные в более общем плане институциональным вопросам, где часто обсуждается и вопрос о свободах. Конечно, во всей политической литературе эта тема была менее актуальной, чем аграрный или национальный вопросы: такая второстепенная позиция является общим элементом обоих революционных периодов. Как в 1917-м, так и в 1905 году авторы были представителями различных профессий и политических направлений. Но их разъяснения и ссылки оставались весьма однородными. Например, общей была ссылка на английский опыт, в том числе в брошюрах под названием «Права человека и гражданина». Что касается соблюдения свобод, то здесь образцами служили не только история, но и современная практика Англии. Это утверждение справедливо для всех авторов, независимо от того, какой политической партии они отдавали предпочтения: кадетам, социалистам-революционерам или социал-демократам – меньшевикам²⁹. По большому счету, брошюры, изданные в 1905–1906 гг. и в 1917 году, незначительно различаются по своему содержанию.

Но если 1917 год повторяет 1905-й, и по поводу основополагающих элементов либеральной правовой культуры между авторами существует достаточно широкий консенсус, то масштаб педагогики свобод в 1917 году, конечно, отличается от 1905–1906 гг. «Рецепция» этой педагогики представляет собой деликатную проблему, рассмотрение которой выходит за рамки нашей статьи. Брошюры представляют собой самый осязаемый след, оставленный этой педагогикой. Сложно определить, в каком объеме и как они читались; тем не менее они свидетельствуют об общем дискурсе, заметном также и в прессе. Однако это не означает, что подобной формы педагогики оказалось достаточно для того, чтобы вызвать интерес к рассматриваемой теме – он мог возникнуть ранее и распространяться по разнообразным каналам. Несомненно, такая форма педагогики способствовала поддержанию этого интереса, скорее всего, с риском его опознать. Впрочем, можно сделать простой вывод, не затрагивая вопрос об условиях и конкретных последствиях распространения педагогики свобод. Место, отводимое теме свобод во многих предложениях и петициях, с которыми выступали крестьянские общи-

²⁷ Волькенштейн О. А. Для чего нужна свобода слова и собраний-сходок. – Ростов н/Д : Донская речь, 1906. – 8 с. ; *Ее же*. Почему у нас требуют неприкосновенности личности и жилища. – Ростов н/Д : Донская речь, 1906. – 8 с. ; и другие брошюры, посвященные истории либеральных и демократических завоеваний в Англии и США, а также Французской революции. Об издателе см.: Травушкин Н. С. Издательство «Донская речь» // Книга. Исследования и материалы. – Вып. 21. – М., 1970. – С. 106–123.

²⁸ Она снова издает много брошюр – под своим именем или под псевдонимом «Ольгович» – о Швейцарии, выборах в Англии, всеобщем избирательном праве и т. д. Непосредственно свободам посвящены, по крайней мере, две новые брошюры: Неприкосновенность личности и жилища. – Пг.: Освобожденная Россия (типография И. Лурье), 1917. – 15 с. ; Права человека и гражданина. – Пг. : Изд-во «Книга», 1917. – 16 с.

²⁹ Примером систематического использования авторами-меньшевиками в 1917 году английской модели служит следующая брошюра: Алексеев И. Какие свободы нужны гражданам. – М. : Социал-демократическое изд-во «Дело», 1917 (Серия «Библиотека социал-демократа»). – 16 с. (Цена 12 копеек.) Большевиком эта тема мало интересовала, за исключением более узких аспектов, таких как вопрос о свободе совести.

ны или рабочие коллективы, меняется от революции к революции³⁰. В 1905–1906 гг. оно было весьма заметным. В 1917 году ей отводится значительно меньше места, несмотря на то что институциональные вопросы остаются актуальными в претензиях населения того времени благодаря требованиям всеобщего избирательного права, децентрализации или учреждения «демократической республики», а также в перспективе созыва Учредительного собрания. Но в 1917 году эти разные темы – даже определение «всеобщего» избирательного права – вызывали неизмеримо больше различий в толковании, чем тема «свобод», определение и сфера применения которых представлялись сравнительно стабильными и прочно основанными на правовом опыте Великобритании, США или Франции³¹.

Отсюда возникает проблема взаимосвязи между педагогикой свобод как элементом продвижения либеральной правовой культуры и «языком революции» в целом, по выражению историков Орландо Фигеса и Бориса Ивановича Колоницкого³². Однако этот язык был весьма неопределенным. Полисемический характер слова «демократия» является наиболее ярким тому подтверждением. Б. Колоницкий показал самые разные контексты, в которых оно использовалось в революционной России 1917 года. Не ограничиваясь обозначением только одного типа политического режима – и даже в таком случае сохраняется неопределенность, – слово «демократия» очень часто применялось к конкретной части населения, низшим социальным слоям, или политическому лагерю³³. Эти коннотации слова «демократия», особенно в лексиконе социалистов-революционеров и социал-демократов, вступали в противоречие с интерпретациями, соответствующими либеральной правовой культуре, которая распространялась посредством использования данного слова, предполагая утверждение всеобщих прав. По мнению Марка Д. Штейнберга, интерпретация случаев употребления в 1917 году слова «свобода» в единственном числе может в целом следовать той же схеме³⁴. Итак, наряду с педагогикой свобод, осуществляемой в России 1917 года в универсалистской перспективе, «язык революции» включал в себя сильный специфический компонент, который акцентировал внимание на границах и антагонизмах между социальными классами. Таким образом, возникала конкуренция, чаще всего имплицитная, между двумя языками прав и свобод. Поэтому та ситуация, в которой оказалась либеральная правовая культура в 1917 году, выглядит парадоксальной. Основные ориентиры этой культуры – индивидуальные свободы, за исключением права собст-

³⁰ Для сравнения – см., с одной стороны, документы, вошедшие в сборник: Сенчакова Л. Т. Приговоры и наказания крестьян Центральной России 1905–1907 гг. – М.: УРСС, 2000; *Ее же*. Приговоры и наказания российского крестьянства 1905–1907 гг.: по материалам центральных губерний. – М.: ИРИ РАН, 1994. – Т. 2. – С. 287–298; с другой стороны, главу, посвященную «наказам русской революции: рабочие, крестьяне, солдаты», в книге Ferro M. *La révolution de 1917*. – P.: Albin Michel, 1997. – P. 170–203.

³¹ Несмотря на то что Декларация прав человека и гражданина часто цитируется, в качестве примера редко приводится правовая ситуация в сфере свобод, сложившаяся в республиканской Франции. Даже будучи «республикой», Франция часто вынуждена конкурировать с другими моделями, которые считаются весьма привлекательными благодаря своему федеративному или конфедеративному характеру: США, Швейцарией.

³² Figes O., Kolonitskii B. *Op. cit.*; см. также: Steinberg M. D. *Voices of Revolution, 1917*. – New Haven: Yale University Press, 2001. – P. 1–35.

³³ См.: Kolonitskii B. «Democracy» in the Political Consciousness of the February Revolution [1-е изд.: 1998] // Wade R. A. (ed.). *Revolutionary Russia: New Approaches*. – NY: Routledge, 2004. – P. 75–89; Колоницкий Б. И. Язык демократии: проблемы «перевода» текстов эпохи революции 1917 года // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века: сб. науч. работ / отв. ред. Н. Е. Копосов. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге: Алетейя, 2006. – С. 152–189.

³⁴ Steinberg M. *Op. cit.* P. 8–14. См. также: White H. J. *Op. cit.* P. 288–294.

венности³⁵, – в рамках педагогики свобод пропагандировались довольно однообразно. Однако по всем другим институциональным вопросам позиции авторов расходились настолько, что это неизбежно сказывалось на концепциях свобод. Тем самым «релятивизировался» предполагаемый универсализм свобод вплоть до его отрицания. Именно в этом смысле педагогика свобод 1917 года устарела по сравнению с 1905–1906 гг.

С одной стороны, повторение педагогики свобод в 1917 году свидетельствует о том, что либеральная правовая культура была более распространена среди образованных, вдохновленных прогрессизмом членов российского общества, чем обычно признается. С другой стороны, вступив в противоречие с развивавшимся классовым партикуляризмом, педагогика свобод оказалась в сложном положении. В 1905–1906 гг. она способствовала широкому распространению представлений об индивидуальных свободах. Трудно сказать, какой именно размах приобрел дискурс педагогов. Но тогда он отчасти соответствовал требованиям, выдвигаемым крестьянскими общинами или рабочими коллективами. В 1917 году, напротив, педагогике свобод особенно не хватало точек опоры. Как понять разрыв и эволюцию между двумя революционными моментами? Конечно, необходимо учитывать многочисленные факторы, внешние по отношению к либеральной правовой культуре, начиная с тех, что усиливали классовый язык: эволюция рабочего движения, расколотого, однако радикализованного во время войны, или конфронтация по аграрному вопросу. Стратегия политических партий, придерживавшихся либеральной традиции, а также их тактический выбор, несомненно, являются еще одним фактором, который следует принимать во внимание³⁶. Однако мы остановимся на внутренних факторах либеральной правовой культуры. Как она развивалась после первого опыта педагогики свобод, датируемого 1905–1906 гг.?

Свободы и право: проблема просвещения

Самым известным источником информации о положении либеральной правовой культуры в России после 1905 года является статья юриста Богдана Александровича Кистяковского «В защиту права (интеллигенция и правосознание)», опубликованная в знаменитом сборнике «Вехи» (1909)³⁷. Комментаторы часто рассматривают этот текст как важнейшее свидетельство слабости либеральной правовой культуры в России, хотя Кистяковский не защищает в нем права собственности, что отмечает Ричард Вортман³⁸. Статья Кистяковского представляет собой обвинение интеллигенции в неуважении и пренебрежении, которые она проявляет по отношению к праву как ценности и своду правил, обязательных для каждого члена общества. Кистяковский отстаивает в своей статье индивидуальные свободы, за которые он боролся и политически, вместе с тем выступая за соблюдение действовавшего права империи. Он делал это с тем большей силой, что, на его взгляд, Манифест от 17 октября 1905 года признал ценность «гражданской

³⁵ Однако не отношение к праву собственности определяет особенности либеральной правовой культуры, вопреки представлениям, изложенным в следующей работе: Pipes R. Property and Freedom. – Londres : Harvill Press, 1999. О различиях между политическим либерализмом и экономическим либерализмом см.: Jaume L. La liberté et la loi: les origines philosophiques du libéralisme. – P. : Fayard, 2000. Например, о защите права собственности, не связанной с либеральной правовой культурой, в русской истории см.: Rawson D. C. Russian Rightists and the Revolution of 1905. – Cambridge : Cambridge University Press, 1995. – P. 29, 41–45, 230.

³⁶ См.: Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). – М. : РОССПЭН, 2003.

³⁷ Кистяковский Б. А. В защиту права (интеллигенция и правосознание) // Вехи : сборник статей о русской интеллигенции. – М. : Новости, 1990. [1-е изд.: 1909]. – С. 101–130.

³⁸ Wortman R. Property Rights, Populism, and Russian Political Culture // Crisp O., Edmondson L. (eds.). Civil Rights in Imperial Russia. – Oxford : Clarendon Press, 1989. – P. 13.

свободы», а Основные законы 1906 года заложили фундамент конституционного строя. Добиваться постепенного признания субъективных прав, в которые он верил, следовало, по мнению Кистяковского, легальным путем в соответствии с позитивным правом при всех его недостатках. Он полагал, что интеллигенция, в свою очередь, не была знакома ни с имперским правом, которое она считала своим долгом ненавидеть, как и создавший его деспотизм, ни с идеей формальных свобод, презираемой интеллигенцией во имя реализма.

Обвинения Кистяковского основаны на спорных категориях, какими они были уже в то время, а не только с исторической точки зрения³⁹. Что это за «интеллигенция», о которой он писал, подобно другим авторам «Вех», тем не менее дистанцируясь от них во многих отношениях, кроме всего прочего потому, что продолжал рассматривать социализм как заветную цель?⁴⁰ В его статье интеллигенция характеризовалась преимущественно путем указания на ее оппозиционность политическому режиму, будь то революционную, как народники или социал-демократы, или более умеренную по примеру кадетов, также критикуемых им. Однако интеллигенцию отличала еще одна важная особенность, которую автор не разъяснил: то уникальное положение, которое она была призвана занимать в российском обществе. Это ключевая позиция, определяемая уровнем образования и отношением к знаниям социальной группы, рассматриваемой в качестве важного инструмента индивидуальной и коллективной эмансипации русского народа и других народов империи⁴¹. Именно по этой причине интеллигенция считалась способной оказывать определяющее влияние на остальное население и должна была служить ему примером или движущей силой. Такая воспитательная роль интеллигенции воспринималась банальностью, хотя и оспаривалась в некоторых кругах⁴². Рекомендую интеллигенции ознакомиться с действующим правом и развить свою правовую культуру, Кистяковский имеет в виду расширение воспитательных возможностей интеллигенции в российском обществе.

Для того чтобы оценить последствия этого, необходимо определить, как Кистяковский понимает «правосознание» (или «правовое сознание»). И снова перед нами менее очевидная категория, чем кажется. Связанные с ней трудности редко принимаются во внимание историками⁴³. Первоначально это понятие, вероятно, появилось в России в середине XIX века под влиянием немецкой «исторической школы права». Согласно ее основателям Фридриху Карлу фон Савиньи и Георгу Фридриху Пухте, «правовое сознание» является одной из черт, объединяющих «представителей народа» «в союз, основанный на телесном и духовном родстве», как язык или религия⁴⁴. Таким образом, «правовое сознание» зависит от «народ-

³⁹ О концепте интеллигенции и его использовании в контексте того времени см.: Kolonickij B. I. Les identités de l'intelligentsia russe et l'anti-intellectualisme, fin du XIXe - début du XXe siècle // Cahiers du Monde russe. – 2002. – 43(4). – P. 601–616.

⁴⁰ Призывая интеллигенцию «уйти в свой внутренний мир, проникнуть в него для того, чтобы освежить и оздоровить его» (Кистяковский Б. А. В защиту ... С. 130), он все-таки не разделял религиозных воззрений многих своих соавторов (см.: Neuman S. Kistiakovsky: the Struggle for National and Constitutional Rights in the Last Years of Tsarism. – Cambridge : Harvard University Press, 1998. – P. 96–99 ; Walicki A. Legal Philosophies of Russian Liberalism. – Notre Dame (Ind.) : University of Notre Dame Press, 1992 [1st ed.: 1987]. – P. 374–376, 388, 394).

⁴¹ О приверженности Кистяковского национальным правам украинского народа см.: Neuman S. Op. cit. P. 113–146.

⁴² Kolonickij B. I. Les identités ... P. 609–611.

⁴³ К тому же возникает еще одна проблема, которая связана с реактивацией данного понятия современной социологией права. Эти социологические практики сами по себе активно обсуждаются (см.: Pélisse J. A-t-on conscience du droit? Autour des Legal Consciousness Studies // Genèses. – 2005. – n° 59. – P. 114–130).

⁴⁴ Пухта Г.-Ф. Энциклопедия права // Немецкая историческая школа права. – Челябинск : Социум, 2010. – С. 423–510. [Печатается по изд.: Пухта Г. Ф. Энциклопедия права / пер. с нем.

ного духа», определяющего формы, принимаемые правом, в первую очередь обычая. Оно развивается вне связи с какими-либо позитивными действиями, направленными на просвещение народа. Однако российские правоведы, применявшие это понятие к местным реалиям, отклонились от его первоначального понимания, хотя и сохранили живой интерес к проблеме обычного права. Судебные реформы 1860-х годов имели решающее значение, поскольку они направили дискуссию в русло обсуждения вопроса об уровне правового сознания населения, прежде всего крестьян. Взгляды российских юристов на масштабы развития и ценность обычного права, позволяющие определить этот уровень правового сознания, разделились⁴⁵. В то же время они молчаливо соглашались с тем, что правовое сознание может развиваться и обогащаться. Важнейшую роль в данном процессе правоведы, как правило, отводили судам, хотя и критиковали применяемые ими практические меры подобного «просвещения»; особенно негативно они отзывались о способности крестьянских судов выполнять эту функцию⁴⁶. В конце XIX века на основе такой общей концепции правового сознания сформировался популярный подход к повышению его уровня: распространение «юридической литературы для народа», которое опиралось бы на достижения в области ликвидации безграмотности населения.

В соответствии с этими взглядами на воспитание правового сознания рассуждал в начале XX века Кистяковский. Однако в результате обновления теоретических представлений о праве было также пересмотрено правовое содержание правового сознания. Популярность неокантианства и призывы к возрождению теорий естественного права способствовали приданию ему иного измерения, чем основной уровень уважения и понимания права. Речь шла об осознании того, что неотъемлемые права следует признать за всеми индивидами. Это осознание должно отражаться в позитивном праве через провозглашение и гарантированность осуществления свобод. Кистяковский развивал такую концепцию правового сознания вместе с другими крупными правоведом, даже если теоретические основы их воззрений иногда различались⁴⁷.

Из этой общей концепции и структуры статьи Кистяковского вытекает ряд ключевых вопросов, касающихся понимания той ситуации, в которой оказалась либеральная правовая культура после 1905 года. Во-первых, кого следует обу-

Я. Линденбратаена ; под ред. П. Л. Карасевича. Ярославль, 1872]: «Это человеческое право предполагает своим источником общее сознание. Оно становится юридическим положением потому, что последнее признается таковым общим убеждением всех тех, для которых оно имеет значение. Право есть общая воля всех членов правового общества (*Rechtsgenossen*). Все члены народа соединены этим общим юридическим сознанием как общим языком, общей религией (если она естественная) в один союз, основанный на телесном и духовном родстве, выходящий за пределы семейной жизни, возникшей вследствие разделения человечества. Сознание, пронизывающее члены народа как нечто общее, прирожденное им и делающее их духовно членами этого народа, одним словом, народный дух, есть источник человеческого, или естественного, права, юридических убеждений, действующих в отдельных членах. Следствием этого возникновения является различие прав по народам; особенность юридических воззрений, так же как и язык, принадлежит к характерным признакам различной национальности. Как общность права есть одна из духовных связей, поддерживающих народ, так и своеобразное развитие юридического сознания образует один из элементов, отличающих один народ от других [...]» (с. 441–442).

⁴⁵ См.: Frierson C. A. *Peasant Icons : Representations of Rural People in Late Nineteenth-Century Russia*. – Oxford : Oxford University Press, 1993. – P. 64–69.

⁴⁶ Об этих возражениях см.: Frierson C. A. *Rural Justice in Public Opinion: the Volost' Court Debate, 1861–1912 // Slavonic and East European review*. – 1986. – 64 (4). – P. 526–545 ; Gaudin C. *Tribunaux paysans en Russie, 1889–1914 // Histoire sociale / Social History*. – 1997. – 30 (59). – P. 109–126.

⁴⁷ Об ином подходе см.: Новгородцев П. И. Введение в философию права: кризис современного правосознания. – СПб. : Лань 2000. [1-е изд.: 1909], особенно с. 11–13. Концепция Новгородцева в сравнении с концепцией Кистяковского подробно рассматривается в следующей работе: Walicki A. *op. cit.* P. 291–341.

чать? На что должно быть направлено образование, развивающее правовое сознание? В зависимости от этого, кто лучше всего подходит для проведения такой образовательной деятельности и какие формы она должна принимать? Сначала мы рассмотрим ответы, которые Кистяковский давал в 1909 году на первые два вопроса, и сопоставим их с опытом 1905–1906 гг. Это сопоставление позволит понять, как зарождается кризис либеральной правовой культуры. Далее мы попытаемся показать, что предложенный Кистяковским ответ на третий и последний вопрос не позволил преодолеть указанный кризис в период между 1905 и 1917 годами.

Как уже отмечено выше, правовое сознание интеллигенции, по мнению Кистяковского, было развито недостаточно, и проблема требовала решения. Новым было то, что интеллигенцию, а не народ, следовало воспитывать в первую очередь. Чтобы восполнить пробелы в правовом сознании – вот ответ на второй вопрос – просветительская деятельность должна была учитывать как значимость личных свобод, так и уважение к действующему праву, юридическим формам и процедурам. Мнения историков о справедливости обвинения, выдвинутого Кистяковским против интеллигенции, разделяются. Целое историографическое течение обосновало свою точку зрения, клеймя «ложный» либерализм большинства кадетов, истинных радикалов⁴⁸. Недавно другие историки стремились оценить адекватность суждения Кистяковского, интересуясь тем местом, которое отводилось праву в общественных дебатах в России начала XX века⁴⁹. Отсюда вытекает картина того положения, в котором находилась правовая культура, и она значительно отличается от ее негативного обзора, предложенного Кистяковским. Изученный Уильямом Вагнером случай дебатов по вопросу о брачном законодательстве и семейном праве свидетельствует о том, что существовало пространство для обсуждения юридических проблем, и правовые культуры – официальная и либеральная – частично сближались для обеспечения развития права с учетом социальных изменений.

Однако в статье Кистяковского, посвященной проблематике обучения свободам, обнаруживается и другое предубеждение. Разумеется, следует учитывать полемические намерения авторов сборника «Вехи». Кистяковский упрекал политические партии, созданные около 1905 года, в том, что они не умели содействовать осуществлению свобод и в своей организационной практике не делали выводов из принципов свободы. Но деятельность в форме педагогики свобод в те годы совершенно не привлекала его внимания. Эта педагогика, конечно, не представляла собой организованного движения, она растворялась в массе политической литературы, и ее аудитория оставалась ограниченной. По крайней мере, в глазах Кистяковского она могла заслужить право на существование, так как соответствовала некоторым его ожиданиям. Кроме того, он сам внес вклад в ее развитие, написав с января 1905-го по июнь 1907 года для периодических изданий ряд статей о личных правах, народном представительстве, а также по другим вопросам публичного права⁵⁰. Он не был единственным крупным юристом и ученым, направившим свои усилия на просвещение населения России посредством написания статей или брошюр. Так, выдающийся юрист, социолог и историк Максим Максимович Ко-

⁴⁸ См., напр.: Schapiro L. *The Vekhi Group and the Mystique of Revolution* [1955] // Schapiro L. *Russian Studies*. – NY : Viking, 1987. – P. 68–92.

⁴⁹ См.: Wagner W. *Civil Law, Individual Rights, and Judicial Activism in Late Imperial Russia* // Solomon P. H. Jr. (ed.). *Reforming Justice in Russia, 1864–1996: Power, Culture, and the Limits of Legal Order*. – Armonk (NY) : M. E. Sharpe, 1997. – P. 21–26, 35.

⁵⁰ Библиографию работ Кистяковского см.: Neuman S. *Op. cit.* P. 29–31, 193–194. В частности, еще в январе 1905 года он написал статью о «правах человека и гражданина» для журнала «Вопросы жизни», таким образом предвосхитив наиболее интенсивный период педагогики свобод, который начинается после обнародования октябрьского Манифеста (см.: Кистяковский Б. А. *Права человека и гражданина* // *Вопросы жизни*. – 1905. – № 1. – С. 116–142).

валевский по возвращении в Россию в 1905 году опубликовал несколько брошюр, посвященных непосредственно свободам и некоторым институциональным вопросам⁵¹. Статистик Евгений Никитич Тарновский, занимавший официальные должности, поскольку возглавлял статистическое отделение Министерства юстиции, издал в 1906 году брошюру «Четыре свободы»⁵². Доступ к работам этих политически умеренных ученых был ограничен. Но они дополняли усилия других авторов брошюр о свободах, придерживавшихся того же направления, несмотря на их политические и стилистические разногласия.

Обходя молчанием все эти инициативы в своей статье, написанной для «Вех», и нападая на интеллигенцию, Кистяковский избегал определения дилеммы либеральной правовой культуры. Действительно, либеральная концепция правового сознания в качестве шкалы измерений одновременно значения, приписываемого свободам, и уважения к позитивному праву таила в себе напряжение, выявленное последовательностью, сформировавшейся до 1905 года и в период революции. Кистяковский осуждал повторяющиеся призывы интеллигенции к созданию нового права. Следует признать, что в 1905–1906 гг. педагогика свобод как раз настаивала на необходимости реформирования российского законодательства с целью закрепления в нем личных прав и вместе с тем формирования правового сознания российского народа. При тех обстоятельствах такие задачи не могли быть решены без критики официальной правовой культуры, которая до тех пор оставалась глуха к требованию провозглашения свобод.

Именно так либеральная правовая культура утверждалась в империи до 1905 года. Либеральные авторы критиковали литературу по популяризации имперского права, преследовавшую с конца 1880-х гг. цель распространения юридических знаний среди населения. Например, юрист и публицист Иосиф Владимирович Гессен в 1901 году резко критиковал эту литературу, так как ее авторы пропагандировали официальную правовую культуру без анализа существа права и взаимосвязи между «действующим» правом и «правами» индивидов⁵³. В то время Гессен призывал к развитию другой популярной юридической литературы, которая должна была распространять принципы либеральной правовой культуры: значимость права, уважение законности, признание свобод. Поэтому развитие педагогики свобод в 1905 году можно понимать как стихийное осуществление указанной программы и переход от одного вида популяризации права к другому в благоприятном политическом контексте⁵⁴.

Но если сейчас вернуться к первому из поставленных выше вопросов – кого воспитывать? – то ответ на него, данный педагогикой свобод в 1905–1906 гг., не вполне ясен, вопреки намерениям авторов и издателей. На самом деле, они выдвигали весьма стандартные аргументы в пользу продвижения своих брошюр: «общедоступные», «общепонятные», «популярные». Такие повторяющиеся характеристики не дают представления о том, кто действительно мог прочитать эти

⁵¹ Ковалевский М. М. Русская конституция. I : Свободы. – 2-е изд. – СПб., 1906 (Политическая библиотека «Биржевых ведомостей»). 48 с. ; *Его же*. Учение о личных правах. – М. : Издание В. М. Саблина, 1906 (серия «Политическая библиотека»). – 42 с. (переиздание статьи, опубликованной в 1905 году в «Русской мысли») (см.: Чильяни Дж. (Giovanna Cigliano). Позитивистская ученость, педагогические устремления и либеральная политика в работах М. М. Ковалевского (первое десятилетие XX века) // Власть и наука, ученые и власть, 1880-е – начало 1920-х годов. – СПб. : Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003. – С. 379–401).

⁵² Тарновский Е. Н. Четыре свободы. – СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1906 (серия «Библиотека самообразования»). – 77 с.

⁵³ Гессен И. В. Юридическая литература для народа // Право. – 1901. – № 47. – С. 2035–2049; № 48. С. 2089–2101; № 49. С. 2164–2173.

⁵⁴ Тисье М. Какое юридическое просвещение нужно в России? Переход от популяризации права к популяризации гражданских прав // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 6 (44). – С. 57–63.

брошюры. В большинстве своем они оставались доступными только хорошо образованным читателям. Одного освоения грамоты было недостаточно, чтобы прочитать или заставить себя прочитать их и при этом что-то понять. У авторов редко возникало желание адаптировать свой язык к уровню теоретически предполагаемого народного читателя, или такая адаптация была неумелой. В ряде случаев народный читатель этих брошюр существовал только в воображении их авторов⁵⁵.

Поэтому на практике педагогика свобод уже решила вопрос о своем круге читателей, отдавая предпочтение не народу, а той аудитории, которая напоминала интеллигенцию, обратившую на себя внимание Кистяковского. Тем не менее эта категория остается обманчивой. Всего лишь на основании нескольких брошюр можно составить довольно точное представление об их потенциальной читательской аудитории, потому что авторы и издатели сознательно занимали определенную нишу. Так обстояли дела с учителями, которых педагог Дмитрий Иванович Тихомиров, выпускавший журнал «Педагогический листок», хорошо знал еще до 1905 года. Он издавал для них брошюры, посвященные свободам и институциональным вопросам⁵⁶. Однако следует отметить, что многие учителя даже не имели свободного доступа к средствам информации и специальной литературе для самообразования⁵⁷.

Из сопоставления утверждений Кистяковского 1909 года с тем, что можно реконструировать на основании опыта 1905–1906 гг. и более раннего периода, сделаем следующие выводы. Во-первых, идея необходимости активизации просветительской работы, нацеленной на повышение уровня правового сознания членов российского общества, получила широкое и давнее признание. Во-вторых, способ достижения этой цели, принятый в 1905–1906 гг., а именно педагогика свобод, способствовал релятивизации уважения к имперскому позитивному праву, поскольку оно еще не было в состоянии гарантировать свободы. Если Кистяковский в 1909 году отмечал отсутствие уважения к действующему праву, то он избегал упоминания о неустрашимом напряжении в самом сердце защищаемой им либеральной правовой культуры, проявившемся в его собственной концепции «правового сознания».

Метод профессионализации и метод популяризации

Леонард Шапиро, следуя за авторами «Вех», полагал, что российская либеральная правовая культура должна была для того, чтобы стать по-настоящему либеральной, после 1905 года принять только одно направление. Кадетам, поскольку речь идет о них, следовало признать, что настало время решить вопрос о соблюдении законности и имперского права, обновленного Манифестом от 17 октября и Основными законами⁵⁸. Этот подход вытекал из заявлений Кистяковского в защиту права. Таков политический курс, которого надо было придерживаться. Однако проблема, поставленная Кистяковским, носила не только политический характер, даже если историки до сих пор интересуются, прежде всего, данным аспектом⁵⁹. Эта проблема носила также образовательный характер.

⁵⁵ Ан-ский С. А. Литература интеллигенции для народа // Ан-ский С. А. Народ и книга. Опыт характеристики народного читателя. – М. : Универсальное книгоизд-во Л. А. Столяр, 1913. – С. 34–38.

⁵⁶ О брошюрах Н. П. Дружинина см. выше.

⁵⁷ Seregny S. J. Professional Activism and Association among Russian Teachers, 1864–1905 // Balzer H. D. (ed.). Russia's Missing Middle Class: the Professions in Russian History. – Armonk (NY): M. E. Sharpe, 1996. – P. 176.

⁵⁸ Schapiro L. Op. cit. P. 89–90; см. также: Walicki A. Op. cit. P. 391–392.

⁵⁹ Что вполне объяснимо, если принять во внимание историческое исследование русского «либерализма» в контексте споров об «ответственности» всех сторон за катастрофу Октябрьской революции 1917 года.

С этой точки зрения, суждения, высказанные Кистяковским в статье 1909 года, оказываются недвусмысленными, хотя впоследствии он уточнил их⁶⁰. По его мнению, роль воспитателей следовало играть профессиональным юристам, в первую очередь адвокатам (присяжным поверенным)⁶¹. В 1909 году его отношение к адвокатам было крайне негативным. Он упрекал их в том, что они приняли образ интеллигенции, озабоченной исключительно политикой, а не защитой права⁶². Поэтому воспитателям правового сознания российского общества, в роли которых должны были выступить адвокаты, следовало начать просветительскую деятельность с себя⁶³. В более общем плане требовалось тщательно изучить и улучшить условия подготовки, найма и работы адвокатов, а также других юристов. Так, просвещение в сфере права преследовало, прежде всего, цель повышения квалификации членов профессионального сообщества. Отсюда естественно вытекало правовое просвещение всего населения. Таким же образом пространство, в котором должна была осуществляться просветительская деятельность, представляло собой места, предназначенные для работы и размышлений профессионалов: в первую очередь суды, а также общества юристов⁶⁴, научные и практические юридические журналы⁶⁵, университеты и специализированные учебные заведения. К ним добавлялись те места, где профессиональные юристы взаимодействовали с населением и оказывали ему услуги.

Настаивать на выборе такого пути профессионализации после 1905–1906 гг. было не особенно оригинально. Те, кто упрекали интеллигенцию в том, что она все обуславливает политикой, и рассматривали поражение революции как признак банкротства данной тенденции, формировали тогда новое поколение⁶⁶. Оно заменило считавшееся бесполезным политическое участие деятельностью, которую хотело видеть конкретной, практической и модернизирующей.

Однако такой подход столкнулся с многочисленными трудностями. Следует принимать во внимание сохранение уголовной ответственности за деяния, рассматривавшиеся противниками режима в качестве политических; ее дополняли административные и военные репрессивные меры. Указанные обстоятельства су-

⁶⁰ Кистяковский Б. А. Наши задачи // Юридический вестник. – 1913. – Кн. 1. – С. 3–17.

⁶¹ Библиография работ об адвокатах империи тем более важна, что уже в то время эта корпорация и ее самые видные члены уделяли первостепенное внимание тому, чтобы как можно подробнее рассказать о своей истории и деятельности. Позднейшие исторические исследования на эту тему: Kucherov S. Courts, Lawyers and Trials under the Last Three Tsars. – NY : Frederick A. Praeger, 1953 ; Huskey E. Russian Lawyers and the Soviet State: the Origins and Development of the Soviet Bar, 1917–1939. – Princeton : Princeton University Press, 1986. – P. 11–33 ; Baberowski J. Autokratie und Justiz: zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914. – Frankfurt am Main : Klostermann, 1996. – P. 481–614.

⁶² Кистяковский Б. А. В защиту ... С. 129.

⁶³ По вопросу о дисциплине среди московских адвокатов см.: Burbank J. Discipline and Punish in the Moscow Bar Association // Russian review. – 1995. – 54 (1). – P. 44–64. Кистяковский настаивал на необходимости дисциплинировать человека посредством права (Кистяковский Б. А. В защиту ... С. 108), и это требование относилось в первую очередь к юристам.

⁶⁴ Об этих обществах как месте сбора разного рода «профессиональных юристов» см.: Levin-Stankevitch B. L. The Transfer of Legal Technology and Culture: Law Professionals in Tsarist Russia // Balzer (ed.). Russia's Missing Middle Class. – P. 241–242. После публикации настоящей статьи ее автор опубликовал следующие работы, посвященные юридическим обществам в Российской империи: Tissier M. Les sociétés juridiques dans l'Empire russe au tournant du XXe siècle: professionnalisation des juristes et culture juridique // Cahiers du Monde russe. – 2010. – Vol. 51, No 1. – P. 5–34; Тиссье М. Высококатусная дисциплина, неясная наука: теория и практика российского правоведения в конце XIX – начале XX в. // Науки о человеке: история дисциплин / сост. и отв. ред. А. Н. Дмитриев, И. М. Савельева. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – С. 207–239. – Прим. пер.

⁶⁵ О личном участии Кистяковского в возрождении Московского юридического общества, а также журнала «Юридический вестник», издаваемого им с 1912–1913 гг., см.: Neuman S. Op. cit. P. 32.

⁶⁶ Герасимов И. В. Все влияние «знающим людям»: новая генерация российской интеллигенции как модернизаторы // Власть и наука. С. 282.

щественно подавляли надежды Кистьяковского как защитника свобод на деполитизацию права в российском обществе. Прежде всего, сама организация судебной системы препятствовала усилению роли профессиональных юристов, в первую очередь адвокатов, поскольку обособленное крестьянское правосудие обходилось без их услуг. Либеральные юристы ставили себе целью унифицировать эту систему в той части, в какой она, по их мнению, увековечивала неравенство подданных перед законом. Они полагали, что отношение крестьян к такой юстиции не соответствует каким-либо правовым принципам⁶⁷. Эти различные факторы ограничивали амбиции сторонников использования профессиональных средств укрепления либеральной правовой культуры. Последние демонстрировали свое уважение к позитивному праву, но действовавшее право не способствовало оказанию ими влияния на функционирование судебной системы. Поэтому их проект мог осуществиться только в средне- или долгосрочной перспективе, а его вклад в юридическое образование населения выглядел неопределенным.

Кроме того, впечатляющее развитие высшего образования после 1905 года было гораздо менее благоприятным для права, чем для других крупных дисциплин. Это развитие имело два основных источника. С одной стороны, правительство открывало все больше учебных заведений с техническими специальностями, отчасти для того, чтобы удовлетворить возрастающие потребности многих отраслей в профессионалах. С другой стороны, частные и общественные инициативы способствовали развитию системы высшего образования, открытого для публики, доступ которой в императорские университеты⁶⁸ был невозможен или ограничен квотами, как в случае женщин или приверженцев нехристианских конфессий, т. е., прежде всего, евреев. Однако эти независимые учреждения оставались под наблюдением властей. По большей части они не составляли конкуренции императорским учебным заведениям, как известный университет, основанный Шанявским в Москве⁶⁹. Главное отличие: их выпускники не могли претендовать на занятие административных должностей. В случае правоведения такая разница оказывалась существенной. Конечно, профессиональные юристы высокого уровня, придерживавшиеся либеральных взглядов, стремились преподавать в подобных учебных заведениях⁷⁰, но те, кто собирались получить высшее образование, выбирая юриспруденцию, в первую очередь принимали во внимание профессиональные перспективы. Тогда как основные возможности трудоустройства в юридической сфере предлагала гражданская служба и адвокатура. Для женщин и евреев доступ к ним оставался запрещенным или ограниченным. Поэтому продолжение обучения в таких учебных заведениях выбирали не многие⁷¹. Во всяком случае, их выбор был оторван от модели профессионализации, пропагандируемой самими либеральными юристами.

Что же произошло после поражения революции 1905 года с другим просветительским подходом – популяризацией, которой Кистьяковский, по всей видимости,

⁶⁷ Frierson C. A. Rural Justice ... ; о защите данной юстиции вопреки воззрениям российских элит, подтверждаемым историографией, см.: Burbank J. Russian Peasants ... P. 245–271.

⁶⁸ Равно как и доступ к некоторым специализированным учебным заведениям, например Демидовскому юридическому лицезу в Ярославле, или к элитным, например Александровскому лицезу или Императорскому училищу правоведения.

⁶⁹ Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий: Воспоминания, 1881–1914. – М. : Искусство, 1997. [1-е изд. 1929]. – С. 322–338.

⁷⁰ См.: Wartenweiler D. Civil Society and Academic Debate in Russia, 1905–1914. – Oxford : Clarendon Press, 1999. – P. 189–215.

⁷¹ О разнице в численности студентов юридических факультетов между императорскими и частными или ассоциативными учебными заведениями с 1898-го по 1916 г. (особенно после 1905 года) см.: Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. – М. : Институт истории СССР АН СССР, 1991. – С. 318–320 (статистические таблицы).

пренебрегал в 1909 году? Речь идет об оценке возможных усилий по расширению юридического образования в стране, выходящего за рамки профессиональных кругов, или, в случае студентов, ориентированного на обеспечение вхождения в профессию. Не следует думать, что тенденция к профессионализации исключала дальнейшие усилия по популяризации права. Напротив, складывалось впечатление, что такие возможности существовали в силу законодательных реформ 1905–1907 гг. и преобразований официальной правовой культуры того времени. С одной стороны, в средних учебных заведениях, находившихся в ведении Министерства народного просвещения, с 1905/06 учебного года произошли существенные изменения, в результате которых обучение «законоведению», прежде всего в классических мужских гимназиях, было восстановлено⁷².

В следующем году указанная мера распространилась на «реальные училища». Действительно, обучающиеся в них лица получили возможность, главным образом, поступать в императорские университеты и становиться профессионалами даже в других областях, помимо права. Так, теоретически это положение могло способствовать укреплению пути профессионализации. Однако оно прежде всего было нацелено на распространение официальной правовой культуры среди более широкой аудитории.

Официальными инструкциями четко определялись границы обучения, которое должно было в первую очередь дать знания о действующем в империи законодательстве. Вопросы истории и философии права, равно как и обзор правовых систем других стран Европы, не входили в программу. Также тщательно проверялись учебники, издаваемые независимыми издателями в качестве материалов по соответствующим курсам⁷³. В 1908 году весьма консервативные деятели пожаловались в администрацию на содержание нескольких учебников, допущенных к использованию ученым комитетом Министерства народного просвещения⁷⁴. Такие условия противоречили основному требованию направления профессионализации, которое отстаивал Кистяковский: свободе и автономии профессиональных юристов в их внутренних дебатах, что не шло вразрез с их приверженностью соблюдению закона. Кроме того, «популяризаторские» варианты этих программ едва ли служили делу развития либеральной правовой культуры⁷⁵.

Какие оставались возможности для систематической неофициальной правовой популяризации среди населения, после 1905 года, вне этих рамок? Данная

⁷² Такое преподавание осуществлялось в классических средних школах с 1849-го по 1864 г. в обязательном порядке, а затем в факультативном порядке до 1871 года, когда оно было упразднено. Однако на рубеже XX века «законоведение» оставалось в учебных планах двух типов средних школ, не находившихся в ведении Министерства народного просвещения: ряда учебных заведений, подчиненных Военному министерству (в частности, старших классов кадетских корпусов), и некоторых коммерческих учебных заведений, которые в 1896 году были реорганизованы и переданы в ведение Министерства финансов (см.: Вальденберг В. Е. О преподавании законоведения в средних учебных заведениях // Журнал Министерства народного просвещения. – 1905. – № 11. – Отд. IV. – С. 18–43; Чижов Н. О преподавании законоведения в средних учебных заведениях Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. – 1906. – № 10. – Отд. IV. – С. 59–75; Сеницкий Е. Преподавание законоведения и развитие правосознания // Вестник воспитания. – 1909. – № 7. – Отд. I. – С. 153–199).

⁷³ Одним из первых был опубликован следующий учебник: Томашевич В. А. Учебник законоведения для гимназий и реальных училищ. Курс VII класса гимназий. – СПб., 1905.

⁷⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 776. Главное управление по делам печати, 9, 1-е отделение. Д. 1672. Л. 1, 3, 5–7, 12–14: имеются в виду несколько учебников, в том числе того же В. А. Томашевича, для учащихся военных училищ, еще один – для учащихся классических и современных средних школ и последний – для коммерческих училищ. Авторы продолжали вносить изменения в позднейшие издания своих учебников.

⁷⁵ Чтобы составить об этом верное представление, следует учитывать не только содержание учебников, но и институциональную, материальную и кадровую основы уроков «законоведения» в учебных заведениях того времени.

сфера могла казаться перспективной, поскольку популяризация науки и техники переживала период расцвета. Тем не менее правовые вопросы, очевидно, считались политически слишком чувствительными для того, чтобы стать предметом систематической популяризации знаний. Действительно, с одной стороны, правительство стремилось уничтожить следы педагогики свобод. Авторы или издатели брошюр о свободах и по другим институциональным вопросам привлекались к ответственности даже спустя годы после того, как инкриминируемые им публикации увидели свет. Примером служит история брошюры, изданной комиссией по законоведению учебного отдела Общества распространения технических знаний (ОРТЗ), которое располагалось в Москве. Ее автором был адвокат Л. И. Гальберштадт. Брошюра называлась «Неприкосновенность личности и жилища», и автор, пытаясь сделать ее доступной для малообразованных читателей, опирался на описание крестьянского быта. Она выдержала два издания: первое в 1905 году, второе – в 1906-м⁷⁶. В 1910 году органы цензуры в Москве возбудили уголовное дело против издателя и автора. В 1912 году Московский апелляционный суд окончательно постановил уничтожить все изъятые экземпляры⁷⁷. Данная брошюра не относилась к партийной политической пропаганде, однако ее содержание не могло понравиться властям. В 1905–1906 гг. комиссия по законоведению учебного отдела ОРТЗ планировала издать еще около пятидесяти брошюр на политико-правовые темы, которые иллюстрировали бы либеральную правовую культуру. В итоге опубликовали только две.

С другой стороны, многочисленные популяризаторские инициативы того времени также довольно часто игнорировали имперское позитивное право. Учебный отдел ОРТЗ насчитывал в своих рядах несколько видных юристов⁷⁸. В 1907–1910 гг. в работе самой важной Комиссии по организации домашнего чтения принимал участие Кистяковский. Непосредственной целью комиссии было содействие распространению научно-технических публикаций среди населения Москвы. Деятельность Кистяковского свидетельствует о том, что и после 1905–1906 гг. он не утратил веру в педагогическую работу с населением⁷⁹. Но отсутствие намека на этот вид работы в его статье 1909 года, а также акцент на роли профессиональных юристов вполне могли быть обусловлены позднейшим разочарованием Кистяковского в такой работе из-за ее слабых результатов. В той же Московской области гораздо меньшее объединение – Богородское общество распространения среднего образования – регулярно проводило для взрослых лекции, которые носили весьма общий характер. В период с 1909-го по 1914 год среди приглашенных лекторов было очень мало юристов. На лекциях, требующих одобрения местных властей, предпочтение отдавалось естественным наукам, физике и даже истории⁸⁰.

На самом деле реально перспективными были только официальная или полуофициальная популяризация действующего законодательства. Для их осуществления предоставлялись различные возможности, в первую очередь аграрная реформа Столыпина, начавшаяся в 1906 г. Внесение изменений в законодательство касалось крестьян, подчеркивая значение индивидуальной инициативы и выражая концепцию свободы как фактора экономического развития. Успех реформы в значительной степени зависел от того, насколько эффективно администрация могла мобилизовать все необходимые ресурсы для ознакомления населения с новыми

⁷⁶ Гальберштадт Л. И. Неприкосновенность личности и жилища. – 2-е изд. – М., 1906. – 55 с.

⁷⁷ РГИА. Ф. 776. 16. 2, 2-е отделение. Д. 1273. Л. 1–6.

⁷⁸ См. список его членов на 1 января 1908 года: Отчет о деятельности учебного отдела ОРТЗ за 1906 и 1907 гг. – М.: И. Д. Сытин, 1908. – С. 106–112.

⁷⁹ Neuman S. Op. cit. P. 30–31, 163.

⁸⁰ Центральный исторический архив Москвы. Ф. 1589. Богородское общество распространения среднего образования, 1. Д. 2. Протоколы заседаний лекционной комиссии общества за 1909–1914 гг. Л. 1–36.

положениями⁸¹. Кроме того, желание популяризировать полезные правовые понятия могло также основываться на росте числа просветительских публикаций по агрономии или экономике сельского хозяйства. Периодические публикации, предназначенные для крестьян, как официальные, так и неофициальные⁸², содержали рубрики юридических консультаций, которые пользовались несомненным успехом.

Однако этого оказалось недостаточно для подлинного обновления популяризации позитивного права. Если до 1905 года подобная литература представляла собой второстепенный, но развивающийся жанр, то после 1907 года она, в лучшем случае, выживала. Правовая информация, представленная в периодической печати, не была незначительной или неважной, поскольку она отвечала запросам читателей. Но она занимала определенное место в потоке информации и изображений на тему права и правосудия, отличавших периодическую прессу того времени, где преобладали отчеты о проведенных уголовных процессах и детективные рассказы⁸³. Напротив, начинания по популяризации позитивного права до 1905 года часто имели обобщающую и систематическую перспективу. Такие же амбиции были присущи педагогике свобод в 1905–1906 гг.⁸⁴ Только 1917 год, как представляется, реабилитировал популяризаторские усилия сторонников либеральной правовой культуры, однако второй эксперимент по педагогике свобод не смог сравниться с 1905 годом.

Заключение

Либеральная правовая культура в своем просветительском тропизме, обострившемся в России, охватывала две тенденции, каждая из которых настаивала на приоритете одного элемента над другим: обучение свободам или обучение праву. Такое различие препятствует исключению той или иной тенденции из либеральной правовой культуры, не являющейся, кроме того, собственностью одних «либералов» в сфере политической борьбы – по сути, очертания либерализма, как из-

⁸¹ О трудностях, связанных с осуществлением этой реформы на местах, см.: Pallot J. *Land Reform in Russia, 1906–1917: Peasant Responses to Stolypin's Project of Rural Transformation*. – Oxford : Clarendon Press, 1999. – P. 126–155.

⁸² О «Сельском вестнике», где юридические советы публиковались задолго до 1905–1906 гг., см.: Krukones J. H. *To the People: the Russian Government and the Newspaper Sel'skii vestnik («Village Herald»)*, 1881–1917. – NY : Garland, 1987. – P. 79–80, 258 ; Gaudin C. *Op. cit.* P. 115. О периодических изданиях, появившихся с реформой 1906 года, таких как «Хутор» или «Хуторянин», см.: Frank S. P. *Confronting the Domestic Other: Rural Popular Culture and its Enemies in Fin-de-Siècle Russia* // Frank S. P., Steinberg M. D. (ed.). *Cultures in Flux: Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia*. – Princeton : Princeton University Press, 1994. – P. 104.

⁸³ Изгоев А. С. *Воспитание демократии // Русская мысль*. – 1909. – № 7. – Отд. II. – С. 202–208 ; Brooks J. *Op. cit.* P. 207–213, 333 ; Neuberger J. *Hooliganism: Crime, Culture, and Power in St. Petersburg, 1900–1914*. – Berkeley : University of California Press, 1993. – P. 25–70.

⁸⁴ Библиограф и популяризатор науки Н. А. Рубакин, ветеран «педагогике свобод» 1905–1906 гг., обратился в 1913 году с открытым письмом в юридический журнал «Право», изложив в нем свою дружескую просьбу к либеральным юристам. По его мнению, на российском книжном рынке только они были способны написать «необходимую и еще не существующую книгу, [которую. – прим. пер.] по типу и содержанию, какое здесь проектируется, можно бы назвать “Общедоступным практическим руководством для использования и защиты своих гражданских и политических прав”». Рубакин явно признавал успехи, достигнутые в сфере осуществления свобод с 1905 г. Но он сетовал на незнание населением своих прав, что позволяло властям их нарушать. Рубакин хотел исправить такое положение дел путем издания систематического, одновременно энциклопедического и практического, труда, доступного как «народному», так и образованному читателю-неспециалисту. Эта инициатива иллюстрирует замечательное стремление переосмыслить популяризацию имперского позитивного права, примирившуюся с педагогикой свобод, чтобы, опираясь на одно, можно было развивать другое. Однако такая оригинальная идея не получила ни развития, ни поддержки (см.: Рубакин Н. А. *Об одной необходимой книге (открытое письмо в редакцию журнала «Право»)* // *Право*. – 1913. – № 33. – С. 1924–1926).

вестно, широко обсуждались. Либеральная правовая культура характеризуется именно напряжением между этими двумя задачами. Это напряжение подразумевает другое – между политизацией и нейтрализацией правовой культуры. Тот факт, что в либеральной правовой культуре существует тенденция к политизации, сам по себе не оправдывает дисквалификацию сторонников политизации в пользу ее противников: со временем они могут менять свои позиции. Конечно, оценка актуальности этих разногласий позволяет некоторым историкам определять, кто был либералом, а кто нет. Но такой подход вряд ли принимает во внимание то, что составляет ядро либеральной правовой культуры, – в России или за ее пределами.

Возможно, результаты проекта деполитизации правовой культуры после 1905–1906 гг. оказались неожиданными для его сторонников. Акцент на роли профессиональных юристов нашел определенный отклик. Вот только идея не заключалась в том, чтобы релятивизировать универсальную ценность права или даже свобод. Однако отход от популяризации в пользу профессионализации способствовал разрозненности среди населения. Это привело помимо прочего, пусть даже и непреднамеренно, к поощрению партикуляризма и укрепило ту тенденцию, с которой сторонники профессионализации намеревались бороться. Пожалуй, она стала препятствием для «либеральных» политических партий в 1917 году – очевидно, не единственным! Если предположить, что путь профессионализации мог оказаться эффективным, учитывая разрыв между педагогическими намерениями и используемыми средствами, то педагогика свобод, возродившаяся в 1917 году, выглядела устаревшей, отжившей свой срок по сравнению с языком революции, который подчеркивал различия между классами, «буржуазными профессиями», такими как адвокаты и профессора, и пролетариатом. Дискурс универсальной ценности права и универсальной ценности свобод был еще менее слышен в 1917 году, чем в 1905-м. Но впереди дидактизм ожидал свой зловещий расцвет.

Michel Tissier,

a specialist in Modern History, Associate Prof. at the University of Rennes 2 (France)

The Crisis of Liberal Legal Culture in Russia after 1905:

'The Pedagogy of Freedoms' and Legal Literacy

Mass political literature was born in Russia during the 1905 Revolution. Individual freedoms and their place in the law were one of its important topics. The booklets that dealt with this subject amounted to some sort of pedagogy of freedoms. This pedagogy shows the vitality of the liberal legal culture of the time, which centered on the universal value of individual rights, as well as on the primacy of the law. In 1917, this pedagogy of freedoms was used again, almost unchanged, but it was overwhelmed by other, more specifically targeted discourses, sinking the universal stance. This gap between the two streams of literature in 1917 is due to a problem that affected the liberal juridical culture after the 1905 Revolution. There was an inconsistency between the teaching of freedoms, on the one hand, and of the law on the other hand. This tension is underlined by B. Kistiakovskii's contribution to the 1909 Vekhi collection, even if he was unwilling to own such a discrepancy in the liberal pedagogical project. Kistiakovskii did suggest strengthening the said project by reinforcing the influence of professional lawyers. However, this solution encountered many obstacles, and the method of popularization, heretofore the most typical way of meeting the Russian elite's demand of legal culture, was almost entirely abandoned by the liberals. This allows us to understand why the pedagogy of freedoms in 1917 was nothing but a sterile repetition of an outdated discourse.

Keywords: legal culture; legal consciousness; popularizing; liberalism; freedoms; political party; booklet; revolution.

Развитие теории и практики защиты прав человека в XXI в. (обзор материалов выступлений участников Международной научно-практической конференции)

С 2014 г., в ходе ежегодного октябрьского Международного форума «Юридическая неделя на Урале», уже традиционно в Екатеринбурге проводится Международная научно-практическая конференция по правам человека, которая объединяет представителей академической общественности, гражданского общества, органов государственной власти, студентов и преподавателей университетов, волонтеров общественных организаций. 2019 год не стал исключением, и 15 октября более 250 участников собрались на конференции «Развитие теории и практики защиты прав человека в XXI в.» в Доме Правительства Свердловской области. Организаторами конференции выступили Уполномоченный по правам человека в Свердловской области, СРО ООО «Российский Красный Крест», Свердловское региональное отделение РАПН, Общественный совет по гражданскому образованию в Свердловской области, Гуманитарный университет.

С приветствиями к участникам обратились заместитель Губернатора Свердловской области – Руководитель Аппарата Губернатора и Правительства Свердловской области В. А. Чайников, председатель Избирательной комиссии Свердловской области, канд. юрид. наук, доцент УрГЮУ В. И. Русинов, ректор Гуманитарного университета, д-р филос. наук, профессор Л. А. Закс.

Пленарное заседание открыла Уполномоченный по правам человека в Свердловской области **Т. Г. Мерзлякова**, которая проанализировала в своем докладе возможности гражданского общества в защите прав человека. Татьяна Георгиевна отметила, что считает важным для обеспечения независимости института омбудсмена, для выполнения задач по защите прав человека использовать такой ресурс, как совместная работа с общественными организациями. Часто в деятельности омбудсмена выделяют наиболее уязвимые категории лиц, которые нуждаются в особой защите и особом внимании Уполномоченного по правам человека. К таким людям традиционно относят: людей с инвалидностью, заключенных, мигрантов, детей, военнослужащих. Именно поэтому, как подчеркнула Т. Г. Мерзлякова, важно сотрудничать с теми НКО, которые работают в сфере защиты и поддержки этих людей.

Формы такого сотрудничества разнообразны: 1) совместные мероприятия (конференции, семинары, мастер-классы) по обсуждению проблем защиты прав уязвимых лиц, поиску путей их решения, 2) экспертная поддержка и взаимное консультирование по конкретным делам и обращениям заявителей, 3) обращение к ресурсам, имеющимся у НКО (гуманитарная помощь для заявителей, юридическая помощь заявителям в судах, центры помощи для женщин и детей), 4) совместное проведение мониторинга в выбранной сфере защиты прав человека, 5) использование практических примеров из деятельности НКО и аналитических мате-

* **Татьяна Георгиевна Мерзлякова**, Уполномоченный по правам человека в Свердловской области, член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека (г. Екатеринбург).

** **Светлана Игоревна Глушкова**, д-р полит. наук, завкафедрой прав человека, директор Центра правового просвещения и прав человека Гуманитарного университета, приглашенный профессор Университета Париж – Запад (Франция).

риалов НКО для подготовки Уполномоченным по правам человека рекомендаций в адрес исполнительной и законодательной власти.

Важной формой сотрудничества с НКО для омбудсмана также являются совместные проекты по обучению и образованию в сфере прав человека: 1) семинары и тренинги по стандартам Европейской конвенции о защите прав человека и практике Европейского суда по правам человека: для прокуроров, следователей, государственных и муниципальных служащих, юристов НКО, гражданских активистов, 2) семинары и тренинги для активистов НКО о различных сферах социального законодательства, необходимого им для работы с их подзащитными, об эффективности взаимодействия с государственными и муниципальными властями, 3) регулярные проекты по преподаванию прав человека для учителей права в общеобразовательных школах, конкурсы и олимпиады для школьников (конкурсы эссе, дискуссии) по современной проблематике защиты прав человека.

Особой темой является участие институтов гражданского общества в деятельности по осуществлению мониторинга законодательства и мониторинга практики его применения. Общественные объединения, которые много лет работают на территории Свердловской области в той или иной сфере, например НКО «Центр «Миграция и право», Некоммерческое партнерство «Юристы за гражданское общество», Региональное общественное движение «Союз правозащитных организаций Свердловской области», Свердловская региональная общественная организация «Аистёнок» и другие, хорошо знают проблемы в сфере своей деятельности, законодательство в этой области, его недостатки, активно пользуются имеющимися правами и предлагают конкретные изменения в законодательстве.

Разброс законодательных актов, по которым наши общественники выдвигают свои инициативные предложения, покрывает фактически весь спектр законодательных работ: от уголовного и исправительно-трудового законодательства – до гражданского, трудового, природоохранного и конституционного. И это не удивительно: общественные объединения существуют практически во всех сферах деятельности и остро реагируют на состояние той сферы общественной жизни, в которой они работают; замечая недостатки правового регулирования в этой области, они готовы предложить необходимые изменения в законодательстве.

Так, например, Свердловская региональная общественная организация «Дети войны» поддержала проекты федеральных законов, в которых предусматривались меры социальной поддержки и дополнительные льготы детям войны. Научно-практическое социально-педагогическое объединение «Благое дело» активно выступало за решение на федеральном уровне проблемы сопровождаемого трудоустройства инвалидов. Свердловской региональной общественной организацией «Аистёнок» была проанализирована практика применения Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», последствия принятия закона для семей с детьми и некоммерческих организаций в сфере социального обслуживания населения. Региональное отделение «Национальной родительской ассоциации социальной поддержки семьи и защиты семейных ценностей» участвовало в осуществлении мониторинга применения Семейного кодекса РФ. НКО «Центр «Миграция и право» разработало Концепцию реформы законодательства об административных правонарушениях в сфере миграции, были подготовлены и направлены в федеральные органы исполнительной власти экспертные заключения на проекты федеральных законов «О предоставлении убежища на территории Российской Федерации», «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и Федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию». Свердловская областная общественная организация содействия легальной миграции «Нелегалов. Нет» тоже вносила предложения по совершенствованию миграцион-

ного законодательства. НПО «Юристы за гражданское общество» подготовило предложения о том, чтобы включить в круг социально ориентированных НКО, которым оказывается поддержка органами публичной власти, те организации, которые осуществляют в соответствии с учредительными документами деятельность по увековечению памяти жертв политических репрессий. Также надо отметить «Бюро по трудоустройству лиц, попавших в трудную жизненную ситуацию», которое участвовало в подготовке предложений по реформированию системы исполнения наказания в России, вносило предложения по разработке проектов нормативных правовых актов в сфере социальной реабилитации лиц, отбывших наказание и освободившихся из мест лишения свободы.

Некоммерческие организации, как отметила **Т. Г. Мерзлякова**, выполняют непростую работу – они адаптируют стандарты государства к потребностям обычных людей. Точно так же, как и Уполномоченный, правозащитники являются связующим звеном между человеком и властью. Нашим общественным партнерам принадлежит много замечательных, успешно реализованных идей, и этот год не стал исключением. Все проекты, поддержанные Уполномоченным, направлены не только на оказание помощи, но и на объединение усилий для решения конкретных проблем и правозащитного сообщества, и органов государственной власти.

Доцент УрГЮУ, канд. юрид. наук **М. А. Лихачев** отметил в своем докладе «Конституция России и международное право: конкуренция идей и юрисдикций», что Конституция РФ провозглашает права человека высшей ценностью (ст. 2); конституционно-правовое основание подкреплено широкой нормативной базой, охватывающей не только и не столько национальное право, сколько международно-правовые нормы. Права человека признаются и гарантируются в России в первую очередь согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (ст. 17). Последние устанавливаются на уровне международных договоров универсального характера с участием России и международных обычаев, обязательных для каждого члена международного сообщества. В таких условиях восприятие прав человека как притязаний, санкционированных государством, расходится с общепринятой либеральной парадигмой и пониманием прав человека как основы человеческого достоинства и развития личности. Таким образом, как подчеркнул **М. А. Лихачев**, целостный конституционно-правовой режим защиты прав человека и их гарантирования включает в качестве своих элементов, неотъемлемых и в этом плане неприкосновенных для волюнтаристских законодательных изменений: 1) признание прав человека высшей ценностью (ст. 2); 2) признание и гарантирование прав человека согласно общепризнанными принципам и нормам международного права (ч. 1 ст. 17); 3) признание международно признанных прав человека непосредственно действующими во внутреннем правопорядке (ч. 4 ст. 15); 4) международно признанные права обеспечены конституционным гарантиями доступа к средствам международной защиты (ч. 3 ст. 46). Актуальным и исключительно ценным в этом ключе видятся слова классика международного права профессора **Г. В. Игнатенко** о том, что «...юридически адекватное решение видится не в поиске приоритета, а в установлении равноценности и равнозначности при толковании и применении норм Конституции и норм международного договора. В этом контексте представляется вполне уместным и юридически корректным совмещение (сопряжение) Конституции и международного договора...» Актуальным проблемам международного гуманитарного права было посвящено выступление старшего преподавателя юридического факультета, магистра юриспруденции Гуманитарного университета **А. Ю. Маракулина**.

Генеральный секретарь Урало-Сибирской Федерации ассоциаций, центров и клубов ЮНЕСКО **Д. Н. Васьков** в своем докладе рассмотрел основные направле-

ния и результаты работы ЮНЕСКО и сетей ЮНЕСКО в сфере прав человека: он отметил, что за более чем 70 лет своего существования ЮНЕСКО приняла ряд конвенций, рекомендаций, деклараций, рассчитанных на кодификацию и осуществление относящихся к ее сфере компетенций прав человека. ЮНЕСКО содействует тому, чтобы право на получение образования распространялось и на тех, кто по какой-то причине оказался забыт, в частности на женщин и девочек. Д. Н. Васильков подчеркнул, что в условиях, когда международное сообщество готово пересмотреть документы, направленные на защиту прав беженцев и мигрантов, ЮНЕСКО содействует защите и поощрению основных культурных прав и свобод человека, нашего общего наследия и современных форм художественного самовыражения как высшего проявления свойственной всем нам человеческой природы. ЮНЕСКО посредством международных документов содействует изучению, сохранению, популяризации всемирного наследия в государствах – членах Организации, регулирует вопросы, связанные с передачей и сохранением аудиовизуального и нематериального наследия, регулирует вопросы сохранности культурного наследия во время вооруженных конфликтов и осуждает торговлю объектами культурного наследия.

Соблюдение конституционных прав граждан при оперативно-разыскной деятельности проанализировал и представил в своем докладе прокурор отдела по надзору за оперативно-разыскной деятельностью Прокуратуры Свердловской области, советник юстиции **Е. А. Аюпов**. Особенности применения мер пресечения по преступлениям в сфере предпринимательской деятельности проанализировал в своем докладе адвокат Уральской коллегии адвокатов Свердловской области, доцент УрГЮУ, канд. юрид. наук **В. В. Рудич**. Актуальным вопросам защиты адвокатов был посвящено выступление адвоката Уральской коллегии адвокатов Свердловской области, канд. юрид. наук **Л. О. Султангореева**. Свои размышления о гражданственности как гаранте соблюдения прав человека представил член Совета по молодежной политике при Полномочном представителе Президента РФ в Уральском федеральном округе **Е. В. Николаев**.

В докладе д-ра юрид. наук, завкафедрой публичного права, декана юридического факультета Гуманитарного университета (г. Екатеринбург), приглашенного профессора Университета Париж-Запад (Франция) **А. П. Семитко** «Ценность права в утверждении ценности личности», посвященном 95-летию со дня рождения великого советского и российского ученого – Сергея Сергеевича Алексеева, был дан общий обзор жизни и творчества ученого, выделены два периода в его развитии – ранний и поздний, или советский и постсоветский, специально-юридический и философско-правовой, теоретический и практический, реформаторский. Эти этапы соответствуют и двум эпохам жизни российского общества. Несмотря на наличие указанных двух этапов, фундаментальные основания учения мыслителя-правоведа оставались одинаковыми на протяжении всей его творческой жизни – это пиетет перед Правом как важнейшей социальной ценностью и достоинством личности, ее правами и свободами, закрепленными в Праве, которое является их «хранилищем», а также неустанное внимание к правовому просвещению как к важнейшему средству повышения правовой культуры общества и обеспечения господства Права в его жизни. Ученый пытался претворить свои основные идеи – насколько это было возможно – в реальность и в советский период, однако все условия для этого возникли лишь в перестроечный период развития нашей страны. Профессором А. П. Семитко также были рассмотрены в докладе особенности советского научного дискурса и показана актуальность ряда его идей для сегодняшнего времени, например актуальность идеи создания антиэксплуататорского права в современной России, и другие.

Доклад доцента кафедры конституционного права УрГЮУ, канд. юрид. наук **М. Л. Белых** был посвящен вопросам конституционной компаративистики через призму правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации. Доцент М. Л. Белых представила анализ отдельных решений органов конституционной юстиции, как Российской Федерации, так и зарубежных стран; а также анализ особых мнений и мнений судей Конституционного Суда Российской Федерации в рамках заявленной темы. В Российской Федерации, так же как в большинстве иных государств, ни в Конституции, ни в законодательных актах не предусмотрена возможность использования зарубежного опыта при принятии решений, однако нет и прямого запрета. Несмотря на это, органы конституционной юстиции обращаются к опыту зарубежных стран при принятии решений. Конституционная компаративистика приобретает особое практическое значение в деятельности органов конституционной юстиции различных стран. Пределы и границы использования зарубежного опыта в деятельности органов конституционного судебного контроля, а также проблемы целесообразности и необходимости подобного использования являются дискуссионными вопросами и требуют дальнейшего теоретического осмысления и проработки.

Член Коллегии адвокатов «Свердловская областная гильдия адвокатов», заместитель председателя Совета молодых адвокатов Адвокатской палаты Свердловской области **М. А. Стальнова** рассказала в своем докладе о нарушениях прав граждан в делах о банкротстве юридических лиц, с которыми столкнулась в процессе своей практической деятельности. М. А. Стальнова отметила появившуюся тенденцию нарушения баланса прав и интересов участников дел о банкротстве. Проблемными с точки зрения соблюдения такого баланса являются ситуации принятия судами обеспечительных мер в виде наложения ареста на имущество граждан, включая денежные средства в значительных размерах при рассмотрении обособленных споров, что приводит к лишению средств к существованию. Она отметила, что появились случаи, когда суды обращали внимание на данную проблему, и в целях ее решения накладывали арест только на недвижимое имущество и транспортные средства гражданина. Также она рассказала о заслуживающей внимания ситуации признания судами за конкурсными управляющими неограниченной самостоятельности. Известны случаи, когда конкурсные управляющие подают иски от имени должника-банкрота с заниженными суммами исковых требований, занимают пассивную позицию в процессе рассмотрения этих исков. Когда учредители подают жалобы на такие действия, суды оставляют их без удовлетворения, указывая, что конкурсный управляющий является самостоятельной процессуальной фигурой и имеет право выражать собственное мнение. В результате нарушается право на судебную защиту, причиняется вред имущественным правам гражданина, контролирующего должника, так как занижение конкурсной массы организации-банкрота влечет субсидиарную ответственность. Адвокат М. А. Стальнова предложила способы решения проблемных ситуаций, а в заключение отметила, что такие случаи требуют комплексного подхода, применения знаний различных отраслей права, что позволит исключить противоречия норм разных нормативно-правовых актов, пересекающихся в одном случае.

Доцент РГППУ **М. В. Снегирёва**, канд. пед. наук, посвятила свое выступление проблематике гуманизма основополагающих идей Римского клуба. Так, она отметила, что современная цивилизация значительно и неуклонно преобразует окружающую среду, социальные институты, самого человека в разных уголках планеты. В таких условиях возникает необходимость осмысления острых проблем современности, поиска новых идей и разработки стратегий, смягчающих их. В Европе еще в конце 60-х – начале 70-х гг. начинают создаваться общественные организации (например, Римский клуб), представители которых задумываются о не-

стабильности экономических, социальных, экологических процессов, о поисках выхода из глобального кризиса. Идеи Римского клуба в своей основе имеют черты классического гуманизма. Первый доклад Римского клуба «Пределы роста» был подготовлен в 1972 г. При помощи современных электронно-механических устройств были смоделированы процессы будущего времени, и это была первая подобная модель, рассчитанная на срок более 30 лет. В основу доклада легли пять основных тенденций мирового развития: рост населения; рост промышленного производства; рост производства продовольствия; сокращение запасов природных ресурсов; загрязнение окружающей среды. Заслуга Римского клуба в том, что после подготовки и опубликования докладов «Пределы роста», «Человечество на перепутье», «Пересмотр международного порядка», «За пределами расточительства» и других возникли активные дискуссии в научной и общественной среде, которые, несомненно, двигали вперед идеи глобального моделирования, направленные на разработку альтернативных сценариев развития человечества. Исследователями выявлялись и анализировались проблемы, возникающие в разных уголках Земли, а также общие процессы, требующие баланса, равновесия, оперативного решения и долгосрочного планирования.

Доцент М. В. Снегирёва отметила, что идеи Римского клуба полны гуманизма, пацифизма, искренней тревоги за судьбы человечества и состояние планеты Земля. Некоторые идеи звучат по-прежнему актуально. Так, А. Печчеи говорил «о трех составляющих нового человека», и эти идеи остаются основными и в настоящее время: 1) чувство принадлежности ко всему человечеству в отличие от приоритетов отдельных стран и народов; 2) частичный отказ от их «суверенности» и эгоистических интересов; 3) решительный отказ от насилия как средства разрешения конфликтов. Эти идеи очень современны, их необходимо развивать в российской молодежной среде, которая очень чутко относится к идеям пацифизма, альтруизма, что дает старшему поколению некоторую надежду и оптимизм в отношении будущего России. Российским студентам необходимо рассказывать не только о верховенстве права как жизненной ценности, о социокультурном и гуманитарном потенциале российской Конституции, но и о 17 целях устойчивого развития, намеченных Организацией Объединенных Наций, о глубоких по содержанию докладах Римского клуба, с которыми должен быть знаком каждый образованный человек.

Старший научный сотрудник Уральского института ГПС МЧС России, канд. полит. наук **Л. Б. Гапоненко** посвятила свое выступление анализу проблем обеспечения социально-экономических прав человека в условиях глобализации: она отметила, что главным субъектом обеспечения социально-экономических прав граждан на ближайшие десятилетия будет оставаться национальное государство; наряду с наличием явных признаков ослабления национального государства, оно сохраняет свое доминирующее институциональное положение в мировом политическом процессе; глобализация размывает сферу влияния национального государства, границы становятся «транспарентными». Национальные государства испытывают ряд трудностей, связанных с объективным снижением возможности государств конкурировать с транснациональными корпорациями за влияние на общественные процессы, государству становится все сложнее обеспечивать выполнение важнейших функций на надлежащем уровне. Потенциал и возможности национальных государств в настоящее время не исчерпаны, они активизируют свою деятельность на макроэкономическом пространстве. Усиливается роль правительственных структур в выработке совместных стратегий регулирования мирового рынка, особенно финансовой сферы. Это связано с тем, что даже самые влиятельные ТНК неспособны регулировать и тотально контролировать процессы мирового рынка и вынуждены использовать средства регуляции, которыми рас-

полагают национальные государства. Показательный пример – действия правительств и центральных банков национальных государств по координации валютно-кредитной и общеэкономической политики в кризисные периоды макроэкономического масштаба.

Основные направления и проблемы в развитии теории и практики прав человека и гражданского образования в XXI в. проанализировала в своем выступлении завкафедрой прав человека, директор Центра правового просвещения и прав человека Гуманитарного университета **С. И. Глушкова**: она отметила, что эпоха глобализации сопровождается постоянным появлением новых вызовов (современные формы рабства, стремительное изменение климата, усиление социального неравенства, др.) и рисков (новые вирусы, неизлечимые заболевания, риски продовольственной безопасности, др.) для прав человека, институтов гражданского общества, для научно-практических дискурсов прав человека – правочеловеческого, правопросветительского, правозащитного; в этом отношении во многом прав известный ученый первой четверти XXI в. Ю. Харари, который отметил, что «люди уступают права свободному рынку, коллективному разуму и внешним алгоритмам» в силу того, что не могут справиться с «информационным наводнением». Новые вызовы правам человека, коллизии и противоречия в сфере прав человека способствуют появлению новых поколений и классификаций прав человека: информационных, цифровых, коммуникативных, репродуктивных, соматических, образовательных, конкурирующих (Р. Дворкин), др. Но в условиях, с одной стороны, универсализации, а с другой стороны, глобализации прав человека важно придерживаться классических принципов, в частности солидарности и равенства всех прав и свобод человека: основных и дополнительных; гражданских, экономических, культурных, социальных и политических; индивидуальных и коллективных; новых и классических, традиционных поколений прав человека, др.

Анализируя идеи авторов современных концепций прав человека, С. И. Глушкова подчеркнула, что важно иметь в виду объективные оценки и прогнозы реальной ситуации с правами человека в конце XX – первой четверти XXI в., данные известным историком М. Игнатьевым: 1) стратегический минимализм и реальный максимум в стратегии действий по защите прав человека; 2) стремление к реализации базового приоритета правозащитной работы: борьба с пытками, избиениями, изнасилованиями, укрепление безопасности людей. Профессор С. И. Глушкова отметила, что важным ресурсом – инструментом сохранения человеческого потенциала, защиты человеческого достоинства, укрепления системы прав и свобод человека, прежде всего представителей уязвимых групп населения, – является гражданское образование, образование в области прав человека, с учетом международных стандартов и программ, которые разработаны и приняты главными органами ООН и Совета Европы. Так, важным для развития культуры прав человека документом является Хартия Совета Европы о воспитании демократической гражданственности и образовании в области прав человека (2010 г.), которая является основой гражданского образования: она направлена на расширение возможностей учащихся осуществлять и защищать свои демократические права, нести ответственность в обществе, ценить многообразие, демократию и верховенство права. При этом образование, обучение правам человека и ценностям гражданского общества не заканчивается с получением диплома бакалавра или магистра; стратегия неформального образования, которое продолжается всю жизнь, – это «образование для всех» и всегда, везде, в любой точке земного шара, и для среднего, и для «серебряного» возраста.

Многие доклады, представленные на конференции, вызвали вопросы и активные дискуссии в конференц-зале и за его пределами. Актуальные проблемы, заявленные в выступлениях представителей академической среды и практикующих

юристов, получили продолжение на осенних и зимних теоретических семинарах юридического факультета Гуманитарного университета, а также на научно-исследовательских семинарах с участием магистрантов и молодых ученых, общественных заседаниях Дискуссионной трибуны и форумах Народного университета российского конституционализма в Президентском центре Б. Н. Ельцина, будут обсуждаться на ежегодной апрельской научно-практической конференции Гуманитарного университета.

Tatiana Georgievna Merzlyakova,

Ombudsman in the Sverdlovsk region, Member of Council
under Russia's President on Civil Society Institutions and Human Rights
(Yekaterinburg)

Svetlana Igorevna Glushkova,

Doctor of Political sciences, Head of Human Rights Chair,
Director of Liberal Arts University Center for Legal Education and Human Rights,
Chairperson of Russian Political Science Association in Sverdlovsk region (Yekaterinburg);
visiting professor of Université Paris X – Nanterre (France)

**The Advancement of the Theory and Practice in Human Rights Protection
in the XXI-th Century (A Review of Conference Proceedings)**

**Рецензия на диссертацию Е. В. Пономаревой
«Субъекты и квазисубъекты права:
теоретико-правовые проблемы разграничения»¹**

Актуальность и степень научной разработанности темы. Избранная для диссертационного исследования тема является актуальной, поскольку в значительной мере связана с анализом еще недостаточно хорошо изученных юридической наукой новых правовых явлений, а также с анализом правовых аспектов прогнозируемых изменений в будущей жизни человечества – таких, как дальнейшее и все ускоряющееся развитие робототехники, искусственного интеллекта, продуктов генной инженерии, ожидаемых открытий в области генома человека, искусственного интеллекта, создания более совершенных автономных технических устройств, воссоздания человека путем клонирования и т. д. В последнем случае, как верно отмечено в диссертации, могут возникнуть сложности с определением места в обществе такого (воссозданного путем клонирования) человека, его правового статуса: «Сможет ли он быть субъектом права, самостоятельно приобретать субъективные права и юридические обязанности, нести юридическую ответственность? Создание человеческих клонов способно изменить представления об участниках правовых отношений, субъектах права. Учитывая достижения в области медицины, генной инженерии, юридическая наука должна переосмыслить сформированные в духе позитивизма доктринальные положения о правовых лицах, выработать содержательные критерии отграничения субъекта права от того, кто таковым не является» (с. д. 4, если будут указаны страницы автореферата, то дано сокращение – с. а.). Соискатель несколько не преувеличивает, заостряя проблему и показывая, что она давно назрела в нашей науке, а потому ждет своего глубокого и пытливого исследователя. Следует добавить, что данный спектр проблем очень активно обсуждается всей передовой мировой интеллектуальной элитой, и особенно показательно то, что даже неюристов волнует проблема субъекта и квазисубъекта права, хотя часто и без употребления последнего термина. Чтобы не быть голословным, приведу полную цитату из весьма популярного на сегодняшний день в мире трактата, посвященного предвидению будущего (и изданного на 50 иностранных языках), – из книги «Номо Деус. Краткая история будущего» (2015, перевод на русский язык – 2018). Его автор, Юваль Ной Харари, пишет: «Законы человеческого общества уже признают “субъектами права” интерсубъективные сущности, такие как корпорации и нации. Хотя *Toyota* или Аргентина не имеют ни тела, ни разума, они являются субъектами международного права, которые могут владеть землей и деньгами, а также привлекать и привлекаться к суду. **Не исключено, что в недалеком будущем такой же статус получат и алго-**

* Алексей Павлович Семитко, д-р юрид. наук, старший научный сотрудник РАН, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, декан юридического ф-та, завкафедрой публичного права, профессор АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург); приглашенный профессор университетов Париж-Восток, Париж-Запад, Клермон-1 (Франция).

¹ См.: Пономарева Е. В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Пономарева Елена Владимировна. – Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет, 2019. – 208 с. ; Пономарева Е. В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Пономарева Елена Владимировна. – Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет, 2019. – 32 с.

ритмы. И тогда ничто не помешает алгоритму сделаться хозяином транспортной империи или венчурного фонда **и перестать подчиняться желаниям человеческих особей»** (выделено нами. – А. С.)². Алгоритмы, о которых пишет мыслитель, – это искусственный интеллект, причем автор книги – не юрист, но даже и он прекрасно понимает все, мягко скажем, сомнительные последствия такого законодательного решения, которое гипотетически не является совсем уж невозможным. Последствия такого признания могут затронуть весьма болезненно не только экономику, культуру, но и политику, право и вообще все сферы жизни человечества самого ближайшего будущего. Обсуждению ряда тревожных сценариев посвящена также книга (одна из очень и очень многих) французских авторов – Александра Лорана и Жана-Франсуа Коппе, одного из лидеров французской партии Республиканцев, к которой мы вернемся чуть позже³. И только появление диссертации Е. В. Пономаревой, которая обосновала признаки квазисубъекта права, т. е. того, кто ни при каких условиях не должен признаваться субъектом права, позволяет, как мне представляется, отодвинуть эту угрожающую перспективу на некоторое время, а если диссертант будет услышан мировой юридической общественностью, то такая перспектива может быть отброшена навсегда.

Столь новаторская тема, нацеленная как никакая другая, известная мне за последние 20–25 лет, работа, на реализацию прогностической функции теории права и государства, разумеется, не может быть хорошо разработана в нашей, да и во всей мировой юридической литературе. Хотя мне кажется, что наши зарубежные коллеги уделяют этому вопросу гораздо больше внимания, чем мы. Поэтому появление исследования Е. В. Пономаревой представляется мне весьма и весьма своевременным. В диссертации имеется необходимое обоснование степени (и пока, как уже отмечалось, далеко не достаточной) научной разработанности проблемы квазисубъекта в юридической литературе, в том числе с использованием иностранного опыта и иностранных источников по теме. И поэтому нельзя не согласиться с диссертантом в том, что «как целостное явление квазисубъект права не стал самостоятельным объектом правовых исследований» (с. д. 5).

Цель, научная новизна и общий анализ диссертации. Целью анализируемого исследования является «разработка теоретической концепции разграничения квазисубъектов и субъектов права» (с. д. 6), а новизна выражается в том, что впервые в юридической науке «осуществлен комплексный анализ феномена квазисубъекта права, его признаков, причин возникновения» (с. д. 7). Кроме того, новизна исследования заключается в «выделении методологических оснований и состава необходимых и достаточных критериев разграничения субъектов и квазисубъектов права» (с. д. 7). Отметим сразу, что анализ методологических оснований на том уровне, на котором он был осуществлен в данной работе, является весьма и весьма серьезным достижением для диссертанта, претендующего всего лишь на статус кандидата юридических наук.

Научная новизна исследования находит свое самое непосредственное и детализированное выражение в 10 положениях, вынесенных на защиту: обосновано существование в правовой системе квазисубъекта, изучены его признаки и представлена классификация по нескольким основаниям (1–3-е положения); обстоятельно разработаны методологические основания разграничения субъекта и квазисубъекта права, доказано их принципиальное отличие, а также выявлены необходимые и достаточные критерии их разграничения (положения 4–6-е); убедительно доказано, что искусственный разум, а также роботизированные автономные системы не способны быть субъектами права (положение 7-е). В 8–10-м

² Харари Ю. Н. Homo Deus. Краткая история будущего. – М. : Синдбад, 2019. – С. 378.

³ Alexandre L., Cope J.-F. L'intelligence artificielle va-t-elle aussi tuer la Démocratie? – P., 2019.

положениях автор демонстрирует работоспособность, т. е. возможность применения к тому или иному эмпирическому материалу своей теоретической концепции на примере ряда образований, признание которых субъектами или квазисубъектами является спорным в современной юридической литературе (нация, трудовой коллектив, семья).

Поставленная цель и вытекающие из нее исследовательские задачи успешно реализованы во введении, двух главах, объединяющих семь параграфов, заключении и списке использованной литературы и нормативных правовых актов (259 источников, в том числе около трех десятков – на иностранных языках). В первой главе – **«Субъекты и квазисубъекты права: понятия, методологические основания и критерии разграничения»**, состоящей из трех параграфов, – Е. В. Пономарева исследовала три подхода к пониманию субъекта права – позитивистский, естественно-правовой и постмодернистский (с. д. 14 и далее), выделила их основные достоинства и недостатки; раскрыла причины возникновения феномена квазисубъекта права в правовых системах самых разных времен и народов; предложила определение субъекта права (с. д. 36); проанализировала понятие (с. д. 36–41) и характерные признаки квазисубъекта (с. д. 41–45, с. а. 16–18); выделила методологические основания, а также необходимые и достаточные критерии (восемь критериев) разграничения субъекта и квазисубъекта права (с. д. 60–83, с. а. 20–24).

Во второй главе – **«Отдельные виды квазисубъектов права»** – рассмотрена классификация квазисубъектов права по нескольким основаниям и проведен анализ отдельных квазисубъектов права на основе сформулированных ранее критериев разграничения субъектов и квазисубъектов права. Следует согласиться с диссертантом в том, что приставка «квази» активно используется в науке и прочей интеллектуальной, языковой практике для поименования объектов (субъектов), очень похожих на те, к которым добавляется указанная приставка, но тем не менее ими не являющихся в полной мере. Можно добавить к этому примеры и из других частных теорий теории права и государства. Так, в успешно защищенной недавно весьма интересной кандидатской диссертации на тему «Институт применения права в системе современного российского правосудия: общетеоретический и технико-юридический аспекты» ее автор, Л. С. Гайниев, выделяет характерную (нормативную) и нехарактерную (казуистическую) юридическую технику судебных решений, предполагающую во втором случае рассмотрение дел в особом правоприменительном режиме – с применением аналогии закона или «с опорой на **квазипрецеденты**, т. е. с ориентацией на общие принципы законодательства и **результаты рассмотрения другими судами аналогичных дел, без непосредственного упоминания об этом в тексте актов судебного правоприменения**. Несмотря на то что в российской правовой системе не систематизирована вся имеющаяся прецедентная практика, в силу нестандартности дела **суды обладают правомочием следовать опыту ранее состоявшихся судебных постановлений...**» (выделено нами. – А. С.)⁴. Такая же ситуация характерна, кстати, и для французской судебной-правовой системы (общей юрисдикции), где суды могут и в ряде случаев обязаны (не юридически, а фактически, если не хотят, чтобы их решение было отменено вышестоящей апелляционной или кассационной инстанцией, когда последние уже сформулировали свою четкую правовую позицию по аналогичному делу) следовать «результатам рассмотрения другими судами аналогичных дел, без непосредственного упоминания об этом в тексте актов судебного правоприменения». Для чего нам необходим анализ данной ситуации? Только для

⁴ См.: Гайниев Л. С. Институт применения права в системе современного российского правосудия: общетеоретический и технико-юридический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. – Казань : Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2019. – С. 13–14.

того, чтобы понять смысл использования приставки «квази» в нашей юридической науке, а именно: для юриста континентальной системы ориентация на «результаты рассмотрения другими судами аналогичных дел, без непосредственного упоминания об этом в тексте актов судебного правоприменения» при наличии, тем не менее, даже здесь правомочий судов следовать опыту ранее состоявшихся судебных постановлений, т. е. «прецедентной практике», описывается в категории «квазипреcedент», так как в романо-германской правовой системе нет, прежде всего, официального признания прецедента, а потому исключен один из его классических признаков – такой, как ссылка на соответствующее предшествующее, фактически прецедентное судебное решение. Для юриста же общей, англо-американской правовой системы – это не что иное, как настоящий прецедент, и он вполне обоснованно может обвинить «континентальщиков» в том, что они «играют в понятия», поскольку последний суть реальный, настоящий прецедент, который в континентальной правовой доктрине называют квазипреcedентом. Следовательно, приставка «квази» прилагается к какому-либо явлению не потому, что оно «на самом деле» имеет такое качество (описываемое приставкой «квази»), т. е. качество мнимое, ненастоящее, всего лишь близко похожее на нечто близкое и т. д., а потому, что ее авторы смотрят на мир через определенные теоретико-концептуальные очки. Небольшое движение доктрины или законодателя в соответствующую сторону позволит нам в первом случае легко называть «квазипреcedент» прецедентом, а в случае с квазисубъектами, к которым автор относит нации, трудовые коллективы, семьи, крестьянские фермерские хозяйства и ряд других образований, – субъектами права. В мировой литературе, как мы видели ранее, сомнения высказываются даже по поводу искусственного интеллекта, который некоторые авторы предлагают признать субъектом права.

Сомнения могут оставаться сомнениями, однако в рамках теоретической конструкции, разработанной Е. В. Пономаревой, вполне можно согласиться практически со всеми, сделанными ею, выводами и положениями, и в частности с выбором тех, кого она признает субъектом права, и тех, кому в этом отказывает, предлагая именовать подобные образования всего лишь квазисубъектами права. Вынесенные на защиту положения обладают необходимой степенью новизны, научной обоснованности и достоверности. И тем не менее, соглашаясь с диссертантом по всему спектру основных позиций и подходов, мы в ряде случаев все же полагаем, что некоторые вопросы требуют дополнительного размышления и обсуждения, к чему мы сейчас и переходим.

Дискуссионные положения. 1. Е. В. Пономарева, исходя из разработанной ею теоретической конструкции, убедительно обосновала невозможность выступать в качестве субъектов права ни нациям, ни народностям, ни трудовым коллективам, ни семье. Она лишь великодушно согласилась на то, чтобы они именовались квазисубъектами права. В связи с этим возникает вопрос: какие практические (про теоретические понятно: концепция не позволяет) неблагоприятные последствия может получить та или иная правовая система (и российская прежде всего), если она все-таки признает данные сложные образования субъектами права? Хотелось бы получить краткую выкладку лишь наиболее серьезных неблагоприятных практических последствий, с которыми может столкнуться общество, если признает всех названных здесь квазисубъектов субъектами права, и, хотя бы как минимум, дать такого рода (т. е. возможный неблагоприятный) прогноз в случае признания последним семьи, которая в ряде правовых порядков выступает сегодня в качестве субъекта права. На данный момент мы не видим таких неблагоприятных последствий, а в ряде случаев и, наоборот, полагаем, что признание некоторых квазисубъектов субъектами права пошло бы на пользу нашему правовому порядку.

2. Диссертант определяет субъекта права как «решающую инстанцию в праве, участника правовой коммуникации, который характеризуется потенциальной или реальной способностью самостоятельно, актом собственной воли, приобретать и реализовывать субъективные права и юридические обязанности, нести юридическую ответственность, осуществлять правовую деятельность» (с. д. 36), делая упор в разворачивании существенных признаков указанной дефиниции на свободе воли и базирующихся на них «решающих» характеристиках субъекта права. Однако естественно-научные исследования прошлого века доказывают со всей очевидностью, что у человека нет никакой свободной воли. В уже упомянутом выше произведении Ю. Харари приводятся многочисленные ссылки на результаты соответствующих естественно-научных открытий и экспериментов, показывающих, что концепт «свободная воля» есть лишь теоретическая фикция, фантазия, выдумка философов XVII–XVIII веков. Ю. Харари пишет, что, вскрыв в XX веке «черную шкатулку с надписью *Homo Sapiens*, ученые не нашли в ней ни бессмертной души, ни свободной воли, ни пресловутого «я» – одни только гены, гормоны и нейроны, подчиняющиеся **тем же физическим и химическим законам, что управляют всей прочей материей...** Электрохимические процессы в мозге, приводящие к убийству, либо предопределены, либо случайны, либо комбинация того и другого. **Но они никогда не свободны.** Выброс нейроном электрического импульса – это или определенная реакция на внешний раздражитель, или следствие случайного события вроде спонтанного распада радиоактивного атома. Ни то ни другое **не оставляет места свободной воле.** Решения, являющиеся итогом цепной биохимической реакции, где каждый этап спровоцирован предыдущим, конечно же, **не свободны.** Решения, к которым приводят случайные субатомные явления, тоже **не свободны – они просто случайны.** И когда случайные явления смешиваются с детерминированными процессами, мы получаем вероятностные результаты. **Но и они не эквивалентны свободе»** (выделено нами. – А. С.)⁵.

Данные естественных наук ставят немало вопросов и перед юриспруденцией тоже: вопросы могут быть разные, но хотелось бы, чтобы диссертант задумался о следующих. Во-первых, какую дефиницию субъекта права предложит нам диссертант, если исключить из нее признак свободной воли и, следовательно, решающей инстанции, каковой субъект права на деле не является и являться не может, поскольку у него нет никакой возможности самостоятельно и независимо принимать ответственные решения, ибо конструкт свободной воли является простой фикцией, заблуждением ученых предшествующих поколений? Во-вторых, если наши коллеги, занимающиеся естественно-научными исследованиями, исключили из наших определений признак свободной воли, тогда какие у нас остаются препятствия для того, чтобы не признавать искусственный интеллект субъектом права?

3. Давно уже проводятся вполне успешные эксперименты, связанные с вживлением в мозг человека компьютерных чипов, помогающих ему преодолевать те или иные трудности своего бренного существования, вылечиться от тех или иных психических заболеваний, например, и т. д., т. е. стать в какой-то мере другой личностью или, можно сказать, сверхчеловеком в некотором отношении. Это обсуждают разные авторы, в том числе упомянутые выше L. Alexandre, J.-F. Cope в книге «L'intelligence artificielle va-t-elle aussi tuer la Democratie»⁶. В буквальном переводе с французского это устройство называется «мозговой имплантат», но можно назвать его и иначе, – допустим, «нейротерапевтический протез» (у Ю. Харари – это вживленный в мозг пациента электрод), который сначала позволяет ле-

⁵ Харари Ю. Н. Указ. соч. С. 330–331.

⁶ Alexandre L., Cope J.-F. Op. cit. P. 40–41.

чить людей с разными психическими заболеваниями, а потом – как это обычно и бывает с подобного рода изобретениями, – несколько усовершенствованный, позволит самому простому, заурядному, ординарному человеку, но обязательно обладающему хорошим банковским счетом, получать сверхпреимущества в своей как повседневной, так и всей остальной жизни и деятельности.

Вопрос к диссертанту: кто в таком случае будет здесь субъектом права? Пациент с нейротерапевтическим протезом или его системный администратор, т. е. лечащий врач (какое из этих двух названий подходит лучше, судить читателю)? Кто будет нести юридическую ответственность за возможные противоправные действия лица с нейротерапевтическим протезом? Ведь понятно же, что в программное обеспечение вживленного в мозг чипа, имплантата или протеза могут быть «вшиты» самые разные ценностные предпочтения и ориентации (умышленно или по грубой неосторожности). Возможно ли, что оба упомянутые выше лица – пациент и его лечащий врач – будут субъектами права или одним общим – новым – субъектом права? Или имеет смысл обсудить эту ситуацию в рамках категорий ограниченной и (или) полной/неполной дееспособности и т. д., и т. п.? А может быть, кто-то из указанных субъектов будет субъектом права, а другой – всего лишь квазисубъектом, и т. д.?

Думается, что большая часть из поставленных здесь вопросов не имеет пока простых и однозначных ответов. Но в любом случае можно сделать вывод, что подготовленная Е. В. Пономаревой диссертация не только решила поставленные ею проблемы разграничения субъекта и квазисубъекта права, но и послужит хорошим стартовым основанием для серьезного обсуждения вопросов признания (или непризнания) субъектами права тех или иных социальных, интеллектуально-технических, виртуальных, искусственных, искусственно-естественных и т. п. образований и систем, которые появляются сначала в наиболее развитых странах, а потом быстро распространяются по всему миру. Ответы на указанные вопросы, рекомендации законодателю и правоприменителям, которые делаются в данной диссертации, необходимы нам не послезавтра и даже не завтра, а уже сегодня, и к этому общемировому вызову российская юридическая наука, несомненно, будет подготовлена гораздо лучше, поскольку в ней имеются работы, подобные рассматриваемой в настоящей рецензии, что обуславливает **теоретическую и практическую значимость данного диссертационного исследования**. Мало сказать, как указывает на это Е. В. Пономарева, что «положения диссертации носят прогностический характер, направлены на выявление и решение тех проблем, с которыми уже в ближайшем будущем столкнется правовое сообщество в связи с развитием науки и техники (искусственный интеллект, автономные роботизированные системы), что может учесть законодатель при регулировании соответствующих правоотношений» (с. д 13). Я не сомневаюсь, что подобного рода работы станут настольной книгой юристов не только конца XXI, но и XXII века, как минимум.

Диссертация написана строгим научным, академическим стилем, выдвигаемые автором тезисы скрупулезно обосновываются и аргументируются, выводы логически и теоретически обоснованы. Основные ее положения нашли отражение в автореферате, а также в шести публикациях, в том числе (четыре из них) – в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ. На основании изложенного можно сделать вывод о том, что данное диссертационное исследование соответствует в полной мере всем требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кан-

дидата юридических наук⁷, а ее автор – Елена Владимировна Пономарева – заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Alexey Pavlovich Semitko,

Doctor of Laws, senior research fellow at RAS,
the Honored Worker of Higher Professional Education
of the Russian Federation, dean of Law Faculty,
head of Public Law chair, professor, Liberal Arts University –
University for Humanities (Yekaterinburg);
visiting professor of Paris-Quest University (France)

**The Report on the Ponomaryova E.V. Dissertation
“Subjects and Quasi-subjects of the Law:
Theoretical and Legal Problems of Distinction”**

⁷ См.: Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» (вместе с «Положением о присуждении ученых степеней») // Собрание законодательства РФ. – 07.10.2013. – № 40 (ч. III). – ст. 5074.

|| ФИЛОСОФИЯ

О культе теоретического знания и его оправдании (К истории вопроса)

В статье теоретическое знание рассматривается как результат своеобразного культа, требующего от своих адептов добиваться истинного знания независимо от возможности его практического использования. Этот культ, сформировавшийся в Древней Греции, является неотъемлемой частью современной культуры, включающей в себя множество и других культов. Одним из них является культ пользы, требующий от любой вещи или действия быть средством для достижения более важных целей. С позиции этого культа теоретическое знание обязано оправдывать свое существование практической полезностью.

Ключевые слова: теоретическое; практическое; культ; знание; умение; мудрость; миф; природа; естественное; искусственное; созерцание; умозрение; доказательство; практика.

Вначале о слове *теоретическое*. В середине прошедшего столетия в русскоязычной терминологии, с помощью которой описывалось научное знание, начали появляться англоязычные термины и обороты, а многие входящие в них эллинизмы и латинизмы, давно уже ставшие интернациональными, стали употребляться в небывалых прежде сочетаниях и противопоставлениях, подразумевающие какие-то новые их значения. Нечто подобное произошло и со словом *теоретическое*, смысл которого очерчивался многовековым противопоставлением *теории* и *практики*, *теоретических* и *практических* знаний, *теоретической* и *практической* философии, стал оттесняться небывалыми значениями, которые диктует языковая оппозиция *теоретическое-эмпирическое*, заимствованная из так называемой *философии науки XX века*¹. С внедрением в русскую речь новой оппозиции и привыканием к ней обычными стали рассуждения об *эмпирическом* и *теоретическом* уровнях познания, *эмпирической* и *теоретической* стадиях развития научного знания, *эмпиризме (фактуализме)* и *теоретизме*².

Оппозиция *теоретическое – эмпирическое* сконструирована в 20-х годах прошлого века в *аналитической философии* для разграничения *языка науки* и *языка метафизики*. Однако ее использование за пределами этой весьма узкой и специфической задачи (с весьма специфической трактовкой *науки* и *метафизики*) может только мешать пониманию сути проблем, которые волновали мыслителей прошлого, создававших *европейскую науку* и осмысливавших специфику используемых ею приемов познания с помощью иных противопоставлений³. Тем более, не годится эта оппозиция для понимания специфики познавательной деятельности, которая нача-

* **Геннадий Васильевич Болдыгин**, канд. филос. наук, доцент, старший научный сотрудник АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

¹ Начало основательному знакомству с новыми для русскоязычного интеллектуального сообщества проблемами и терминами положили работы В. С. Швырёва *Неопозитивизм и проблемы эмпирического обоснования науки* (М. : Наука, 1966) и *Теоретическое и эмпирическое в научном познании* (М. : Наука, 1978).

² См., напр., статью «Факт» в *Энциклопедии эпистемологии и философии науки* А. Л. Никифорова – изобретателя эмпирически неверифицируемых терминов *фактуализм* и *теоретизм* (URL: https://gufo.me/dict/epistemology_encyclopedia/факт).

³ Термин *европейская наука* ввел в оборот Э. Гуссерль в незаконченной работе *Кризис европейских наук*. В данной статье это словосочетание используется в расширенном значении, включая все культуры научного мышления, которые сформировались под влиянием древнеэллинистического гения, в том числе и средневековая арабоязычная *фалсафа* (философия), благодаря которой современная наука говорит с сильным арабским акцентом.

ла формироваться в Древней Греции в VI веке до нашей эры и которую вслед за эллинами называют теперь *теоретической* (от др. греч. Θεωρία – созерцание, наблюдение), противопоставляя ее деятельности *практической* (от др. греч. πράξις – действие, деятельность).

В античности и в более близкие нам времена считалось, что только бесстрастное *созерцание* (чувственное либо интеллектуальное) способно давать достоверное знание об объектах, произвольное изменение которых невозможно или нежелательно. Большинство древнегреческих мыслителей достаточно низко оценивало результаты чувственного созерцания, полагая, что из-за его тесной связи со *страстью* (παθος) оно способно давать лишь изменчивые *мнения* (δόξα). Гораздо выше ценилось *умозрение – созерцание* (Θεωρία) с помощью *ума* (νοῦς), способное, как считалось, давать наиболее достоверное знание (ἐπιστήμη) потому, что оно неподвластно эмоциям, побуждающим к скороспелым выводам и неразумным действиям⁴.

Под *умозрением*, которое после Декарта стали называть *интеллектуальной интуицией* (от позднелатинского intuitio – созерцание), понималась способность людей отстраненно (с точки зрения вечности или бога) *как бы созерцать* те или иные предметы познания, воздерживаясь от желания как-либо воздействовать на них. Примером такого интеллектуального квазисозерцания может служить предлагавшееся Галилеем мысленное наблюдение за движением шаров по наклонной плоскости⁵, наблюдение за деятельностью *демона Максвелла*, или за вращением электронов вокруг ядра в *планетарной* модели атома Резерфорда, или за построением идеальных треугольников, сумма углов которых в отличие от реальных всегда равна двум прямым. Кант, отрицавший возможность созерцать что-либо с помощью интеллекта, называл способность людей представлять абстрактные объекты научного познания *чистым созерцанием*, которое вместе с *эмпирическим созерцанием* составляет чувственную познавательную способность, лежащую в основании *наук теоретического познания*⁶.

Но как бы ни истолковывались теоретическое знание и приемы его достижения, европейская наука до сих пор пытается оправдывать свой интерес к объектам, практического изменения которых она избегает вынужденно или сознательно. Не прекращаются и попытки оправдать *прямой* практической полезностью *fundamental science* (фундаментальная наука), которая чаще всего определяется как *научные исследования* без определенных коммерческих или других практических целей, а не только гипотетической возможностью *приложения* ее результатов к решению технологических и коммерческих проблем⁷. Если же верить древней легенде, проблема оправдания своей бескорыстной любознательности встал уже перед первым теоретиком древности Фалесом, который упал в яму, созерцая звездное небо по дороге домой.

⁴ Демокрит, по легенде, выколол себе глаза, чтобы чувства не отвлекали от умозерцания *атомов* и их комбинаций, а его ровесник Сократ своей жизнью и *смертью* доказал возможность подавлять свои эмоции, руководствуясь в поступках только разумом. По выражению Аристотеля, *отождествляя добродетель с науками* (ἐπιστήμη), Сократ вообще *упраздняет страсть и нравы* [3; 1182a20].

⁵ Подробнее о *мысленных экспериментах* Галилея см.: Ахутин А. В. *История принципов физического эксперимента* (М.: Наука, 1976).

⁶ «...Мы можем ссылаться только на две науки теоретического познания (только о нем здесь и речь), а именно на *чистую математику* и *чистое естествознание*; ибо только они могут показать нам предметы в созерцании... [10; 33].

⁷ См.: Smith C. L. *Чем полезна фундаментальная наука?* – URL: https://vk.com/topic-32482446_33030375

Практический ответ Фалеса на насмешки зловерной соседки (астрономические наблюдения подсказали действия, обогатившие его⁸) уже в Античности не удовлетворял тех, кто пытался понять, действительно ли созерцание (Θεωρία) недоступных изменению объектов способно руководить практическими действиями людей. Но его ближайшие современники ничуть не сомневались в возможности практического использования наблюдений за звездным небом. И вовсе не потому, что им была известна тайна превращения теоретических знаний о вещах в алгоритмы практических действий с ними. Рассуждения Фалеса и его последователей о никем не созданных и никому не подвластных *началах* всех вещей лишь начинали формирование основ бесстрастного *теоретического* познания с требованием к своим адептам *не плакать, не смеяться, но познавать* независимо от того, приятно получаемое знание или огорчительно, согласуется с мнением большинства или нет, полезно оно или бесполезно. В те времена доминировали иные культы (от лат. *cultus* – *почитание, возделывание, уход*) и присущие им императивы, через призму которых воспринимало суждения Фалеса большинство его современников.

Культура любого этноса, народа, нации или более объемной исторической общности людей представляет собой сложное переплетение различных культов, суть которых в коллективном почитании и сбережении убеждений, вещей, действий, эмоциональных и поведенческих реакций, а также всего того, что ценится без каких-либо сомнений в его ценности. Культы возникают и умирают, оставляя большой или исчезающе малый след в истории человечества. Их связи и взаимовлияния многообразны, опосредованы другими культурами и не всегда очевидны, а поэтому каждый из нас помимо целенаправленного культивирования особо почитаемых ценностей исповедует с разной степенью осознанности еще множество культов, вплетенных в единую культуру соответствующей исторической общности. Коллективы, исповедующие тот или иной культ, могут состоять из большего или меньшего количества адептов, являющихся сознательными, но чаще бессознательными приверженцами и других (порой враждебных друг другу) культов, которые в сознании своих носителей сочетаются друг с другом самыми различными способами, порой весьма причудливыми⁹.

В древнегреческой культуре особое место занимал культ τέχνη (*мастерства, искусства, умения*), ярче всего воплотившийся в почитании олимпийских богов, каждый из которых, как говорили мифы, был искусником в своем деле, что помогло им победить более мощных, но неумелых титанов¹⁰. Более того, всё то, что в наши дни называют *явлениями природы*, в мифах истолковывалось как нечто *искусственное*, как результат чьих-либо целенаправленных действий – богов или других подобных им существ¹¹. Культ τέχνη питался также легендами об изобретательном умельце Дедале, скульпторе Пигмалионе и различными списками *семи чудес света*, которыми для эллинов были не высочайшие горы, не великие реки и

⁸ Легенда, достоверность которой придали ее изложения Платоном и Аристотелем, говорит, что Фалес сумел по звездам предсказать большой урожай оливок, скупил заранее все маслобойки и осенью, став монополистом в отжиме масла, заработал кучу денег.

⁹ Примером враждебных культов, которые не могут существовать друг без друга, могут служить культы Христа и Антихриста.

¹⁰ Представление о греческих богах как больших искусниках сохранялось и в европейском Средневековье, где они из *даймонов* (δαίμον) превратились в *демонов* (daemon), способных поделиться с соблазненными ими людьми разными *умениями*, например научить ведьм не тонуть в воде и даже летать.

¹¹ Древним эллинам было незнакомо понятие *сверхъестественное*, вера в которое многими в XIX–XX вв. считалась *минимумом религии*. Понятие *сверхъестественное* возможно лишь при наличии отчетливого понятия *естественного*, которое начало формироваться лишь на рубеже V–IV вв. до н. э. на основе слова φύσις. Не было оно знакомо также первым и средневековым христианам, рассуждавшим о богочеловеческой *природе* Иисуса Христа. Нет термина *сверхъестественное* и в лексиконе современных христиан.

не иные грандиозные или удивительные в своей необычности стихийные явления, но исключительно создания искусных человеческих рук. По-своему послужил этому культу даже неумеха Герострат, жаждавший славы, но понимавший свою неспособность создать что-либо подобное сожженному им храму Артемиды.

Высшая степень τέχνη очень часто называлась *мудростью* (σοφία)¹², а высшей формой мудрости в поздней античности считалось *умение* найти достойный выход из самой сложной житейской ситуации, не ущемляя интересов других людей. Недаром легенда приписывала некоторым из *мудрецов* (σοφοί) изобретение *политии* (от πολύς – *многочисленный*), т. е. формы общежития в *полисе* (πόλις) – небывало большом скоплении людей, принадлежащих разным родам, племенам и другим кровнородственным объединениям, на основе принятых всеми гражданами писаных соглашений (νόμοι)¹³. На рубеже VII–VI вв. до н. э., в период активной трансформации родоплеменных связей в полисные взаимоотношения индивидов, пытающихся жить не по стихийно складывавшимся племенным нравам и обычаям, а по *искусственным* (созданным и изменяемым самими людьми) законам, возникает культ мудрецов, который, по своей сути, есть культ носителей *практических знаний* – знаний о способах действий с вещами и людьми для достижения потребительских, религиозных, эстетических и иных целей.

Практические знания, будучи изобретениями пытливых умов, *рациональны* и в отличие от *умений*, частью которых они являются совместно с условно-рефлекторными *навыками*, способны существовать отдельно от навыков, а также транслироваться неограниченному количеству людей с помощью слов, схем и других символов, обозначающих абстрактные понятия разной степени общности. Современное название практического знания – *know how* (*знаю, как*), обозначающее как простейшие бытовые рецепты и инструкции по обращению с незнакомыми инструментами и приборами, так и чрезвычайно сложные, насыщенные абстрактными формулами *технологические карты*, диктующие последовательность многочисленных операций для создания тех или иных промышленных изделий и получения нужных эффектов. Практическими являются также знания, позволяющие воздействовать на сознание и подсознание людей для достижения эгоистических и социально значимых целей.

Мыслительные процессы, которые приводят к *практическим знаниям* о неизвестных прежде способах *действий* с давно известными объектами, даже более загадочны, чем ход мыслей первооткрывателей теоретических знаний, который они обязаны описать всем желающим, чтобы каждый имел возможность самостоятельно пройти путь к добытой ими истине и убедиться в отсутствии на этом пути добросовестных заблуждений или сознательного плутовства. В отличие от результатов теоретических разысканий, публикуемых в открытой печати, многие *нау* часто засекречены и являются тщательно охраняемой коммерческой тайной, подобно *фамильным рецептам мастеров* прошлого и настоящего. Громадные

¹² О сходстве значений слов τέχνη и σοφία и их, порой, неразличимости в древнегреческой литературе см.: Долгих А. Ю. София и мудрость: смысл понятий и их влияние на восприятие философии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 10. – С. 24–36.

Русское слово *умение*, образованное от слова *ум*, наиболее адекватно передает смысл греческого τέχνη, характеризующего деятельность и ремесленника-демиурга, и поэта, и воина, и мудреца-законодателя.

¹³ Слово νόμος, переводимое чаще всего как *закон*, буквально означает *условие, соглашение*. *Номосы* принимались на общих собраниях граждан и обязательно записывались. Гиппий в *Воспоминаниях* Ксенофонта так определяет закон: «Это то, что граждане по общему соглашению написали, установив, что должно делать и от чего следует воздержаться» [11; IV, 4, 13]. Именно письменным характером νόμος отличался в глазах древних эллинов от более древней формы устного соглашения λέξις (букв. *слово* в значении *честного слова, обещания*). Термин lex, заимствованный римлянами у италийских греков, стал обозначать то, что эллины называли νόμος, т. е. *писанный закон*.

масштабы современного промышленного и технологического шпионажа, продолжающего тысячелетнюю традицию воровства ремесленных секретов, свидетельствуют о проблематичности или даже невозможности самостоятельного изобретения новых способов действий с вещами, может быть потому, что изобретение, как заметил когда-то И. Кант, требует *гениальности*¹⁴.

В древности изобретение даже простейших рецептов представлялись еще более загадочными, чем в наши дни. Их обретение нередко истолковывалось либо как дар богов, либо как результат хищения у них (в это верили древние эллины)¹⁵, либо как следствие своевольной попытки сравняться с богами в умении отличать добро от зла (о чем рассказывает *Библия*). Профанное и сакральное, действие и священнодействие слабо различимы в сознании древних и не таких уж древних умельцев, которых подводят порой тысячи раз испытанные рецепты. Культы практических знаний и умений сливались поэтому с различными суевериями, магическими представлениями и ритуалами, другими религиозными верованиями. В европейском Средневековье, например, отдельные святые считались покровителями тех или иных ремесленных цехов и торговых гильдий и потому особо почитались этими древними профсоюзами, одновременно представлявшими собой локальные религиозные объединения, подобно монашеским и рыцарским орденам.

Культ *практического знания* существовал и существует в наше время в границах более древнего культа *пользы (утилитаризма)*, начала которого коренятся в первобытной жизни-выживании, требующей от любой вещи и любого действия (физического или интеллектуального) приносить *пользу*, быть полезным *средством*, т. е. таким, которое можно *использовать* для достижения какой-либо практической цели, пусть самой ужасной и отвратительной. С позиции этого культа всё то, что *бесполезно* и не является *средством*, не заслуживает внимания и не имеет права на существование, а усилия по достижению цели ради самой цели (например, знания ради знания) – занятие невозможное и немислимое, а потому требующее отыскания или хотя бы придумывания его полезности. Как советовал карикатурный *утилитарист* Козьма Прутков, «бросая в воду камешки, смотри на круги, ими образуемые; иначе такое бросание будет пустою забавою»¹⁶.

Сложившаяся на рубеже VI–V вв. до н. э. легенда об извлечении милетским *мудрецом* практического знания из созерцания звезд создавалась в границах представлений о возможностях известных в то время форм практических познавательных средств, куда еще долгие века включались и различные приемы гадания. Правда, древние эллины предпочитали гадание по внутренностям животных и особенностям полетов птиц гаданию по звездам, видимо, потому, что даже в период высших достижений математической астрономии в Александрии греки не были сильны в наблюдениях за небесными явлениями. Но ближайшие цивилизованные соседи эллинов – египтяне, у которых будто бы учился Фалес, и особенно вавилоняне – славились наблюдениями за светилами-божествами, которые использовались исключительно в практических целях: для определения начала и завершения

¹⁴ Как заметил когда-то И. Кант, изобретение требует *гениальности*, поскольку «то, что открывают, предполагается уже до того существовавшим, оно только не было известным... а то, что изобретают... совершенно не было известно до того, как было создано» [9, с. 253–254].

¹⁵ По Эхилу, Прометей не только научил людей добывать огонь, но раскрыл им секреты мастерства, которыми до этого владели лишь олимпийские боги: «Все искусства у людей от Прометей» [17, 506].

¹⁶ См.: Сочинения Козьмы Пруткова. – М.: «Художественная литература», 1976. – 384 с. Требования Высшей аттестационной комиссии СССР в середине 1970-х годов вынудили автора этой статьи в автореферате кандидатской диссертации фантазировать о колоссальной практической значимости его исследования *концепции доказательности* Г. В. Ф. Гегеля, которое по настоянию многоопытного научного руководителя получило название *Критика гегелевской концепции доказательности*.

религиозных церемоний, коллективных работ, а также для гадательной практики, т. е. искусства предсказания исхода войн и других рискованных общественных предприятий¹⁷.

Легенда о предпринимательских успехах Фалеса, скорее всего, оправдывала в глазах его практичных современников (искусных ремесленников, мореходов, воинов, земледельцев) столь непрактичное занятие, как наблюдение за звездным небом, и объяснение, почему его имя обязательно включалось в разные списки *семи мудрецов* Древней Греции. Первые биографы Фалеса (но, возможно, и он сам) вряд ли отчетливо понимали, что занимавший его вопрос *что есть?* (ответ: *все есть вода*) кардинально отличается от считавшихся главными в то время практических вопросов *чем полезна вода?* и *что делать*, если воды нет, или ее чересчур много, или она ненадлежащего качества и т. п.? Однако не успешное гадание по звездам и даже не приписываемое Фалесу предсказание солнечного затмения, а как раз непрактичное стремление отличить то, *что есть*, от того, что лишь мнится и воображается, что самостоятельно возникает, а что создается в результате осуществления чьих-то замыслов, оказалось чрезвычайно заразительным.

Последователи Фалеса с азартом неопитов отыскивали в мире то, что *есть*, всегда *было* и всегда *будет*, что, следовательно, не может быть результатом целенаправленного *созидания* (ποίησις) предметов и явлений. Восхищение искусством создателей и его результатами все более теснилось удивлением, которые вызывало у эллинов самостоятельное, не требующее чьих-либо усилий *возникновение* (γένεσις) вещей. Они спорили друг с другом о том, возникают ли вещи из воды или воздуха, огня или атомов, или чего-то иного, догонит Ахиллес черепаху или не догонит, что больше – Солнце или Пелопоннес. Иными словами, они спорили о том, знание чего никак не могло помочь им ни в земледелии, ни в ремесле, ни в торговле, ни в каком-либо ином практическом занятии.

Эллины доказывали истинность теоремы Пифагора, которой сами они и их соседи по Средиземноморью веками пользовались при межевании земельных участков и разметке будущих сооружений. Они доказывали истинность многих других теорем, включая совсем уж бесполезную для них теорему о том, что может быть не больше пяти правильных выпуклых многогранников. Для древних эллинов к V в. до н. э., как и для нас сегодняшних, математика без доказательств немислима, и мы ничуть не удивляемся попыткам найти новые доказательства *Великой теоремы Ферма*, которую в 1994 году доказал Э. Д. Уайлс и уже получил за это в 2016 году *Абелевскую премию*. Но почему она легко мыслилась авторами древних и средневековых китайских наставлений, в которых без каких-либо доказательств излагались правила вычислений и алгоритмы решений множества математических задач, включая и те, которые в Европе начали ставить и решать в более поздние времена?

«У китайцев никогда не было собственной теоретической математики, – писал авторитетнейший синолог В. Е. Еремеев. – Их традиционная математика занималась разработкой правил в виде алгоритмов, позволяющих автоматически получать решение за счет нескольких процедур, которые совершались с помощью счетной доски... Корректность сообщаемых правил при их формулировке не доказывалась, а сами они формулировались для частных случаев» [12, с. 86]. Лишь в XVII веке китайские математики благодаря совместному с христианскими миссионерами переводу на китайский язык учебника по планиметрии познакомились с доказательствами геометрических теорем. Некоторые из этих теорем (например,

¹⁷ Предсказания индивидуальных судеб по звездам, гороскопы (ὥρασκοπός), были изобретены лишь в эпоху эллинизма и не были известны государственным-шумерам, озабоченными лишь общественной пользой, а также подражавшим им вавилонянам, наблюдениями которых воспользовался Клавдий Птолемей для своих *эфемерид*.

теорема Пифагора) пришли в Китай еще раньше, но излагались без каких-либо доказательств. Вероятно, китайские математики той поры, не сумев отыскать какое-либо практическое применение для доказательств, видели в них своеобразные *европейские церемонии* – некие интеллектуальные украшения, *культовые* по своей сути, что, в общем-то, верно: знание теорем можно с успехом использовать для расчетов, забыв или вовсе не зная их доказательств.

Можно лишь предполагать, что именно препятствовало возникновению культа доказательства теорем в древневосточных цивилизациях, одаривших мир великими техническими изобретениями, грандиозными сооружениями и множеством умений, включая различные приемы вычислений и решения сложнейших математических задач. Возможно, древнеегипетские *писцы*, гордившиеся друг перед другом своим искусством вычислений, не пытались выявлять и доказывать истинность оснований, лежащих в основе известных им алгоритмов потому, что постоянно подтверждавшееся успешными расчетами знание этих алгоритмов было кастовым, передававшимся по наследству и недоступным представителям других каст. Доказывать что-либо приходится только равным, располагающим знаниями, достаточными для квалифицированных сомнений.

В Вавилоне же, где в иные времена вычислительным знаниям обучались даже дети пастухов, не доказывали потому, что не осмеливались сомневаться в изобретенных шумерами способах решения различных задач. Вавилоняне, оказавшиеся в плену высочайшей интеллектуальной культуры искорененных ими шумеров и желавшие подчеркнуть свою образованность, называли себя *шумерами*. Они воспроизводили без изменений не только шумерские приемы вычислений и астрономических наблюдений, но и географические карты окрестностей, хотя и знали их ошибочность.

Кастовое разделение труда, освященное религией, не допускало сомнений и какого-либо обсуждения математических алгоритмов и в Древней Индии, где они впервые (и достаточно поздно – в III в. н. э.) были изложены в письменном виде на *ведическом санскрите* – языке избранных, тщательно оберегающих свои эксклюзивные знания от профанов. Особые факторы играли свою роль в древних цивилизациях Дальнего Востока, где, в частности, многовековые культы мудреца и мудрости исключали обязанность учителя доказывать безусым ученикам истинность своих утверждений, признавая тем самым их право на сомнение в его мудрости.

Впрочем, мудрость практична, ее суждения о действиях императивны, а потому их *истинность* принципиально не доказывается. Предписания *действий* не могут быть истинными или ложными, но, выражаемые в повелительном наклонении в форме категоричного приказа либо необязательной рекомендации, они могут быть осуществимыми либо неосуществимыми, полезными, бесполезными или вредными. Сами же действия, которые диктуются и советуются императивами, также не могут быть истинными или ложными, но только – эффективными или избыточными, своевременными или запоздалыми, законными или незаконными, соответствующими общепринятым нормам приличия или постыдными и т. п. *Истинными* и *ложными*, т. е. соответствующими познаваемым предметам, могут быть лишь суждения, выраженные исключительно в изъявительном наклонении, о том, что *есть*, *было* и *обязательно будет* независимо от чьих-либо желаний и стараний, но никак не императивы, говорящие о действиях для достижения того, чего еще нет и, возможно, никогда не будет. Еще менее соответствуют или не соответствуют тому, что *есть*, суждения сослагательного наклонения, говорящие о желаемом, которого никогда не было и заведомо не будет никогда.

Что привело к возникновению и распространению в Древней Элладе культа созерцательного знания, чурающегося пользы и требующего обязательного доказывания истинности его суждений, – это, конечно, загадка не меньшая, чем при-

чины отсутствия в древневосточных культурах потребности в доказательстве истинности теорем до какого-либо эмпирического подтверждения эффективности основанных на них расчетов. Всякое поклонение в большей или меньшей степени иррационально: оно насыщено безотчетными симпатиями и антипатиями, не поддающимися разумному контролю и объяснению. С куклами дело обстоит так же, как с художественными произведениями, обаяние которых коренится не только в разумной гармонии замысла и исполнения, но и (как заметили еще в Античности) в некоторой доле неразумия их творцов, которая не поддается точному вычислению расчетливых копиистов, подражателей, графоманов и даже ученых искусствоведов. Можно лишь с большей или меньшей уверенностью рассуждать об обстоятельствах, которые могли способствовать превращению некоторых вещей, образов, приемов физических и интеллектуальных действий в предметы коллективного почитания.

Важнейшим обстоятельством, сыгравшим важнейшую роль в возникновении культа созерцательного знания, адепты которого были готовы ради него идти на смерть, как Джордано Бруно, и даже рисковать своей бессмертной душой, как патриарх Аквилеи¹⁸, стало утвердившееся в ходе нескольких революций и реформ *политическое* (независимое от родовой принадлежности и профессиональных занятий) *равенство* граждан в древнегреческих демократических полисах, которое предполагает наличие у каждого гражданина интеллектуальной способности, достаточной для осмысленного принятия законов и других государственных решений, а следовательно, присущего ему права требовать устранения сомнений в истинности любых высказываемых суждений и целесообразности практических предложений. Право квалифицированного сомнения в свою очередь предполагает отсутствие или ликвидацию монополии на особые знания индивидов и обособленных групп, кровно заинтересованных в сохранении их эксклюзивности. Знания начинают восприниматься эллинами как принципиально доступные всем без каких-либо привилегий. «В геометрии нет царских путей», – ответил, по легенде, Евклид на вопрос Птолемея I Сотера о более коротком пути к знанию, чем изучение его *Начал*.

Одним из факторов, способствовавших возникновению культа бесстрастного теоретического познания, стало ослабление в демократических полисах социально-регулятивной функции древних мифов, внедрявших в сознание и подсознание эллинов образцы одобряемого и порицаемого поведения с помощью ритмической декламации *аэдами*, *рапсодами*, а позже актерами в театральные инсценировки мифических сюжетов. Мифы, культивировавшие одинаковые эмоциональные реакции, которые обеспечивали взаимопонимание их адептов и побуждали к одинаковым действиям, выросли на почве родовых отношений, служили их сохранению и, конечно, не предусматривали житейских коллизий, то и дело возникавших в рамках новых связей и взаимоотношений, которые в законосообразной жизни полисов значительно сократили роль ближнего или дальнего родства и связанных с ним эмоций в принятии гражданами важнейших решений. Демократические реформы Драконта, Солона, Клисфена целенаправленно разрушавших формы родовых объединений, породили немисливо-нелепый прежде призыв *не считаться филами*¹⁹.

¹⁸ *Ермолай Барбаро*, патриарх Аквилеи, живший уже на закате Средневековья, в XV в., пытался, как говорят хроники, вступить в сговор с дьяволом всего лишь для того, чтобы тот разъяснил ему подлинный смысл аристотелевского термина *энтелехия* (см.: Лозинский С. Г. Роковая книга средневековья // Шпренгер Я., Инсистерис Г. Молот ведьм. – М., 1932).

¹⁹ *Фила* (φυλή) – объединение родов, особо симпатизирующих друг другу, поскольку между их представителями преимущественно заключались браки. Призыв *не считаться филами* стал результатом реформ Клисфена, который преобразовал прежние четыре филы, сохранявшиеся при всех прежних переселениях, в десять новых *фил*, превратившихся в территориально-административные

Вслед за мифами теряли прежний авторитет и *цари-басилеи*, ведущие происхождение от героев-полубогов и в силу этого являвшиеся одновременно верховными понтификами в своих родоплеменных сообществах. В эллинских протогосударственных образованиях не было многочисленных и влиятельных родов, подобного *левитам* у древних евреев или кастам египетских и индийских жрецов, делом жизни которых было сохранение непререкаемого авторитета религиозных убеждений. А *басилеи* уже не могли, апеллируя к мифам, ни разрешать небывалые прежде имущественные споры, ни предотвращать кровавую вражду, ни помочь в ее достойном завершении. Басилеи превращались в почти рядовых граждан или, как это было в Афинах, в выборных чиновников по делам религии, а минимизация в демократическом Эфесе властных полномочий побудила Гераклита даже к отказу от царского сана в пользу брата.

Для решения различного рода конфликтов граждане демократических полисов обращались теперь в суд той или иной инстанции – *дикастерий* (δικαστήριον). Организация и особенности судопроизводства в *дикастериях* стали еще одним обстоятельством, существенно повлиявшим на возникновение культа беспристрастного постижения истины и ее доказательства. Целью судебных разбирательств считалось *раскрытие* (αλήθεια) того, что тщательно скрывается одним из участников прений, либо скрытого (λήθη) от обоих спорщиков и, разумеется, *дикастов* (от δικαστής – судья), которые присягали на беспристрастное (*не считаясь филами*) рассмотрение всех дел. Поскольку судьями поочередно и неоднократно становились практически все граждане демократических полисов (в Афинах ежегодно избирались по жребию 6 000 дикастов, а в самых простых судебных разбирательствах участвовало не менее 201 дикаста²⁰), культ чурающейся симпатий и антипатий истины, *раскрываемой* в спорах, всё больше вплетался в общую культуру Древней Эллады, формируя настоятельную потребность в адекватном и, главное, доказательном изложении своих мыслей.

В ответ на эту потребность возник популярный литературный жанр судебных и политических речей, а также филологические исследования софистов и изучение ими приемов аргументации, способной убедить сомневающихся в законности или целесообразности предлагаемых практических решений, а также в соответствии суждений о предметах спора неким бесспорным истинам и общепризнанным правилам рассуждения²¹. Особое внимание эллинов привлекала математическая аргументация, способная превратить некоторые сомнительные суждения в личное убеждение каждого. Легенда приписывает Фалесу первые доказательства математических теорем. И хотя вне математики никому не удавалось добиться той степени убедительности, которая присуща ее построениям, доказательство стало обязательным условием любых суждений, претендующих на истинность. Не случайно значительная часть скептических *тропов* посвящена *недоказанности* начальных пунктов дедуктивного вывода и неполноты – индуктивного.

Вместе с ослаблением социально-регулятивной роли древних мифов уменьшался и их авторитет в объяснении всего происходящего, в том числе и того, что через два тысячелетия стали называть *явлениями природы*. Впрочем, объясняющая функция мифов нередко преувеличивается, а сами мифы часто истолковываются как некая *пред-наука* (*пред-философия*), которая ставит те же вопросы, что и бу-

объединения, в которых перемешались представители разных родов, еще помнившие древние кровнородственные связи и порождаемые ими симпатии.

²⁰ В суде над Сократом участвовал 401 *дикаст*.

²¹ После Аристотеля приемы убеждения стали разделять на *риторику* (ῥητορικὴ) – ораторское искусство, использующее силлогистику и примеры, *эристику* (ἔριστική) – искусство спора, допускающее ради победы использование так называемых *софизмов*, и *аподейктику* (ἀποδεικτική) – доказательство, опирающееся только на законы логики.

дущая наука, но решает их метафорически, описывая мир с помощью художественных образов. Однако мифы даже в иносказательной форме не ставят вопрос, *есть* ли в действительности или хотя бы *были ли* когда-либо кентавры, кинокефалы, титаны, олимпийские и другие боги, титаны и другие породившие их существа. Да и описание *мира* в целом не интересовало творцов, их соавторов-рассказчиков и слушателей родоплеменных эллинских мифов, в которых действия богов, героев и простых смертных происходят в границах весьма приблизительных географических сведений. Как устроен мир за границами *ойкумены* (части суши, заселенной людьми) не были главным предметом мифических описаний, а попадающие в их поле зрения ближайшие окрестности – лишь весьма схематичная декорация, на фоне которой разыгрываются драмы и трагедии *действующих лиц*²².

В VII в. до н. э., когда эллины с тревогой переживали начавшиеся демократические реформы полисного общежития, Гесиод попытался в *Теогонии* преодолеть географическую ограниченность местных родовых мифов, связав близким или отдаленным родством их персонажи и создав некое подобие будущих космологий, описав не только *мир в целом* с его основными частями (земля, небо, подземелье), но и каким-то образом *вычислил* его размеры. По Гесиоду, расстояние от верхней части неба до поверхности земли медная наковальня пролетит за 9 дней. Такое же время потребуется для ее полета от поверхности земли до ее самой нижней части. Надо думать, такое же расстояние отделяет крайние точки запада и востока. И все-таки не *мир в целом* и его части интересовали Гесиода и его читателей, а разумные и безумные поступки Геи, Урана, Крона, Аида, Тартара, рожденных ими других мифических существ, среди которых олимпийские боги заняли главенствующее положение.

Теогония не была (и эллины это знали) простой записью всем известного общеэллинского мифа, но поэтическим синтезом Гесиода, недовольного суетной городской жизнью и идеализирующего в *Трудах и днях* жизнь сельскую с ее простыми и понятными *нравами*. С помощью *Теогонии* он надеялся восстановить социально-регулятивную функцию мифов, но ее создание свидетельствовало о кризисе древних разрозненных мифических образов и представлений и формировании запроса на какую-то иную форму осмысления и объяснения причин начавшейся *эпохи стремительных перемен*.

Через сотню лет более адекватным ответом на этот запрос станет космология Анаксимандра, для которого Земля и весь мир станут предметами единственного познавательного интереса, а вовсе не декорациями, в которых действуют боги и породившие их существа. Анаксимандр, в котором пробудилась под влиянием Фа-

²² Древние мифы нельзя называть *мировоззрениями* (целостными воззрениями на мир), поскольку они географически локализованы: в них обязательно описывается некий центр сакральных событий и приблизительно очерченная периферия, вещи которой по мере их приближения к центру или удаления от него меняют свои свойства. Вопрос о наличии чего-либо за границами мифической периферии не ставился коллективными творцами устных мифов: он не был интересен ни им, ни их слушателям, познавательные запросы которых были сосредоточены на правилах поведения с вещами, людьми, богами и другими мифическими существами, действующими в данной местности, за пределами которой, скорее всего, есть другие люди и другие животные, другие чудовища и другие боги, требующие каких-то иных норм поведения. Описание космоса (*мира в целом*) не входит в число задач устно передаваемых эллинских мифов. И не только эллинских. Поэтому так неудачны попытки воспроизвести космологические воззрения древних египтян или вавилонян на основе их мифов. Нет космологии и в Библии, где *свет* отделяется богом от *тьмы* раньше создания Солнца, что дало повод тому же Козьме Пруткову считать Луну более *полезной*, чем дневное светило, поскольку она светит, когда *темно*. Более или менее внятных космологических представлений нет и у наших малообразованных и вовсе необразованных современников, составляющих большую часть населения Земли, но прекрасно обходящихся в своей жизни вполне мифическими представлениями о противоположности *неба* и *земли* и их обитателей.

леса бескорыстная любознательность, вообще обходился без богов при объяснении разной яркости небесных светил, невыносимой яркости молнии и причин сопровождающего ее грома, формы Земли и расстояния от нее до звезд, Луны и Солнца, возникновения живых существ из ила. Во многом благодаря Анаксимандру важнейшим фактором, повлиявшим на возникновение в Древней Греции культуры созерцательного познания, стало выделение объектов познавательного интереса, которые в отличие от мифопоэтических повествований, не могут быть результатом целенаправленного созидания и недоступны произвольным преобразованиям.

Таким объектом стал для Гераклита никому не подвластный мировой порядок – *космос* (κόσμος²³), который «...один и тот же для всего [сущего], не создал никто из богов и никто из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живым огнем, мерами загорающимся и мерами потухающим» [18; ДК 22 В 30]. Через два столетия, когда значительно расширилась предметная область теоретических исследований, Аристотель в *Никомаховой этике* сформулировал в общем виде особенность их объектов: они *вечны* и о них *не принимают решения*. «Никто не принимает решения о вечном, скажем о космосе или о несоизмеримости диаметра и стороны квадрата, а также о том, что, изменяясь, всегда изменяется одинаково, будь то по необходимости, или по природе, или по какой-то иной причине (как, например, солнцевороты или восходы) [3.1111 b20-25].

Среди объектов теоретического познания особое место в глазах древнегреческих интеллектуалов заняли вечные и неизменяемые *природы вещей*. Словом *природа* (φύσις) эллины обозначали не *мир в целом*, не *космос*, не *вселенную*, но недоступное произвольному изменению *начало* (ἀρχή), *естество*, которое определяет способ самостоятельного возникновения, изменения и уничтожения того или иного класса вещей, примерно то, что до сих пор подразумевается словосочетаниями *природа человека*, *природа науки*, *природа мышления* и т. п. Поиск таких начал был инициирован значительным ослаблением культуры *технэ*, наиболее ярким свидетельством чего стала трактовка *киниками* всего *искусственного* как заведомо худшего, чем все *естественное*.

Движение античной мысли от *начал-веществ*, основные свойства которых сохраняются в возникающих из них вещах, к неким невещественным *началам-природам* – это непростой и разнонаправленный путь от родоплеменной объясняющей модели, требующей указывать происхождение исследуемого предмета, к иным эвристическим моделям, порождаемым законосообразной жизнью в полисах, где принадлежность к тому или иному родовому сообществу, объяснявшая особенности поведения его членов, переставала считаться конечной целью познания. На этом пути интерес к *космогониям* всё больше вытеснялся интересом к *космологиям*, а некоторые слова, означавшие с детства знакомые вещи и вызывавшие почти те же эмоции, что и сами эти вещи, начали использоваться еще и как термины, лишенные эмоциональных и практических коннотаций, поскольку обозначали абстрактные понятия.

У Аристотеля, например, слова *земля*, *вода*, *воздух* и *огонь* стали условными обозначениями сочетаний *первичных* качеств – *холодного* и *сухого*, *влажного* и *холодного*, *влажного* и *теплого*, *сухого* и *теплого*, которые преобладают в единичных вещах в смеси со множеством еще и других качеств. А слово *ύλη* (*хюле*), продолжая обозначать *кустарник*, *лес*, *древесину* приобрело благодаря Аристотелю значение *материала вообще* (будь это глина для амфоры или серебро для украшений), который Платон называл *матерью-восприемницей*, а римляне вслед за ним

²³ А. О. Маковельский переводил κόσμος словом *мирострой*, подразумевая под *строем* русский *порядок* или немецкий *die Ordnung*, но никак не *мир в целом*, не огромное одушевленное существо, каким *космос* стал у Платона, и не *Вселенную* современных космологических и космогонических теорий.

назвали *материей*. Еще более абстрактным понятием стала никогда не существовавшая, как считал Стагирит, *первая материя* (в схоластике – *material prima*), названная им *лишенностью* (στέρησις), поскольку в результате мысленного отвлечения от ὕλη ее свойств она лишилась даже тех чувственных характеристик, которые еще оставались в его трактовке четырех элементов. Приобрело дополнительное значение и слово *генезис* (γένεσις), которое стало обозначать наряду с *происхождением* еще и *возникновение*, все чаще противопоставляемое *созиданию* (ποιήσις).

В формировании абстрактного понятия *природа* участвовали не только изначальные значения слова φύσις (*произрастание, рост*)²⁴, но и надежда найти регулятор поведения, альтернативный легко переступаемым законам, *искусственность* которых была очевидна принимавшим и менявшим их гражданам полисов. *Номосы*, конечно, ограничивали произвол индивидов, но не столь принудительно и безальтернативно, чтобы сравниться с прежними неписаными родоплеменными нравами и обычаями, которые Платон – сторонник *отеческой* царской власти – называл *стародедовскими законами* [16. 793 b]. Недовольство *законами* как ограничителями своеволия порождало подспудный поиск *форс-мажора*, непреодолимого препятствия для произвола индивидов, который мог бы послужить основой будущего нерушимого законодательства.

У эллинов уже существовало представление об ограничителе воли людей и даже богов, который мы называем *судьбой*, а в древних местных мифах носившей разные имена: Мойры, Тиха, Ате, Адрастеи, Хеймармене, Ананке. Однако *неотвратимость* судьбы, как бы она ни называлась, не годилась в качестве образца нерушимого и непреодолимого законодательства: судьба всегда индивидуальна, она категорически запрещает одному то, что легко позволяет делать остальным. Мечта о форс-мажоре, способном оградить от любого самовластного произвола, витающая в напряженной политической и интеллектуальной атмосфере демократических полисов, требовала от него помимо *непреодолимости*, как у судьбы, еще и *равенства* каждого перед ним, как перед *номосом*: граждане полисов уже привыкли жить по законам. Одним из результатов подспудного поиска законоподобного (нелицеприятного) ограничителя произвола стало крепнувшее среди интеллектуалов той поры убеждение, согласно которому наряду с различными видами τέχνη, благодаря которым создаются обычные и диковинные вещи, включая художественные произведения, существуют еще и безличные, никем не созданные, никому (даже богам) не подвластные *начала* самостоятельного *возникновения* и изменения вещей, за которыми в V в. до н. э. закрепилось название φύσις²⁵.

К началу IV в. слово *фюсис* в своем новом значении невидимого *начала* того или иного класса возникающих и изменяющихся вещей прочно закрепилось в лексиконе древнегреческих интеллектуалов, и Аристотелю уже представлялось *смешным* требование доказывать наличие такого *архэ*²⁶. Рассмотрев в *Метафизике* несколько значений, в которых использовалось в его время слово οφύσις, и

²⁴ О *донаучных* способах употребления слова φύσις см.: Рожанский И. Д. Развитие естествознания в эпоху античности: Ранняя греческая наука «о природе». – М.: Наука, 1979. – 488 с.; Ахутин А. В. Понятие «Природа» в античности и в новое время. – М.: Наука, 1989. – 292 с.

²⁵ Однако использовать *фюсис* в качестве регулятора поведения никто всерьез и не пытался. Эпатирующие же попытки *киников* (в своем большинстве иногородних-метеков и вольноотпущенников) жить не по искусственному *установлению (номосу)*, а *по природе* демонстрировали неспособность по-разному толкуемому человеческому *естеству* стать основой общезначимых правил поведения и закрепляли оппозицию *природа/закон*, отмененную лишь Декартом, который сконструировал невозможный в Античности и Средневековье термин *закон природы*. Декарт отлично понимал новизну своей терминологии, когда писал: «Из того, что Бог не подвержен изменениям и постоянно действует одинаковым образом, мы можем... вывести некоторые правила, которые я называю *законами природы*...» [6; 368].

²⁶ «А пытаться доказывать, что природа существует, смешно...» – говорит Аристотель в *Физике* [5. 193 a5].

сравнивая его с $\tau\acute{\epsilon}\chi\upsilon\eta$ как находящимся вне вещей *началом* искусственного *созидания* ($\rho\omicron\iota\acute{\iota}\sigma\tau\epsilon\iota\varsigma$), требующим от человека немалых усилий, Аристотель пришел к выводу, что «природа в первичном и собственном смысле есть сущность, а именно сущность того, что имеет начало движения в самом себе...» [1. 115 a10-15]²⁷.

Формирование понятия $\phi\acute{\upsilon}\sigma\iota\varsigma$ как неизменной сущности вещей стало решающим в осознании невозможности выразить ее в императивных формах практического знания и способствовало формированию убеждения, согласно которому никому не подчиняющиеся *природы* вещей можно познать лишь *теоретически*, т. е. с помощью созерцания *естественного* поведения этих вещей, которое противопоставлялось их *искусственному*, а значит, *насильственному* преобразованию. Древнегреческая наука, базовым принципом которой стало противопоставление *естественного* и *искусственного*, сознательно отвергала широко применявшийся ремесленниками *технологический* по своей сути эксперимент, цель которого не раскрытие сущностных свойств испытуемых вещей, но *проверка* способности тех или иных *действий* с ними привести к желаемому результату. Потребовалось множество веков для осознания того, что некоторые виды насилия над вещами могут сделать *очевидными* те их сущностные свойства, которые при отсутствии *теоретического* эксперимента затемнены другими свойствами и потому недоступны *созерцанию*. А пока любые действия с предметами считались недопустимыми при познании их *природы*, поскольку *искусственное* преобразование вещи искажает ее *естество*, а *возникновение* подменяется *созиданием*²⁸.

Античные искатели истины не были принципиальными противниками утилитаризма. Более того, культ пользы составлял важнейший элемент их духовной культуры, от которого они не хотели и не могли отказаться, а поэтому пытались понять, можно ли практически использовать результаты созерцания предметов, воздействие на которые невозможно. Одним из первых ответ на вопрос о практическом использовании теоретических знаний дал Демокрит, считавший *умения* людей результатом *подражания* ($\mu\acute{\iota}\mu\eta\sigma\iota\varsigma$) природам вещей. Первоначальным *искусствам*, полагал он, люди научились благодаря чувственному созерцанию деятельности животных (ткачеству – от пауков, строительству домов – от ласточек, пению – от певчих птиц). Из его учения об атомах и пустоте вытекало, что искусству создавать и преобразовывать вещи можно научиться, познавая с помощью умосозерцания *причины* их самостоятельного возникновения и изменения.

Однако сам Демокрит, похоже, понимал невозможность или, по меньшей мере, неподъемную тяжесть отслеживания всех причинно-следственных цепочек, которые приводят к возникновению и изменению даже одной единственной вещи, нахо-

²⁷ В *Физике*, где говорится о *покое* как *естественном* состоянии *воздуха* в отличие от *естественных* прямолинейных *движений* земли, воды, огня и круговых движений небесных тел, Аристотель определяет *природу* как *начало движения и покоя* [Там же. 192 b20].

²⁸ Интеллектуальная оппозиция *естественное/искусственное* сохраняет свое значение и в наши дни, требуя в качестве важнейшего познавательного шага ответ на вопрос, являются ли существующие объекты и явления естественными или искусственными, возникли они самостоятельно или кем-то созданы. Поисками артефактов и разработкой критериев, отличающих их от предметов природного происхождения, занимаются археологи, а также те, кто одержим экзотическими поисками внесемных цивилизаций в космосе или их следов на Земле. В зависимости от определения *естественности* или *искусственности* объекта избирается дальнейшая познавательная стратегия. Если объект признается *искусственным*, то предметом исследования становятся *цели*, ради которых он создан, технология *создания* и способы его *использования*. В объекте, признаваемом *естественным*, главный познавательный интерес представляют сущностные характеристики объекта, отличающие его от объектов иного класса, рода и вида. Знание этих характеристик является конечной целью *теоретического познания*. Опасения принять за *естественные* свойства исследуемых объектов результаты искусственного воздействия на них не исчезли и в современном естествознании. Так, физики XX в. были озадачены вопросом (не решенным до сих пор), искажают ли *искусственные* измерительные приборы *естественное* поведение элементарных частиц.

дящейся в бесчисленных взаимодействиях со всем остальным миром, и, как говорит легенда, за одно причинное объяснение он готов был отдать персидский престол. Тем не менее убеждение, что познание причин естественного возникновения и изменения вещей есть одновременно познание возможности их искусственного созидания и преобразования, стало на долгие века главным оправданием созерцательного познания в условиях доминирования культа пользы²⁹.

Если Демокрит был первым (или одним из первых), кто попытался отыскать возможность практического использования созерцательного знания, то его современник Сократ был первым, кто доказывал принципиальную неспособность знания о естественном возникновении, изменении и уничтожении вещей отвечать на практические вопросы: что лучше того, что есть? и как действовать для достижения этого лучшего?³⁰ Он, если верить Платону, объяснял свое разочарование в учении Анаксагора о вещественных началах вещей и их *природах*, сравнивая его с анатомией, которая дает знание о строении человеческого тела, но не способна ответить на вопрос о причинах человеческих поступков, а потому не может ничего сказать о мотивах, побуждающих самого Сократа сидеть *здесь* (т. е. в тюрьме) и тем самым содействовать осуществлению вынесенного ему смертного приговора, не пытаясь сбежать из нее с помощью друзей [14. 97d]³¹.

Сократ и его современники, разумеется, не знали французского слова *motif*. Не знали они и формулы «нет мотива, нет преступления», лишаящей доказательной силы любые аргументы обвинения, если не доказано наличие мотива у обвиняемого. Однако поведение индивидов, которое в наше время называют *мотивированным*, уже привлекало внимание его современников. В Афинах V века до н. э. после реформ Драконта, Солона, Клисфена частично исчезли, а частично потеряли былое влияние неписанные, но безальтернативно категоричные императивы родового общежития, вполне равнодушные к лицам сородичей и иностранцев³². Переход к законосообразной жизни в полисах освобождал его граждан от многих родовых норм поведения и табу, нарушение которых прежде каралось независимо от наличия умысла или его отсутствия, а равенство всех граждан перед законом уничтожало групповую ответственность всего рода за преступление одного из его членов, что пробуждало интерес к различению индивидов (к распознаванию их лиц), дабы наказание нес действительный преступник³³.

²⁹ Еще одна легенда о Демокрите, нашедшем в глубокой старости способ безболезненного умирания с помощью вдыхания ежедневно уменьшающегося количества атомов меда и свежеспеченного хлеба и возвратившемся на время к жизни, чтобы дочь не откладывала свадьбу из-за траура, была создана теми, кто в его учении о познании причин возникновения, изменения и уничтожения вещей видел решение исключительно практических задач.

³⁰ В платоновском *Федоне* Сократ говорит: «В молодые годы, Кебет, у меня была настоящая страсть к тому виду мудрости, который называют познанием природы. Мне представлялось чем-то возвышенным знать причины каждого явления – почему что рождается, почему погибает и почему существует» [14. 96a]. Однако выяснять следует, «как лучше всего этой вещи существовать, действовать или самой испытывать какое-либо воздействие. Исходя из этого рассуждения, человеку не нужно исследовать ни в себе, ни в окружающем ничего иного, кроме самого лучшего и самого совершенного» [Там же. 97 d-e].

³¹ «Если бы кто говорил, что... без костей, сухожилий и всего прочего, чем я владею... я бы не мог делать то, что считаю нужным, он говорил бы верно. Но утверждать, будто они причина всему, что я делаю, и в то же время что в данном случае я повинуюсь Уму, а не сам избираю наилучший образ действий, было бы крайне необдуманно» [Там же. 99 a-b].

³² В не такие уж стародавние времена лицо индивида с его неповторимыми чертами мало кого интересовало и потому скрывалось татуировкой, раскраской, головным убором, маской, прической, одеждой, говорящими о главном – о принадлежности подчеркнута безличного индивида к тому или иному роду-племени, к той или иной половозрастной группе, к тому или иному социальному страту.

³³ В родовых сообществах, где до сих пор культивируется кровная месть, мститель назначает-ся клановым советом и не всегда из числа наиболее пострадавших, а ответственным за пролитую

В эллинском мире того периода еще не было слова, обозначающего юридическое понятие *лицо* (*личность*), подобное римскому термину *persona*. Но уже вошло в широкий оборот местоимение *я* ($\epsilon\gamma\omega$)³⁴ благодаря обязательному в *мусическом* образовании заучиванию детьми стихов Гесиода, где оно впервые появляется в письменной речи. А после реформ Драконта благодаря введению в судебную практику понятие *умысел* возрос интерес и к собственным мыслям отдельного человека. *Умысел* не стал отягчающим обстоятельством при вынесении приговоров: даже мелкая кража каралась теперь смертной казнью, ставшей монополией государства, отменившего родовую кровную месть. Однако убийца мог избежать казни, если убийство было неумышленным. Возрастающее понимание того, что внутренний мир каждого так же неповторим, как и его лицо, что он сам принимает решения о своих поступках и только он сам обязан нести ответственность за них, способствовало появлению жизнеописаний выдающихся людей, в которых говорилось не только об их профессиональных и общественных достижениях, но и об их телесных и интеллектуальных качествах.

Сократ стал первым, чья внешность (лицо и даже одежда) и, главное, внутренний мир стали предметом интереса его современников и потомков. Платон же, ярче всех описавший облик, манеру и способ рассуждений Сократа, первым дал ответ вопрос о мотивах, побуждающих разных людей стремиться к разным целям, достижение которых они считают самым важным делом своей жизни. Этими мотивами он считал различные виды любви, проявляющейся в стремлении обладать тем или иным предметом своего бескорыстного влечения. С греческого языка на русский одним и тем же словом *любовь* переводят и $\epsilon\rho\omega\varsigma$, и $\acute{\alpha}\gamma\alpha\pi\eta$, $\phi\iota\lambda\iota\alpha$, и $\sigma\tau\omicron\rho\upsilon\gamma\eta$ – слова разные и греками не спутываемые, хотя каждое из них обозначает безотчетное *влечение* к своим особым предметам.

Наряду с *эротической любовью*, общей для всех животных, но отличающейся у человека стремлением к прекрасному, Платон выделял *сребролюбие*, *честолюбие* (любовь к почестям) и порождаемое им *властолюбие*, присущее профессиональным военным и тиранам [12. 475 a-e, 485 b-c]. Мотивом, побуждающим некоторых (далеко не всех) сограждан отдавать время и силы не для добывания серебра и любования им³⁵, не для совершенствования в ремесле или в политической деятельности, а для разыскания истины и ее доказательства, Платон называл *любовью к знанию* ($\phi\iota\lambda\omicron\sigma\alpha\theta\iota\alpha$). Он высоко оценивал *логистику* (*искусство счета*), полезную в повседневной жизни, в государственном управлении и военном деле, и отграничивал ее от *математики*, в которую включал арифметику, планиметрию, стереометрию, астрономию и теорию музыки, изучающие, как он считал, различные виды чисел. Понимая практическую бесполезность доказательств математических теорем, Платон объяснял это *самое трудное занятие* [Там же. 498 a-b] своеобразной *любовной горячкой*, похожей на то *умоисступление*, когда влюбленный не может ни думать, ни говорить о чем-либо ином помимо предмета своей любви. Доказательство, по Платону, не способ властолюбцев подавлять чужую волю, как стали трактовать доказательство в XX в., но средство, позволяющее убедиться са-

инородцем кровь может стать любой член его рода, и не обязательно проливший эту кровь. В кровной мести нет ничего личного, только – родовое.

³⁴ Современники Гесиода, возможно, еще какое-то время испытывали такие же затруднения с использованием местоимения первого лица единственного числа, как и русские крестьяне, заменявшие из-за непонятной теперь стеснительности слово *я* на местоимение *мы*, или как *индейцы* Фенимора Купера, говорившие о себе только в 3-м лице единственного числа.

³⁵ Иллюстрацией к платоновскому учению о *сребролюбии* и *честолюбии* может служить одна из *маленьких трагедий* Пушкина о «скупом рыцаре», для которого богатства являются предметом бескорыстной любви, с которым он не в силах расстаться, чтобы иметь возможность им любоваться, и его честолюбивом сыне, для которого золото – отнюдь не вожаемая цель, а всего лишь средство, способное удовлетворить его страсть к почестям, полагающимся ему по рождению.

тому и дать возможность другим самостоятельно убедиться в том, что они наконец-то совместно владеют предметом их общей любви – *истинным знанием* (ἐπιστήμη), а не вечно колеблющимся *мнением* (δόξα). В результате те, кто влюблены в истину, получают от успешного доказательства особого рода *удовольствие* (ἡδονή), неведомое *честолюбцам, сребролюбцам и тиранам* [12. 580 d-581 c; 586 c-587 e].

Объяснение *причины*, побуждающей некоторых людей добиваться знания ради самого знания, отнюдь не освобождало Платона от ответа на вопрос о *практической цели* созерцательного познания помимо *удовольствия* от достижения истины, которое нельзя считать конечной целью, а скорее – приятным бонусом к полученному результату. Культ пользы не был чуждым и для него, обязывая оправдывать полезностью любой вид человеческой деятельности. Особенно трудной была обязанность оправдать усилия тех, кто стремился познать *природы вещей*, не поддающихся практическому воздействию. В *Софисте*, рассуждая о *природе*, понимаемой как *архе*, благодаря которому нечто возникает и изменяется без чьих-либо видимых усилий, Платон утверждал, что на самом деле то, что понимают под φύσις, есть тоже τέχνη, но не человеческое, а *божественное умение* (θεϊτέχνη)³⁶.

Исходя из такой трактовки *естества*, он говорит в *Тимее* о верховном божестве как мастере-искуснике, *Демииурге*, а учение о возникновении вещей и *космоса* называет *правдоподобным мифом*, подразумевая под *мифом* не небывлицу, а особый литературный жанр, специфический предмет которого – действия богов. Тем самым *любопытность* (φιλομάθεια) тех, кто пытается постичь *природы вещей*, объясняется не всегда осознаваемым стремлением к познанию божественной *мудрости* – к недостижимому для смертных *искусству* создавать вещи, а не только преобразовывать уже существующие. Непонятная для большинства современников страсть к созерцательному бескорыстному знанию получила теперь свое практическое оправдание с помощью понятия *любви к мудрости* (φιλοσοφία), которая, не будучи сама наукой, овладевает некоторыми из людей и побуждает их заниматься теоретическими разысканиями³⁷. Уже после Платона *философию* стали называть *матерью* всех наук и под непрямым влиянием Аристотеля разделять на *теоретическую* и *практическую* (см.: [1]).

Аристотель, разделявший многие воззрения Платона, тем не менее решительно отказался от оправдания созерцательного познания его практической полезностью, пусть даже иллюзорной и недостижимой. Аристотель был более демократичным в трактовке мотивов теоретического познания, чем его учитель и друг. Он считал стремление к знанию ради самого знания изначально присущим каждому человеку, а не только некоторым *философам по природе*. «Все люди от природы стремятся к знанию», – говорится в первом предложении *Метафизики*. «Доказательство тому – влечение к чувственным восприятиям: ведь независимо от того, есть от них польза или нет, их ценят ради них самих...» – говорится во втором [1. 980a].

Аристотель выделил две совершенно различные функции *разумной души*, присущей в отличие от всех остальных животных только человеку, осуществляя которые он выполняет свое *естественное* предназначение [2.1097 b]. Первая

³⁶ «...То, что приписывают природе, творится божественным искусством, то же, что создается людьми, – *человеческим*, и, согласно этому положению, существует два рода творчества (ποίησις): один – человеческий, другой – божественный» [13. 265e].

³⁷ Неологизмы «философ» и «философия» вряд ли были изобретены полумифическим Пифагором, которому приписывались многие фантастические умения, а, скорее всего, зародились в окружении Сократа и какое-то время не выходили за его пределы. В письменной речи оно впервые (два раза) встречается у ритора Исократ (см.: Шичалин Ю. А. Вступительная статья к диалогу Платона «Федр». М., 1989), который входил в число слушателей Сократа, как и его младший современник Платон, которого можно считать со-изобретателем слова *философия*, много писавшим о *любви к мудрости*, ее отличии от других видов *любви* и охваченных ею *философах*.

функция – сугубо созерцательная – осуществляется, по Аристотелю, особым *теоретическим умом*, который «не мыслит ничего относящегося к деятельности и не говорит о том, чего следует избегать или добиваться» [4. 433a 1-15]. Вторая – практическая – осуществляется «умом, размышляющим о цели, т. е. направленным на деятельность» [Там же. 433a1-15]. Поскольку отличительная характеристика предметов *теоретического ума* – их *вечность*, которая исключает малейшие поползновения что-либо в них изменить (о них *не принимают решения*), постольку они могут быть только предметами пассивного *созерцания* (θεωρία). Никому не подвластное вечное, которое невозможно *использовать* в качестве *средства*, является, по Аристотелю, конечной целью теоретического познания, не нуждающегося в каких-либо дополнительных оправданиях³⁸. Не принимают решений и о том, что ушло в вечность, т. е. о *прошедшем*: ведь *прошедшее не может стать не бывшим* [2.1139 b 5]³⁹.

Предметной сферой размышлений *ума, направленного на деятельность* (πράξις), может быть только *будущее* [Там же. 1139 b 5-10]. Однако не всякое будущее, по Аристотелю, является предметом практических размышлений и решений, а только то, которое в отличие от неизбежных солнцеворотов и восходов может быть, но может и не быть, поскольку *зависит от нас и не всегда бывает одинаково* [Там же. 1112 b18]. Этим предметами могут быть только поступки⁴⁰, причем только разумные поступки, инициированные *умом*, размышляющим о *деятельности* и готовящим наши практические решения, но никак не поступки, вызванные какими-то иными причинами (внешним принуждением, животными импульсами или глупостью). «*Предметом решения... следует называть не то, о чем может принять решение какой-нибудь глупец или безумец, но то, о чем его принимает разумный человек*» [Там же. 1110 a-1111a].

Сутью интеллектуальной деятельности *практического ума* по принятию разумных решений Аристотель считал *выбор средств* по их достижению⁴¹. «Решение наше касается *не целей, а средств к цели... никто из... мастеров* [не сомневается] в целях, но, поставив цель, он заботится о том, каким образом и какими средствами ее достигнуть...» [Там же. 1113a]. Вопросы о загадочной деятельности интеллекта по изобретению новых действий он даже не ставил. В мире вечных форм, образом которого руководствуется Стагирит, нет и не может быть ничего нового, пугающего его современников, вынужденных жить в *эпоху перемен*.

Познавательная деятельность *практического ума* сводится к изучению средств-поступков, уже использовавшихся для достижения той или иной цели, и выбор оптимального варианта, учитывающего все привходящие обстоятельства. «...И если окажется несколько средств, то прикидывают, каково самое простое и наилучшее; если же достижению цели служит одно средство, думают, как ее достичь при помощи этого средства и что будет *средством для этого средства*, покуда не дойдут до *первой причины, находят которую последней*. Принимая решение,

³⁸ Похоже, так же, как и Аристотель, думал *доходяга* (герой одного из «Колымских рассказов» В. Шаламова), повторявший вслух всплывшее из глубин сознания совершенно бесполезное в лагерной жизни слово *сентенция*, значения которого он уже не знал, но надеялся все-таки вспомнить его, что было бы (и он надеялся на это) свидетельством возвращения его из почти животного состояния к человеческому.

³⁹ Если бы Аристотель обсуждал вопрос о сути исторической науки, она была бы отнесена им к *теоретическому* знанию.

⁴⁰ «А принимаем мы решения о том, что зависит от нас и осуществляется в поступках...» [3.1112 a30],

⁴¹ «*Предмет решения* и предмет *выбора одно и то же*, только предмет выбора уже заранее строго определен, ибо *сознательно выбирают* то, что одобрено по принятии решения, потому что всякий тогда прекращает поиски того, как ему поступить, когда возвел источник [поступка] к себе самому, а в себе самом – к ведущей части души, ибо она и совершает сознательный выбор» [2. 1113 a5].

занимаются как бы поисками и анализом описанным выше способом (так же как в *задачах на построение*)» [2.1111 b20]. Если же мы ставим для себя новую или чрезвычайно важную цель и не знаем, как поступают для ее достижения или сомневаемся в собственном выборе наиболее оптимального поступка, Аристотель предлагает обращаться за советом⁴².

Практическое знание о том, как можно поступить, является, по Аристотелю, необходимым, но еще не достаточным условием разумного поступка⁴³. «...Не знание, а другая сила вызывает действие, согласное знанию» [4. 433a 5]. Силой, побуждающей людей действовать для достижения поставленной цели, оказывается *желание* – одно из *стремлений*, присущих *растительной* и *животной* душам, приводящих в *пространственное движение* человеческое тело⁴⁴, в котором они сосуществуют наряду с *разумной* душой⁴⁵. Аристотель отлично понимал силу иррациональных начал человеческих поступков: «Даже когда ум предписывает, а размышления подсказывают чего-то избегать или добиваться, не побуждаются этим к действию, а поступают согласно желанию, как, например, невоздержанный человек» [Там же]. Однако, утверждал он, «владеющие собой люди не делают того, к чему у них есть стремление, а сообразуются со своим умом» [Там же].

Можно лишь удивляться наблюдательности и проницательности Аристотеля, который сумел увидеть принципиальное различие двух самостоятельных видов познавательной деятельности и описать их важнейшие черты. Долгие века теоретическое и практическое знания, которыми руководствовались создатели материальной культуры, существовали параллельно друг другу. Только на рубеже XVIII – XIX вв. Г. Монж изобрел *начертательную геометрию*, позволяющую вычислять точные размеры проектируемых сооружений и их деталей, а тем самым появилась возможность использовать при расчетах их прочностных характеристик теоретическую механику, уже основательно разработанную к тому времени. Инженер (от ит. *ingegnere* – хитрец, изобретатель) начнет превращаться из *обманищика природы* в представителя массовой профессии в *Политехнической школе (École Polytechnique)*, созданной Наполеоном только в 1794 г. по проекту всё того же Монжа. До этого мастера-искусники руководствовались при создании своих творений исключительно умениями, приобретенными в ученичестве, цеховым и своим опытом, интуицией и весьма приблизительными эскизами будущих сооружений, даже таких сложных, как готические соборы и многомачтовые парусные корабли⁴⁶.

Однако и в наши дни, когда совершенно очевидно, что новейшие технические устройства и медицинские технологии были бы невозможны без серьезных теоретических знаний, их превращение в алгоритмы практических действий – все еще загадка, возможно потому, что такое превращение требует гениальности. Напрасно требовать от теоретика, изучающего законы природы, еще и проектов технологий, которые могут возникнуть в будущем на основе добытых им знаний. Слишком разнятся теоретические знания о вечных *законах природы*, которые разрешают делать все, что ими не запрещено, и практическими знаниями о том, *что* можно или

⁴² «Для важных дел, не будучи уверены, что мы сами достаточно [умны] для принятия решений, мы приглашаем советчиков» [2.1112 b10].

⁴³ «...Сведущий во врачебном искусстве не обязательно лечит», – говорится в трактате *О душе* [4.433a 5].

⁴⁴ «...Движет та способность души, которая называется стремлением» [4.432 a25].

⁴⁵ «...В разумной части души зарождается воля, а в не основывающейся на разуме – желание и страсть» [4.432 b5].

⁴⁶ Пётр I, стремясь самостоятельно овладеть всеми секретами кораблестроения и ослабить зависимость России от иноземных искусников-корабелов, почти за 100 лет до Монжа пытался изображать строящиеся корабли в плане и разрезе. Но то были не чертежи в трех проекциях, а приблизительные рисунки. Способы изображения на чертежах будущих изделий в различных проекциях и умение вычислять точные размеры их деталей изобрел именно Монж.

следует *делать* для достижения конкретной желанной *цели*. А поскольку культ пользы останется доминирующим в практической деятельности большинства людей, теории и дальше будут искать оправдания своей бескорыстной любознательности, без которой, правда, никогда не появились бы ни физики-ядерщики, ни химики-технологи, ни масса других специалистов, знающих, как поступать для удовлетворения все новых и часто неразумных желаний.

Литература

1. Альбин. Учебник платоновской философии // Платон. Диалоги. – М. : Мысль, 1986. – С. 437–475.
2. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Соч. : в 4 т. – Т. 1. – М. : Мысль, 1975. – С. 5–367.
3. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Соч. : в 4 т. – Т. 4. – М. : Мысль, 1981. – С. 53–201.
4. Аристотель. О душе // Аристотель. Соч. : в 4 т. – Т. 3. – М. : Мысль, 1984. – С. 371–448.
5. Аристотель. Физика // Аристотель. Соч. : в 4 т. – Т. 3. – М. : Мысль, 1984. – С. 59–261.
6. Декарт Р. Первоначала философии // Декарт Р. Соч. : в 2 т. – Т. 1. – М. : Мысль, 1984. – С. 297–422.
7. Долгих А. Ю. София и мудрость: смысл понятий и их влияние на восприятие философии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 10. – С. 24–36.
8. Еремеев В. Е. Математика // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. – Т. 5. – М., 2009. – 1055 с. – С. 52–95. – URL: <http://www.synologia.ru/aМатематика>
9. Кант И. Антропология. – М. : Чоро, 1994. – Т. 7. – С. 137–375.
10. Кант И. Прологомены. – М. : Чоро, 1994. – Т. 4. – С. 5–152.
11. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. – М. : Наука, 1993. – 236 с.
12. Лозинский С. Г. Роковая книга средневековья // Шпренгер Я., Инсистерис Г. Молот ведьм. – М., 1932. – С. 3–21.
13. Платон. Государство // Платон. Собр. соч. : в 4 т. – Т. 3. – М. : Мысль, 1994. – С. 79–420.
14. Платон. Софист // Платон. Собр. соч. : в 4 т. – Т. 2. – М. : Мысль, 1994. – С. 275–412.
15. Платон. Федон // Платон. Собр. соч. : в 4 т. – Т. 3. – Ч. 2. – М. : Мысль, 1994. – С. 7–79.
16. Платон. Законы // Платон. Собр. соч. : в 4 т. – Т. 2. – М. : Мысль, 1994. – С. 83–477.
17. Эсхил. Прометей прикованный // Эсхил. Трагедии. – М. : Наука, 1989. – 592 с.
18. Фрагменты ранних греческих философов. – Ч. 1. – М. : Наука, 1989. – 576 с.

Gennadiy Vasil'evich Boldygin,

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Senior Researcher,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

On the Cult of Theoretical Knowledge and Its Justification (To the History of the Issue)

The author treats theoretical knowledge as a result of a certain cult incorporating requirements for its disciples to obtain true knowledge irrespective of its possible practical use. This cult emerging in Ancient Greece has become an integral part of today's culture rich in many other cults. One of them is the cult of utility implying that each thing, or action, should be a means for achieving a more important goal. From the perspective of this cult, theoretical knowledge has to justify its existence by being useful.

Keywords: the theoretical; the practical; cult; knowledge; skill; wisdom; myth; nature; the natural; the artificial; contemplation; speculation; evidence; practice.

Даосские идеи в творчестве Ошо

Учение неоиндуистского наставника Ошо Раджниша представляет собой совокупность идей, взятых из различных философско-религиозных концепций Востока и Запада. Наряду с суфизмом, индуизмом, буддизмом и индуистской тантрой уместно рассматривать и даосизм в качестве источника учения Ошо, оказавшего непосредственное влияние на формирование его взглядов. Даосизм понимается Ошо как особый тип жизни и культуры, который раскрывает и поддерживает в человеке состояния *непосредственности* и *естественности* – данные качества, характерные для его *homo novus* и потерянные, с точки зрения Ошо, современным человеком, помогают в достижении духовного совершенствования, которое гуру отождествляет с возвращением к первоисточнику, изначальной неразделенности человека и мира. Даосизм оказал влияние и на практическую часть учения наставника – методику медитаций, основанных на концентрации, а также методе «опустошения сердца». Привлекает Ошо даосский «мягкий» метод «течения с рекой», который, согласно гуру, также способствует возвращению человека в изначальное, естественное состояние.

Ключевые слова: неоиндуизм; даосизм; естественность; непосредственность.

Учение неоиндуистского наставника Ошо представляет собой синтез элементов различных религиозно-философских систем, в котором он собрал «всё, что несет в себе проблеск истины в синтетическое единство... всё то, что основывается на глубоком проникновении в истинную суть вещей» [10, р. 70]. Ошо обращается и к даосизму как к одному из источников своего учения, который понимается им как «особый способ жизни, тип культуры, которая рождает, пробуждает и поддерживает в человеке состояние *непосредственности* и *естественности*» [7, с. 59]. Это два важнейших качества, которыми должен, согласно Ошо, обладать «новый» человек, неотъемлемые составляющие его духовного совершенствования. Последнее понимается в учении Раджниша именно как «возвращение»: к первоисточнику, к изначальной неразделенности человека и мира, человека и природы, бога (*божественного*), части и целого – это возвращение в *невинное* (*innocent*) *естественное* (*natural*) состояние, утерянное современным человеком: «Вы все находитесь в Дао, природе, которую также можно назвать Богом» [16, р. 144]. В соответствии с холистической¹ позицией Ошо, естественность – синоним божественности. Гуру также использует понятие *существование* (*existence*), когда говорит о Боге: «Бог – это само существование, чистое бытие» [11, р. 81]. И человеку необходимо приготовиться к этому «прыжку в существование» [11, р. 82].

Следуя философским взглядам неоиндуистского наставника, человек тесно связан с окружающим его миром, с природой, которая «не может быть более совершенной» [16, р. 5] – она уже является таковой. Рост, развитие, конкуренция, преодоление, совершенствование, согласно Ошо, «для даосизма не являются идеалом» [12, р. 114] – наоборот, это суть следствия неосознанности. Человек постоянно стремился что-то улучшить, поскольку не понимал того, что он уже изначально божественен. В таком человеке нет принятия, он не спокоен, не свободен,

* Юлия Анатольевна Уймина, частное образовательное учреждение дополнительного образования (ЧОУДО) «Алибра» (г. Екатеринбург).

E-mail: yulia.uimina@yandex.ru

¹ Подробнее см.: [7, с. 90].

не расслаблен, постоянно находится в состоянии борьбы²: «В Дао нет никакого “должен”, нет принуждения. Единственное, что необходимо, – следовать своей природе» [16, р. 109]. Главная проблема современных людей – их отделенность от мира, причем отделенность не столько физическая, связанная с урбанизацией, сколько психологическая. Естественный человек, согласно Ошо, – не обязательно тот, кто живет на лоне природы, но тот, кто ощущает именно внутреннюю взаимосвязь с ней, с миром, чувствует некое общее, единое начало. На взгляд гуру, сельские жители эту взаимосвязь ощущают лучше, чем городские, хотя обладают меньшими академическими знаниями, но большей жизненной мудростью, которую получают от общения с природой.

Если естественность, все-принятие – это идеал, то что же тогда является неестественным? Что заставляет человека совершенствоваться, бороться, преодолевать себя, вступать в конкурентные отношения? Согласно Ошо, это *эго* человека, «барьер между человеком и существованием» [10, р. 49], не дающий познать единство всего сущего: «Эго ложно, оно не естественно, оно не часть природы, не часть Дао» [16, р. 50]. Эго создает бесконечную цепь желаний, заставляет человека чувствовать себя обособленным: заключенный в собственных мыслях, он перестает ощущать взаимосвязь с окружающим миром, отчуждается от него и, теряя свою непосредственность, становится одиноким. Ошо различает два смысловых значения *одинокости*: одно отрицательное (*loneliness*) – как следствие эгоизма, страха любви, открытости, другое – положительное (*alone*), позволяющее человеку осознавать свои мысли и действия, слышать голос сердца, познавать истину. Неиндуистскому учителю мудрости импонирует даосская идея об одиночестве как противостоянии толпе – на духовном пути человеку приходится идти одному³: «Лао-цзы одинок, отчужден. Он находится в существовании сам по себе» [12, р. 34]. Ошо учит людей не бояться одиночества, а, наоборот, наслаждаться им, поскольку только так, с его точки зрения, можно проникнуть в глубь себя.

Одиночество – одно из качеств *бунтаря*, «нового человека» Ошо. Бунт *hoto novus* состоит в преодолении им социальных стереотипов и религиозных догм. Насколько можно судить, исходя из контекста учения неоиндуистского наставника, бунтарство духовного человека происходит как намеренно, так и ненамеренно: истинно религиозный человек всегда индивидуалист, который «обладает возможностью эволюции, перемен и трансформации», он «сама суть религии», «привносит осознанность в этот мир» [15, р. 2–3]. Бунтарь «внеморален»⁴, находится за пределами добра и зла, поскольку познал истинную реальность, собственную природу и больше не вписывается в социальные рамки – он тотально свободен как от общества, так и от самого себя. Бунтарь обладает также качествами *невинности* (*innocent*) и непосредственности – его Ошо, ссылаясь на философские взгляды Ф. Ницше, определяет как находящегося на стадии ребенка, высшей из трех стадий⁵ духовного развития человека, что сопоставимо с даосской позицией: «Того, кто крепко держится за Силу-Дэ благую, сравню я с новорожденным младенцем» (§ 55 «Дао-Дэ цзин») [8, с. 235]. В противовес эго, «ребенок» подразумевает открытость миру, отвагу, преодоление страхов, доверие к жизни, когда человек перестает бороться с окружающим миром, но начинает принимать его таким, какой он есть: «Не надо борьбы, просто пребывайте... Принятие – основа Дао» [11, р. 109]. К слову, будучи невинным, человек и себя принимает таким, какой он

² Сравним с высказыванием Лао-цзы: «Хороший воин не воинственен. Хороший боец не гневлив» (§ 68 «Дао-Дэ цзин») [8, с. 244].

³ Хотя эта идея, несомненно, провозглашается не только в даосизме.

⁴ Не следует путать с «аморальным», Ошо различает эти понятия.

⁵ Подразумеваются последовательно стадии верблюда, льва и ребенка. Подробнее см.: [4, с. 27–28] (Часть первая : «О трех превращениях»).

есть, т. е. «абсолютно обычным» [11, р. 62], не стремясь быть кем-то особенным, выглядеть более совершенным (что Ошо также считает признаками эго). В «Дао-Дэ цзин» есть фраза: «Нет больше беды, чем меры не знать. Нет больше преступления, чем желание обладать» (§ 46) [8, с. 230]. Разделяя данную точку зрения, Раджниш не одобряет стремления человека к лидерству, считая амбициозность проявлением эго. Комментируя высказывание Лао-цзы «никогда не будьте в мире первыми» в одной из своих бесед⁶, Ошо утверждает, что честолюбие является болезнью человека, показывает, что его жизнь «упущена» и что полноценному уму честолюбие не нужно [12, р. 41].

Привлекает неоиндуистского учителя мудрости и «мягкий» даосский метод непротивления жизни, символом которого является вода⁷: «По мягкости и слабости своей ничто в Поднебесной не может воду превзойти. Но ничто не может также превзойти ее по способности атаковать и побеждать то, что сильно и крепко. <...> Слабое побеждает сильное, мягкое побеждает твердое» (§ 78 «Дао-Дэ цзин») [8, с. 248]. В своих комментариях учения Лао-цзы о различных способах бытия и действия – мягкого и жесткого методах, Ошо предпочитает первый метод, называя его «способом течения с рекой» и противопоставляя его «способу борьбы»: идея доверия жизни, непротивления, «неотстраненности» от нее в учении Ошо, несомненно, обусловлена влиянием даосской философской традиции. «Плыть по течению», расслабиться, принимая всё, что происходит, – естественный для Ошо способ бытия⁸: «Ваше бытие должно быть текучим и плавным» [12, р. 115], «не стремитесь выбирать, дайте жизни течь своим чередом» [12, р. 13].

Импонирует Ошо даосская позиция о неразделенности материи и духа, тотальное принятие всех жизненных явлений. А. Масперо утверждает: «Для китайцев, которые никогда не разделяли дух и материю, мир представлял собой единое целое, непрерывно переходящее от пустоты к материальным вещам, душа не принимала роль духовной противоположности видимому и материальному телу» [2, с. 10]. «Новый человек» Ошо также представляет собой соединение противоположностей, совмещение несовместимого, синтез материи и духа [10, р. 154]. Обратим внимание на понятие пустоты, употребленное А. Масперо: «Единение с Дао возможно только в Пустоте. Эта Пустота и есть хранение сердца» [3, с. 70] (цит. по: Чжуан-цзы, IV). Поскольку «Дао есть “пуста” или “небытие”» [1, с. 49], т. е. нечто невыразимое, то для того, чтобы соединиться с ним, нужно «опустошить сердце», т. е. «освободиться от страстей, изгнать любое влияние внешнего мира, чтобы проникнуть в глубины самого себя и любой вещи, единственное начало Реальности» [2, с. 38]. Единственное, чего нельзя выразить, – это тишина, полное безмыслие, считает Ошо, поэтому все практики в его ашраме направлены на то, чтобы человек освободился от мыслей, достигнув состояния «пустого бамбука». Для той же цели Ошо делает паузы между словами во время бесед, чтобы в эти паузы адепты могли ощутить «вкус медитации» [10, р. 81].

Что касается других методов, практикуемых даосами, то Ошо, наряду с «совершенной медитацией» («опустошением сердца»), привлекает и методы концентрации⁹ (принцип, который Ошо использует во время многих своих медитаций), визуализации¹⁰ и экстаза. Последнее, к слову, Ошо и даосы понимают по-разному. В даосизме экстаз понимается как «забвение» (*ван*), трансовое состояние, едине-

⁶ Подробнее см.: [12] («Тao: The Three Treasures»), [16] («When the shoe fit»).

⁷ Подробнее см.: [8, с. 206, 248, 249] («Дао-Дэ цзин» § 8, 76, 78).

⁸ Подчеркнем особо последнее слово: Ошо противопоставляет бытие действию, стремлению, что также находит отклик в даосском учении.

⁹ Справедливости ради стоит отметить, что не всегда понятно, какие именно религиозные практики стали источниками учения Ошо (например, техника концентрации существует в йоге, дза-дзэн-медитации и пр.).

¹⁰ К примеру, в медитации «Золотой свет». Подробнее см.: [14, р. 19–20].

ние с высшим Дао, в котором были «исключены всяческие черты эротизма» [2, с. 38] – для Ошо экстаз не исключал последнего и мог достигаться разными путями.

Интересно отметить и тесно связанные с даосизмом практики цигун¹¹ и тайцзицюань (направление ушу), зачастую совершаемые даосскими монахами, выполняющие которые человеку необходимо физически уметь расслабляться в самых неудобных позах: данная методика носит название *фансунгун* (тренировка расслабленности). Также при выполнении цигун и тайцзицюань важны контроль за дыханием, концентрация и осознанность. Занятия тайцзицюань стали неотъемлемой частью расписания ашрама Ошо, и они практикуются адептами ежедневно. Тайцзицюань характеризуется медленными осознанными движениями, медитативностью – в процессе занятий адепты начинают лучше чувствовать свое тело и дыхание, быть более наблюдательными и спокойными.

А. С. Сиргия утверждает, что в отношении даосизма Раджниш «высказывал особую, пусть и ироническую симпатию» [7, с. 58–59]. Ошо высказывался в своих беседах и о самом Лао-цзы, проявляя к нему уважение, но понимая его по-своему: «Лао-цзы – подлинный бунтарь, потому что жил в миру и боролся в миру – жил в соответствии со своим собственным светом: он боролся, но не убежал (от мира. – Ю. У.)» [15, р. 49]. Борьба в данном случае имеет для Ошо положительный смысл – это стремление жить так, как человек чувствует, в соответствии со своим сердцем, проявление отваги и храбрости, а не желаний эго. Ошо импонировало в даосах умение удивляться, смеяться, радоваться жизни, открывать для себя что-то новое, что, на взгляд гуру, естественно и является признаком святости [5, с. 98]. Смех, радость, невинность, «празднование» – естественное состояние человека, которые ему необходимо развивать в себе, поскольку смех не только обладает для человека целительной силой, но и дает новое видение мира, делает человека более живым и творческим¹². В целом можно отметить, что путь даосизма оказался близок неоиндуистскому наставнику и обогатил как теоретическую, так и практическую часть его учения.

Литература

1. История китайской философии / ред. А. С. Васильев ; пер. с кит. В. С. Таскина ; общ. ред. и послесл. М. Л. Титаренко. – М. : Прогресс, 1989. – 552 с.
2. Масперо А. Даосизм / пер. с фр. В. Ю. Быстрова ; под ред. С. В. Пахомова. – СПб. : Наука, 2007. – 294 с.
3. Масперо А. Религии Китая / пр. с фр. В. Ю. Быстрова, С. Н. Соколова ; под ред. С. В. Пахомова. – СПб. : Наука, 2004. – 375 с.
4. Ницше Ф. В. Так говорил Заратустра / пер. с нем. Ю. М. Антоновского. – М. : АСТ : Neoclassic, 2009.
5. Ошо. Белый Лотос: Беседы о Мастере дзэн Бодхидхарме / пер. с англ. Б. Андрущенко, Н. Гончарова. – М. : София, 2012. – 320 с.
6. Ошо. Дзен – легкость бытия. Смерть эго – жизнь в любви. – М. : ИПЛ, 2018.
7. Сиргия А. С. Творчество Шри Раджниша в контексте взаимодействия культур Востока и Запада : дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / Сиргия Анна Сергеевна. – СПб. : Гос. ун-т морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова, 2013. – 160 с.
8. Торчинов Е. А. Даосизм. «Дао-Дэ цзин» / пер. Е. А. Торчинова. – 2-е изд. – СПб. : Азбука-классика : Петербургское Востоковедение, 2004.
9. Цзнь Юйфэн, Лун Юнь. Цигун – китайская гимнастика для здоровья: современное руководство по древней методике исцеления. – М. : Эксмо, 2017.
10. Osho. Autobiography of spiritually incorrect mystic / Ed. Sarito Carol Neiman. – New York : St. Martin's Press, 2011. – 220 p.

¹¹ Подробнее см.: [9, с. 15, 64].

¹² Подробнее см.: [13, с. 214–215].

11. Osho. Moral, Immoral, Amoral: What Is Right and What Is Wrong? – New York: St. Martin's Griffin Press, 2013. – 208 p.
12. Osho. Tao: The Three Treasures. Talks on Fragments from Tao Te Ching by Lao Tzu. – Vol. 1 / editor Ma Prema Veena // Oshorajneesh.com. – URL: https://oshorajneesh.com/download/osho-books/Tao/Tao_The_Three_Treasures_Volume_1.pdf (дата обращения: 15.01.2020).
13. Osho. The ABC of Enlightenment. A Spiritual Dictionary. – Osho Media International, 2011. – 360 p.
14. Osho. The Orange book. The meditation techniques of Bhagavan Shri Rajneeh / Ed. Ma Yoga Laxmi. – Bombay : Usha Offset Printers Pvt. Ltd., 1980. – 222 p.
15. Osho. The Rebel. – Mumbai : Jaico Publishing House, 2014. – 268 p.
16. Osho. When the shoe fits. Nalks on Stories of Chuang Tzu // Oshorajneesh.com. – URL: https://oshorajneesh.com/download/osho-books/Tao/When_the_Shoe_Fits.pdf (дата обращения: 06.12.2019).

Yulia Anatol'evna Uimina,
«Alibra-school» (Yekaterinburg)

Taoist Ideas in Osho's Teaching

The teaching of the Neo Hinduism guru Osho Rajneesh represents a variety of ideas drawn from various philosophical and religious concepts of the East and West. Like Sufism, Hinduism, Buddhism, and Hinduism Tantra, Taoism is considered as one of the sources of Osho's teachings, which greatly influenced the formation of his views. Osho understood Taoism as a special type of life and culture that reveals and maintains special states of spontaneity and naturalness in a person. These qualities that a modern man has lost, help in achieving spiritual perfection, which guru identifies with a return to the source, the primordial inseparability of man and the World. Taoism also influenced the practical part of Osho's teaching: methods of meditation based on the concentration, as well as "emptying the heart" method. The Taoist "soft" method of "flowing with the river" also impressed Osho, and, according to his point of view, it also contributes to the return of a person to the original natural state.

Keywords: Neo Hinduism; Taoist; naturalness; spontaneity.

Ретрожизнь – жизнь под куполом советской истории (статья первая)

В статье представлена попытка реконструкции тех предельных исторических оснований и форм осуществления современной российской жизни, которые превращают ее в ретрожизнь. Как показал проведенный анализ, среди этих оснований особое место занимают те «основоустройства» советской истории (тоталитаризм, строительство социализма), специфическое единство которых в настоящее время образует несущую конструкцию своеобразного купола, воздвигнутого властью над жизнью и историей постсоветской России. Делается вывод о том, что под ним в соответствии с законами «избыточной истории» и с помощью порождаемых ею исторических дискурсов происходит своеобразный синтез некоторых ретроориентаций, в результате чего возникает устойчивая система координат «круговорота самости» исторического бытия современной российской жизни и истории. Автор утверждает, что, попадая в этот круговорот, ее бытие не просто истощается, но обесмысливается – наступает «катастрофа смысла». В статье подробно рассматривается то, каким образом, с помощью каких механизмов и средств, находясь под куполом советской истории, ретрожизнь в расширенных масштабах воспроизводит свободу власти и несвободу общества, превращает в бессмысленную и катастрофическую жизнь современную историю России.

Ключевые слова: советская история; ретрожизнь; ретроориентации; исторические дискурсы; свобода; власть; смысл.

Современная историческая жизнь России представляет собой сложный и противоречивый процесс ее самоопределения в качестве самодостаточного исторического мира, потенциально способного не только быть, но и стать субъектом всех своих судьбоносных превращений. В непростых условиях радикального социального обращения и достаточно хаотичного исторического транзита российское общество пытается найти, раскрыть тот единственный способ суверенизации своего «судьбоносного исторического пути» (Хайдеггер), который может обеспечить его естественное и эффективное существование в современном мире. В данной статье мы попытаемся в самом первом приближении, с помощью метафизической реконструкции форм и способов реализации избранного Россией на рубеже двух тысячелетий пути, объяснить необходимость невозможности осуществления его «сплошного», «непрерывного», «положительного» (Сартр) бытия, раскрыть причины неспособности современной российской истории обрести свою самость и реальную историчность.

Современное российское общество больно историей. Господствующие исторические дискурсы в условиях абсолютного оскудения жизненных сил практически беспрепятственно разносят в форме различных социокультурных, политических нарративов вирусы чрезвычайно заразной и всепроникающей «исторической болезни» (Ницше), затягивающей, погружающей нас не только в сознании, но и в реальности в бездонные и безграничные сферы ретрожизни, хитро и незаметно подменившей *vivo, ergo cogito* на превратно понятое *cogito, ergo sum*. Избыток продуцируемой ими с помощью «жутко шевелящейся фабрики понятий и слов» [3] истории подрывает жизненные основы постсоветского общества, превращает его в евнуха, охраняющего недоступный ему даже в мыслях исторический гарем. В этих условиях поиск ответа на вопрос о том, как «может быть восстановлено

* Владимир Анатольевич Лоскутов, д-р филос. наук, профессор (г. Екатеринбург).
E-mail: rectoruapa@me.com

подорванное историей здоровье народа и как последнему снова обрести свои инстинкты и вместе с ними свою честность» [3] становится делом его жизни и смерти.

Ретрожизнь – это жизнь современной России «под куполом» (С. Кинг) советской истории. Она возникает в процессе преобразования жизни постсоветского общества и становится самодостаточным историческим феноменом в результате ее последующего переустройства по канонам термидорианского переворота. Речь в данном случае идет не о воспроизводстве некоторых отдельных событий и состояний, свершений и побед славного прошлого, о чем так любят размышлять различного рода либеральные критики существующего режима, а о целостном и непрерывном бытии советской истории, которая в результате известных событий никуда не исчезла, но стала невидимым, прозрачным, непроницаемым для обычного света куполом, накрывшим нашу жизнь и кардинальным образом изменившим ее течение.

Купол советской истории не только формально и физически ограничивает основные проявления исторической жизни России, но и особым образом воздействует на ее бытие. Он является своеобразным увеличительным стеклом, через которое с определенной степенью интенсивности и эффективности проникают в настоящее лучи советского прошлого – проникает свет той звезды, которая многие годы и десятилетия была путеводной для советского народа и всякого советского человека, единственная освещала их судьбоносный путь в светлое будущее.

Пройдя сквозь купол советской истории, невидимые лучи, исходящие от этой звезды, своим смертельным излучением выжигают в жизни все то, что может хоть как-то помешать ей стать способом сохранения и воспроизводства, формального обновления советского прошлого. Наряду с этим они разжигают в ней многочисленные «костры» надежды, факелы энтузиазма и патриотизма для тех «евнухов истории» (Ницше), которые связывают с ней свою настоящую и будущую жизнь. Наконец, выжигая ненужное и лишнее, поджигая то, что еще в состоянии, пускай даже и абсолютно холодным светом, осветить наш путь во мраке наступающей тьмы, они пробуждают к жизни, восстанавливают в своих правах, хотя и в имитационных, симулятивных формах, все то «советское», что могло бы укрепить и углубить «позитивное бытие» ретрожизни.

Ретрожизнь возникает в процессе производства истории жизнью, в результате чего в ней выделяются некоторые ретроориентации, которые конституируют равноисходность экстазов ее временности («настающего», «бывшести», «актуальности»). Она воспроизводится тогда, когда история с помощью особых дискурсов («родов истории» (Ницше)) сама производит жизнь, качественно изменяя при этом природу и способы движения выделенных ретроориентаций, всячески способствуя их превращению в основоустройства жизни. В этом случае она произвольным образом меняет взаимоотношение разных временных экстазов существования жизни, превращая «бывшее» в безусловную доминанту ее временности. Наконец, она конституирует в себе возможность и способность качественного обновления. В результате в этой странной, «произведённо-производящей» жизни появляется некое особенное бытие – тождество в настоящем ее прошлого и будущего, которое представляет собой относительно самостоятельный способ осуществления «историчности» жизни и «жизненности» истории. Опосредованно им, единством, скрепленных, совмещенных с помощью различных исторических дискурсов «избыточной истории» (Ницше), ретроориентаций, ретрожизнь обретает в себе единый и единственный «живительный» источник «мертвой воды», столь необходимой ей для осуществления «круговорота самости» (Сартр).

Жизнь современной России превращается в ретрожизнь не только потому, что она каким-то странным образом оказалась под куполом советской истории, но и потому, что, оказавшись под ним, она попала в самый эпицентр бурно развиваю-

щейся эпидемии «исторической болезни», которая установила свои правила и законы взаимодействия жизни и истории. Прежде чем мы подробно и в деталях рассмотрим, проанализируем все возможные способы борьбы ретрожизни за свое существование в условиях эпидемии, в самом общем виде определим, что представляют собой те ретроориентации, которые образуют ее «основоустройства» (Хайдеггер); те дискурсы истории, которые порождают ее «избыточность», а также те открытые и замаскированные «бытийные структуры» (Хайдеггер), которые образуют несущую конструкцию советской истории как купола ретрожизни. Начнем с последнего.

Советская история

Прежде чем мы попытаемся зафиксировать, определить основные движущие силы ретрожизни, кратко охарактеризуем историческую природу того купола, который над ней возвышается. Он представляет собой не саму советскую историю, но некое сочленение «основоустройств» ее бытия. Чтобы проанализировать, каким образом они из основания исторического бытия жизни превращаются в купол, определим метафизический смысл их феноменального существования. В основе всякой исторической жизни лежит определенная *субстанция*, которая обновляется некоторым *субъектом*, конечная цель деятельности которого – раскрытие *свободы* как сущности ее бытия. Обретя в себе собственную субстанцию, обнаружив субъекта и присвоив свободу, историческое бытие еще не становится целостным. Оно раскрывает себя как целое лишь тогда, когда с помощью рефлексивного движения оборачивается на «основоустройства» своего существования и с помощью особых «бытийных структур» превращает их единство в *смысл* бытия. Как же все эти глубоко и тесно взаимосвязанные процессы происходили в советской истории?

Что является субстанцией советской истории? По нашему мнению, и с ним, вероятно, согласятся многие ее исследователи, субстанцией советской истории является революция. Не государственный переворот октября 1917 года, который мы иногда, руководствуясь в основном идеологическими соображениями, называем социалистической революцией, но тот способ *становления* советской власти, который, в конечном итоге, определил ее превращение в начало развития целостной советской истории. Революция заканчивается опосредованно процессом возникновения советской власти (государственный переворот), борьбой ее возникновения и исчезновения в процессе воспроизводства (гражданская война), превращением советской власти в основной результат и продукт становления советской истории (государственная, политическая, идеологическая институционализация власти в эпоху нэпа). Она заканчивается и из способа становления истории превращается в свою противоположность – превращается в то, что можно было бы назвать не только концом этого процесса, но и действительным началом *начала развития* советской истории. Как естественный и закономерный продукт ее становления советская власть осуществляется в особой форме - в форме *тоталитаризма*. С его появлением заканчивается, но не завершается процесс становления советской истории. Тоталитаризм является концом этого процесса – он его заканчивает. Но, для того чтобы становление завершилось, данный конец должен был стать началом развития советской истории. Для этого он должен был обрести определенную субъектную форму и в самой себе из субстанции стать субъектом. Что и случилось в конце 20-х – начале 30-х годов. В это время советская власть изменила не только форму осуществления, но и свое сущее – она превратилась из диктатуры пролетариата в диктатуру строителей социализма. Действительным началом развития бытия этого сущего стала особая форма осуществления исторической самодеятельности – строительство социализма. А единственным субъек-

том данного процесса, главным архитектором и прорабом стройки века стала тоталитарная власть.

Субъектом советской истории никогда не был человек или общество, отдельная социальная группа или класс, государство или партия, но всегда был тот превращенный способ деятельности советской власти, который «выдающиеся» деятели советской власти называли «социалистическим и коммунистическим строительством». По мере того как его присваивали и осваивали алчущие немедленного и прекрасного будущего «строители», которые на самом деле были всего лишь винтиками в огромной землеройно-строительной машине, процесс социалистического строительства превращался в историю возведения многочисленных «котлованов» (А. Платонов) и их заселения «хорошими людьми» (Он же).

По мере того как властвующие строители, постоянно ускоряясь, извращая, деформируя субстанциональные и субъектные основы советской истории, проектировали и строили для нас полный, окончательный, развитой социализм, пытались строить коммунизм, рождались различного рода странные состояния бытия ее «историчности»: оттепель, застой, перестройка. Каждое из них было попыткой соответствующего субъекта вернуться к субстанции своего бытия и вычленить в нем то сущее, которое было способно сделать его историческим. Вычленить из субстанции (революции) то, что могло бы качественно обновить его субъектность и вернуть бытию способность с помощью самодеятельности создавать свою самость. Последний раз «строители» советской истории попытались вернуть себе свое сущее, когда в 90-х годах, встав под знамена антитоталитарной и антисоциалистической революции, перестали, наконец-то, строить социализм, а стали безудержно строить капитализм. Тогда же этот субъект попытался освободить из застенков тоталитаризма советской власти искомую сущность собственной истории – свободу. Ему частично удалось это сделать, но с 1996 года, когда в России активно начался процесс строительства определенной формы существования капитализма – государственно-олигархического капитализма, когда стал набирать обороты процесс освобождения общества от свободы и увеличения степеней свободы власти, в результате чего зазор между свободой общества и свободой власти превратился в пропасть, этот процесс существенно затормозился. В 2000-х годах над возникшей в освобожденной свободе пропастью стали строить различного рода временные и постоянные конструкции «стабильности», которые должны были позволить «строителям» нового мира перейти на одну сторону, а тем, кто их строил, закрепиться на другой стороне пропасти. В результате негласного договора между властью и обществом свобода была распределена между всеми участниками этого великого похода таким образом, что свобода власти оказалась доминирующей силой общественного развития, а свобода общества превратилась в свою противоположность – своеобразный фон для осуществления власти свободой власти. В процессе исполнения ненаписанных статей данного договора власть свободы власти превратилась в единственного гаранта сохранения общего баланса свободы в исторической жизни современной России.

В результате строительства, суверенизации и бюрократизации властных отношений, их консолидации и превращения в авторитарную власть государства-корпорации существенно возросла степень свободы новоявленной российской власти. У нее появились не просто формальные, но реальные возможности для того, чтобы, с одной стороны, успешно для себя завершить процесс субстанционального и субъектного самоопределения обновленной формы развития советской истории, а с другой стороны, создать необходимые условия для конструирования с помощью этой формы качественно новых смыслов ее исторического бытия. В результате такого рода действий советская история, по мнению власти, должна была окончательно и бесповоротно воспарить над землей и превратиться в надежный

купол, полноценно и эффективно защищающий жизнь России и россиян от реальной свободы и возможности превращения этой жизни в «человеческую реальность» (Сартр). Для того чтобы получить такой результат, следовало кардинальным образом ускорить и так не прекращающийся ни на минуту процесс смыслообразования и смыслопреобразования советской истории – необходимо было сделать всё для того, чтобы живущее под почти уже прозрачным куполом советской истории «молчаливое большинство» (Бодрийяр) превратило свободу власти и собственную несвободу в смысл своего бытия. Чтобы оно само совершило «смыслубийство» своей истории. Преобразовало в смысл собственной жизни «особый путь» суверенного Российского государства и его идеологическое отражение – «патриотизм».

Освобождение советской истории от свободы – деформация и разрушение баланса свободы и несвободы исторического бытия ведет к ее обесмысливанию, т. е. к «испарению истории» (Бодрийяр), что, в свою очередь, грозит нам «катастрофой смысла» [1] и может привести к реальному «скончанию» (Хайдеггер) советской истории. Испарение истории и истощение ее смысла есть не что иное, как «искривление, из-за чего происходит совпадение начала и конца, они сводятся в одно, конец возвращается к началу, аннулируя его и оставляя место событию, которому ничто не предшествует и за которым ничто не следует – чистому событию» [1]. Вероятнее всего, этим «чистым событием» станет окончательное и бесповоротное саморазрушение советской истории как купола и соответствующие изменения в ретрожизни. Для того чтобы понять, как это может быть, нам следует в настоящем исследовании вернуться несколько назад и более обстоятельно описать тот феномен, который мы называем ретрожизнью. И начнем мы свой анализ с объяснения природы тех духовно-практических образований – ретроориентаций, которые конституируют целостность и смысл существования данной формы исторического бытия жизни.

Ретроориентации

Сегодня российская историческая жизнь ищет и находит себе оправдание в различного рода ретроориентациях, в переплетении реальных и мифологических исторических сил, с помощью которых она «временит временность» (Хайдеггер) своего бытия, обнаруживает в единстве экстазов «настающего, бывшести, актуальности» [5] его самость, конституирует основные жизненные ориентиры, намерения, мотивы, цели своей «экзистенции, фактичности и падения» [5]. Посредством ретроориентаций она пытается воссоздать свою, казалось бы навсегда утраченную, историчность и вернуть себя к полноценной исторической жизни, не замечая того, что очень часто в результате расширенного воспроизводства «избытка истории» (Ницше) происходит обратное – «жизнь разрушается и вырождается, а вслед за ней вырождается под конец и сама история» [3]. Так происходит потому, что в процессе своего движения некоторые из этих ретроориентаций образуют особое пространство непримиримого столкновения и противоборства реальной жизни людей и той истории, которая в данном случае осуществляется всего лишь «как чистая наука и, ставшая самодержавной, представляет собой для человечества род окончательного расчета с жизнью» [3].

Сами по себе ретроориентации ничего разрушительного, ничтожащего по отношению к истории и тем более к жизни не несут. Они могут быть бесконечно милыми, трогательными «воспоминаниями» о прошедшем, наступающем, актуальном. Ситуация кардинальным образом меняется, когда они попадают в сферу действия законов «избыточной истории», когда происходит «перенасыщение известной эпохи историей» [3]. В этом случае они превращаются в кровожадных «обжирал истории» (Ницше), которые с огромным энтузиазмом и нескрываемым

удовольствием пожирают не только историческую истину, но и реальную историческую жизнь. Прежде чем мы проанализируем то, как и при каких условиях, они превращаются в чудовищных монстров, питающихся исключительно «понятиями-ублюдками» [3], попытаемся в самом общем виде определить сущность всякой ретроориентации и раскрыть ту роль, которую они исполняют «в изучении истории для целей жизни» [3].

«Жизнь нуждается в услугах истории» [3], и она оказывает их ей путем формирования и обустройства в нескончаемом жизненном потоке неких островков ее устойчивого существования и воспроизводимого бытия. Оказавшись на службе у жизни, история не останавливает этот бурный и безграничный поток, не мумифицирует жизнь как прошедшее «прошлое». Она выявляет в ней истоки временности жизни и способы ее времени. Представляет их в виде относительно неизменных «бытийных структур», которые активно участвуют в формообразовании жизненного процесса как целого. Кроме этого, история, будучи своеобразным фильтром, пропускает через себя все самые важные для человека жизненные коллизии и превращает их в такие способы ее существования, единство которых обеспечивает целостность и смысл бытия его исторической жизни. Произведенные жизнью и историей формы осуществления жизненного потока и производящие их единство способы движения истории в жизни мы называем ретроориентациями. Легко видеть, что для нас «произведённо-производящие» ретроориентации не являются способом возвращения и погружения жизни в ее прошлое. Они живут и действуют в широком контексте обращения жизни с помощью истории к истокам своей временности (прошлого, настоящего, будущего). Что позволяет им достаточно успешно ликвидировать разнообразные, возникающие в процессе исторического движения жизни, «дыры бытия» (Сартр) и эффективно отводить от нее различные сокрытия, взламывать те, казалось бы, вечные преграды, за которыми жизнь скрывается от самой себя. В том числе, конституировать смыслы и целостность бытия жизни, что позволяет ей с помощью ретроориентаций проникать в потаенные сферы бытия своего сущего.

Ретроориентация – это форма погружения истории в жизнь и способ восхождения жизни к своей реальной истории. Данное предельно абстрактное определение ретроориентации останется таковым до тех пор, пока мы не раскроем, каким образом и во что она превращается в процессе историоризации не только жизни вообще, но жизни человека. Что, в свою очередь, требует более детального и глубокого анализа всего того, что происходит с ретроориентациями в процессе становления их в-себе и для-себя бытия. Выскажем в предельно краткой форме свои соображения по данному поводу, имея в виду прежде всего те конкретные цели, которые мы поставили перед собой выше и хотели бы достичь в настоящем исследовании.

В какой степени «жизнь вообще нуждается в услугах истории, есть один из важнейших вопросов, связанных с заботой о здоровье человека, народа и культуры» [3]. На этот далеко не очевидный вопрос вполне адекватный и рациональный ответ мы можем дать путем реконструкции, выяснения места и роли ретроориентаций в процессе исторического самоопределения жизни. Их значение нельзя абсолютизировать, ибо, находясь на службе у жизни, история использует не только ретроориентации, но также и другие средства и орудия для создания и выявления ее реальной историчности. Но и преуменьшать их значимость нельзя, ибо только ретроориентации, являясь универсальными «бытийными структурами» жизни, оказываются способны раскрыть истоки и смысл конкретного тождества исторической жизни и исторической истины.

Жизнь нуждается в услугах истории, так как только с ее помощью она в состоянии конституировать свою «временность» в виде ее определенных экстазов –

как единство прошлого, настоящего, будущего. Речь в данном случае не идет о том, что история каким-то образом творит объективное время жизни. Если она в этом случае посредством ретроориентаций что-то и создает, так это образ непрерывного *исторического процесса*, в который в результате раскрытия единства ее прошлого, настоящего и будущего превращается бурный и бескрайний жизненный поток.

Посредством реконструкции этих экстазов история находит и выделяет в жизни не только различные бытийные отношения и относительно самостоятельные «бытийные структуры», но и «основоустройство» (Хайдеггер) ее бытия. Она не просто достает его как нечто существующее из небытия, но превращает в предельное основание осуществления единства экстазов своей временности, которое обеспечивает феноменальный характер их связи «через демонстрацию того, что все до сих пор установленные фундаментальные структуры присутствия в аспекте их возможной целостности, единства и развертывания по сути “временны” и подлежат осмыслению как модусы времени временности» [5]. Данное «основоустройство» проявляется в процессе и результате времени временности в форме не экстазов, но единства модусов тех ретроориентаций, с помощью которых жизнь погружается, «падает» (Хайдеггер) в себя как исторический процесс. Их связь конституирует его обращение в *исторический мир*.

Наконец, всякая ретроориентация, представляя собой специфический способ обращения жизни в «жизнь» истории и реальную историческую жизнь, превращает их противоречивое единство в конкретное тождество. Они не только фиксируют, но и сами особым образом «временят» временность жизни, создают из нее «горизонтное единство схем экстазов» [5] – конституирует то, «как актуальность в единстве времени временности возникает из настоящего и бывшести, так равноисходно с горизонтами настоящего и бывшести временит горизонт актуальности» [5]. Созданное ретроориентациями единство горизонтов бывшести, настоящего, актуальности образует своеобразную систему координат исторического существования жизни, опосредованно которой исторический мир «размыкается» как «экстатично-горизонтное устройство *есть*» [5] и осуществляется «в мире», полагая собственное «бытие-в-мире» в качестве *исторической жизни*.

Будучи объективной мерой постоянного сближения и неуклонного совпадения жизни и истории, ретроориентации устанавливают степень их взаимопроникновения и одновременно с этим полагают метафизический коэффициент их тождества – коэффициент собственной историчности жизни и жизненности истории. Они отражают и выражают то, каким образом в процессе формообразования, конституируя свое «есть», выявляя основоустройство и предельное основание его бытия, раскрывая систему координат своего движения, жизнь превращается в исторический процесс, мир и историческую жизнь.

Если история, в том числе и с помощью ретроориентаций, раскрывает жизнь как исторический процесс, мир и историческую жизнь, то она оказывается способной постичь ее в самой себе – оказывается способной служить ей, а не прислуживать ее прошлому. В этом случае она от жизни получает такую мощную прививку «жизнестойкости», которая позволяет ей не только сохранять, но и порождать ее – позволяет быть всегда «под властью и верховным руководством этой жизни» [3]. В том числе активно и эффективно противостоять всему тому, что мешает, или может помешать, осуществлению жизненного процесса. Используя те жизненные силы, которые заключают в себе объективные «исторические истины», она научается подавлять различного рода аффекты «великих побуждений могучих личностей» [3], разнообразные «эффекты в себе» [3], которые «западают в головы способных эгоистов и мечтательных злодеев» [3], останавливать идолопоклоннические пляски «вокруг плохо понятого монумента какого-нибудь вели-

кого прошлого» [3], привлекать прошлое на суд истории, подвергать его «тщательному допросу» [3] и «от времени до времени пользоваться силой разбивать и разрушать прошлое» [3].

История служит жизни лишь опосредованно служению человеку. Посредством ретроориентаций он открывает в жизни и самом себе те силы, которые обеспечивают не только существование («есть»), но и полноценное бытие жизни – открывает в ней ее «рефлексивное движение» (Сартр) как особую форму единства этих сил.

Ретроориентации обеспечивают рефлексивное, или, что то же самое, «рефлексивное движение» (Гегель) жизни – превращение ее существования в бытие. Делают это они не сами собой, а с помощью человека, который возвышает такие различные формы существования жизни, как исторический процесс, исторический мир и историческая жизнь до их бытийствования, открывает в них посредством рефлексивного движения сущность жизни и раскрывает ее бытие в качестве реальной истории. Они помогают жизни ответить на имеющий для нее первостепенное значение вопрос: «может ли мир и человеческое существование обладать истинным смыслом в этом мире фактичности?» [2]. Опосредованно «первым» и «вторым» (Сартр) рефлексивным движением она отвечает на этот далеко не риторический вопрос утвердительно, т. е. не только размыкает единство экстазов временности и модусы их времени, но и раскрывает способы их обращения в смысл *исторического бытия* жизни.

«Первое рефлексивное движение» жизни «придает бытию личное существование» [4] путем открытия в ней различных ретроориентаций, каждая из которых особым образом характеризует существование экстазов ее временности и определенных форм их времени в историческом процессе, мире и исторической жизни. «Второе рефлексивное движение» с помощью все тех же ретроориентаций обнаруживает горизонты не процесса, мира и жизни, но ее целостного исторического бытия – горизонты осмысленного бытия «круговорота самости» жизни, конституирующие «свободную необходимость бытия» [4] жизни как исторического целого.

Горизонты исторического бытия и человек «живущий»

В свое время Ницше заметил, что «история принадлежит живущему в тройном отношении, как существу деятельному и стремящемуся, как существу охраняющему и почитающему и, наконец, как существу страждущему и нуждающемуся в освобождении» [3]. С помощью принадлежащей ему в форме ретроориентаций истории и своего собственного рефлексивного движения человек «живущий» делает свою жизнь исторической. Посредством их он постигает, достигает и преодолевает горизонты ее бытия. Как существо деятельное и стремящееся, он их полагает. Охраняя и почитая историческую жизнь, человек их достигает. И только страдая и нуждаясь в освобождении, он обретает способность преодолевать эти горизонты и выходить в принципиально иные сферы исторического бытия жизни.

Интересный опыт осмысления горизонтов исторического бытия жизни был накоплен метафизикой XX века. Для Гуссерля принципиально важным было раскрыть «горизонтную структуру всякой интенциональности» [2] и показать ее как «горизонт потенциальности» – горизонт *возможности* существования бытия. Хайдеггер анализировал этот горизонт как горизонт *способности* бытия быть в себе и с помощью себя бытием – как горизонт, «внутри которого понимается “бытие”» [5] в его «бытийной понятливости» и смысле. Для него принципиально важно было «разомкнуть еще более исходный универсальный горизонт» [5], «горизонт всякой понятности бытия и всякого толкования бытия, который можно и должно было вывести на свет и гегуинно осмыслить» [5].

Смысл бытия, по мнению Хайдеггера, заключается в прояснении возможности бытийной понятности вообще. Той самой возможности, о которой в свое время писал еще Гуссерль. Постигается она посредством «высвобождения горизонта, в котором нечто подобное бытию вообще становится понятно» [5]. Вывод о том, что полученный таким образом «набросок смысла бытия вообще может осуществиться в горизонте времени» [5] в процессе «высвобождения горизонта» и его превращения в «горизонтную схему» [5], фактически оказался отправной точкой, с которой начал свое восхождение к определению *горизонта действия* бытия сущего Сартр. Для него было принципиально важно ответить на вопросы, которые поставил Хайдеггер: «Что делает онтологически возможным, что сущее может быть внутримирно встречным и как встречающее объективироваться?» [5]. Как «скрепы имени-дела» [5] способствуют высвобождению и преодолению горизонта бытия?

Вопрос о горизонтах действия бытия сущего Сартр сформулировал следующим образом: «Откуда проистекает сила, которая должна, таким образом, внезапно выявить “человеческую реальность” в небытии?» [4]. Отвечая на него, он, с одной стороны, следовал существующей традиции осмысления возможности и способности бытия быть и иметь горизонт – «ничто, которое отделяет человеческую реальность от нее самой, лежит у истоков времени» [4]; с другой стороны, преодолевал ее, ибо в качестве силы, способной освободить горизонт бытия и выявить человеческую реальность, он рассматривал человека, который «отделен от себя самого всей широтой бытия, которое не есть он. Он заявляет о себе самому себе из другой стороны мира и, овнутряясь, пробивается к себе, ориентируясь на горизонт» [4]. Именно «в движении овнутрения, пронизывающем все бытие, бытие возникает и устраивается как мир, не отдавая первенства ни движению над миром, ни миру – над движением» [4]. И только с его помощью жизнь устраивается как историческое бытие и «человеческая реальность».

Для Сартра было принципиально важным доказать, что «возможное не есть, возможное делает себя возможным» [4], и «оно постигается из мира в круговороте самости» [4], оказавшись в котором «мои возможности появляются на горизонте мира, который они делают моим» [4] – делают моим историческим бытием.

Возможное делает себя возможным, способным достичь горизонтов своего бытия с помощью «первого рефлексивного движения». В процессе «круговорота самости», который осуществляется посредством «второго рефлексивного движения», происходит освобождение этих горизонтов и становление исторического бытия жизни – она превращается в такое бытие («человеческую реальность»), в котором «без самости, без личности нет мира» [4]. Безусловная заслуга Сартра заключается в том, что он, кроме всего прочего, доказал, что мира нет не только без личности и самости, но и без свободы. Доказал, что освободить горизонты бытия человек может, лишь будучи свободным, т. е., как минимум, способным отличить себя «от бытия “человеческой реальности”» [4].

Отвечая на вопрос: «чем должна быть человеческая свобода, если посредством нее в мир приходит ничто?» [4], Сартр замечает: «Если спросят, каково это ничто, служащее основанием свободы, мы ответим, что его нельзя описать, поскольку оно не есть, но можно, по крайней мере, придать ему смысл, сказав, что это ничто является бывшим, посредством человеческого бытия в его отношениях с собой» [4]. По его мнению, «свобода и есть человеческое бытие, ставящее свое прошлое вне действия, выделяя свое собственное ничто» [4]. Она также есть не только *свобода бытия*, но и *свободное бытие* – «оно свободно, и его свобода есть в себе самой собственной границей» [4], которую бытие достигает с помощью будущего. Свободное бытие является будущим «человеческой реальности», которо-

го «нет, оно в возможности. Будущее является непрерывным становлением возможностей» [4].

Свобода бытия (прошлое) и свободное бытие (будущее) открывают и раскрывают ничто, но не в состоянии разомкнуть процесс его ничтожения. Для этого необходимо, чтобы его бытие было реализовано как *бытие свободы*, что возможно только путем освобождения ничто от соответствующих горизонтов «Я» этого бытия. А поскольку «Я являюсь бесконечностью возможностей» [4] и в нем «некоторая возможность выступает как более определяющая для смысла настоящего» [4], то в ряду бесконечных возможностей настоящего «существуют дыры» [4]. Они заполняются «посредством конституирования однородного времени, без пропусков, в ходе волевого действия, т. е. через рациональный и тематизирующий выбор в функциях моих возможностей, которые не являются и не будут никогда моими возможностями и которые я буду реализовывать в рамках полного безразличия, чтобы соединиться с возможностью, которой я являюсь» [4]. А этой возможностью Я является исключительно в *настоящем* времени. Выбирая его, Я выбирает себя – не свободу бытия и не свободное бытие, но бытие своей свободы.

В поисках свободы жизнь постигает, достигает и преодолевает горизонты своего бытия путем конституирования его «универсальной временности» на «основах первоначальной временности» [4]. Она открывает их как свободу бытия посредством постановки *прошлого* вне его действия. Бытие жизни раскрывает свободу как свободное бытие в виде *будущего* – непрерывного становления (делания) возможностей. Оно реализует свободу в *настоящем* в форме выбора человеком своих возможностей – выбора им бытия своей свободы и посредством установления им в настоящем способа «быть и не быть своим прошлым и будущим как бытием» [4].

С помощью экстазов временности ретроориентации конституируют горизонты исторического бытия жизни. Определяют возможности, способности, действия человека, пытающегося их достичь, раскрыть и преодолеть. Они предоставляют «живущему» относительную свободу бытия его жизни. Позволяют человеку в рамках свободного бытия обрести свою самость и в процессе реализации бытия свободы осуществить «круговорот самости» жизни. В том случае, если жизнь больна историей, а именно это сейчас и происходит в России и является предметом нашего исследования, в ней возникает огромный «избыток исторического» (Ницше), который в конечном итоге ничтожит жизнь, человека и историю. Прежде чем мы проанализируем происходящее с ними в условиях «избыточной истории», мы выделим и определим те исторические дискурсы, с помощью которых жизнь и история конституируют «круговорот самости» ретрожизни.

Исторические дискурсы «избыточной истории»

Перенасыщенность жизни историей, как считал Ницше, рождает иллюзию особенности переживаемой исторической эпохи, нарушает основные инстинкты народа, порождает веру в неизбывную старость человечества и контраст между внутренним и внешним исторической жизни людей, подрывает пластическую силу жизни, искажает ее горизонты и перспективы, парализует и подрывает жизненные силы человека, порождает иронию, цинизм и эгоизм в его практических устремлениях. В условиях «избыточной истории» историческое знание «перестает действовать в качестве мотива, преобразующего и побуждающего проявиться во вне, и остается скрытым в недрах некоего хаотического внутреннего мира, который современный человек со странной гордостью считает свойственной ему лично “духовностью”» [3]. Из-за избытка истории жизнь людей распадается «на мелкие куски, мы в нашем целом разделены полумеханически на внутреннее и внешнее, мы засыпаны понятиями, как драконовыми зубами, из которых выра-

тают понятия-драконы; мы страдаем болезнью слов, не доверяя никакому собственному ощущению, если оно еще не запечатлено в форме слов; в качестве такой мертвой и в то же время жутко шевелящейся фабрики понятий и слов» [3]. С их помощью осуществляется право человека и жизни на «пустое “бытие”» [3]. Избыточная история не только заглушает и опустошает жизнь, но и «в избытке истории человек снова перестает быть человеком» [3]. Она научается так жонглировать «чудовищными понятиями-ублюдками», что в процессе их присвоения человек погружается «в бесконечно-безграничное световое море познанного становления» [3] в котором он, лишенный жизни, веры в устойчивое и вечное, находит свою смерть – «смерть знания» [3].

Ницше был, безусловно, прав, когда писал, что «история должна сама разрешить проблему истории, знание должно обратить свое жало против самого себя» [3]. Змея должна проглотить свой хвост. Что она и делает, правда с прямо противоположным эффектом. С одной стороны, история конституирует в себе некие дискурсы, с помощью которых она пытается предать забвению всё то, что есть реальная историческая жизнь, но при этом все-таки удерживать уже «познанное становление» в определенных жизненных границах и пределах. С другой стороны, она находит в жизни и самой себе такие духовно-практические формы своего осуществления, такие в достаточной степени устойчивые и воспроизводимые ретроориентации, единство которых образует своеобразную систему координат, в которой в форме разных как бы «исторических» ситуаций, событий, состояний происходит «оживление» истории и «историоризация» жизни.

Современное историческое познание погружает нас в мир избыточности и пустоты с помощью вполне себе традиционных способов своего рефлексивного движения. Об их нетрадиционном использовании и соответствующих результатах много и подробно писал в свое время Ницше. По идее они были призваны помочь жизни открыть горизонты ее исторического бытия, раскрыть способы ее осуществления в качестве целостного и осмысленного исторического процесса, мира и исторической жизни – раскрыть возможности миропорядка, которые «как таковые придают ему единство и его смысл мира» [4]. Но в условиях обострения «исторической болезни», что и случилось в современной России, эти способы рефлексивного движения истории превратились в цепи, с помощью которых «живущий» человек оказывается навсегда прикован к прошлому – «как бы быстро он ни бежал, цепь бежит вместе с ним» [3].

Ницше выделял и анализировал три «рода истории», которые мы, в соответствии с современными представлениями о природе и структуре исторического познания, называем историческими дискурсами. По его мнению, история оказывает соответствующие услуги жизни с помощью «монументального, антикварного и критического» [3] дискурсов. Всякий из них открывает и «видит в главных инстинктах масс наиболее важные и значительные факторы истории, а на всех великих людей смотрит как на наиболее яркое выражение их, как на род пузырьков, отражающихся на поверхности воды» [3]. Вместе они фиксируют, отражают и выражают некую историческую силу, которая движет «в течение более или менее продолжительного времени такими массами» [3].

Монументальное воззрение на историю требует, «чтобы великое было вечным» [3]. Для того, чтобы «втиснуть индивидуальность прошлого в одну общую форму и в целях полного соответствия обломать все ее острые углы и линии» [3] и тем самым восстановить ее «полную иконическую истинность» [3], надо сделать не так уж и много – следует лишь проигнорировать причины. В результате история превратится в собрание «эффектов в себе», т. е. «таких событий, которые будут всегда и везде производить эффект» [3]. Которые «как амулет, носят на сердце предприимчивые натуры» [3]. В этом случае истории «грозит опасность

подвергнуться некоторому искажению, приукрашиванию и в силу этого сближению со свободным вымыслом» [3]. В случае господства монументального рода истории над всеми иными ее родами «целые значительные отделы прошлого предаются забвению и пренебрежению и образуют как бы серый, однообразный поток, среди которого возвышаются, как острова, отдельные разукрашенные факты» [3].

Тот, кто в отличие от человека, желающего создать великое как вечное, «желает оставаться в пределах привычного и освященного преданием, тот смотрит на прошлое глазами историка-антиквара» [3]. Он служит жизни посредством переселения душ: «консервативная и благочестивая душа антикварного человека как бы переселяется» [3] в «мелкое, ограниченное, подгнившее и устарелое» [3]. Он «открывает самого себя во всем этом» [3]. Здесь «жило недурно, говорит он, ибо и сейчас живет недурно; здесь можно будет жить недурно и в будущем, ибо мы достаточно упорны и с нами не так-то легко справиться» [3]. Историк-антиквар «приветствует душу своего народа как свою собственную душу» [3]. Его «способность проникать в сокровенный смысл событий, предчувствовать этот смысл, способность идти по почти стершимся следам, инстинктивное умение правильно читать закрывающие друг друга письма прошлого» [3] позволяют ему видеть лишь то, что «ограничено очень тесными горизонтами, многого они вовсе не замечают, а то немногое, что входит в круг их зрения, они видят слишком близко и слишком изолированно; они не находят подходящего масштаба для последнего» [3]. Это позволяет им вместо того, чего они не видят, помещать в историю свои жизненные инстинкты и аффекты, выдавать их за буйство жизни, не сохраняя, но «бальзамируя» ее, помещая, тем самым, человека в «атмосферу затхлости» [3]. Когда антикварная история заглушает все иные, она лишь сохраняет жизнь, но не порождает ее. Сдерживает ее энергетическую решимость и «парализует силы деятеля» [3]. Особо следует отметить ее умение озарять жизнь «парализованной» жизни, «скромные, суровые и даже убогие условия, в которых живет отдельный человек или народность, светом простого, трогательного чувства удовлетворения и довольства» [3].

Критический «род истории» провозглашает, что «человек должен обладать и от времени до времени пользоваться силой разбивать и разрушать прошлое, чтобы иметь возможность жить дальше» [3]. С этой целью он «привлекает прошлое на суд истории, подвергает последнее самому тщательному допросу и, наконец, выносит ему приговор» [3]. После того как приговор вынесен, начинается самое главное: жизнь с находящейся у нее на службе историей пытается «создать себе a posteriori такое прошлое, от которого мы желали бы происходить в противоположность тому прошлому, от которого мы действительно исходим» [3]. При этом она совершенно не допускает, «чтобы получился какой-нибудь результат в действительном значении этого слова, именно в смысле известного воздействия на жизнь и деятельность людей» [3]. Историческая «объективность» в этом случае добывается апологетами данного «рода истории» очень просто: «на самое четкое черным по белому они тотчас накладывают свою промокательную бумагу, самый изящный рисунок они пачкают жирными штрихами своей кисти, которые выдают за поправки, – и дело сделано» [3].

Когда жизнь с помощью истории использует прошлое в монументальном, антикварном, критическом смысле, ее ретроориентации не просто оживают. Они вне всякой меры, с избытком заполняются произведенными эффектами, аффектами и судебными решениями, с одной стороны, провоцирующими не просто риск заражения жизни «исторической болезнью», но ее превращение в эпидемию; с другой стороны, они пробуждают к жизни только те силы, которые при определенных условиях оказываются способными если и не вылечить болезнь, то локализовать

эпидемию, установить порядок жизни, гарантирующий ее продолжение и защиту людей если не от исторической смерти, то хотя бы от страха перед ней.

Прежде чем произвести «окончательный расчет с жизнью» [3], история с помощью все тех же исторических дискурсов пытается таким образом организовать ее ретроориентации – превратить их в устойчивые траектории своего движения, чтобы они не только не мешали ей, а, напротив, помогали посредством «избытка» истории сохранять и приумножать собственные жизненные силы. Что с того, что «в избытке истории человек снова перестает быть человеком» [3] и «оглядываясь назад, он чувствует себя слепым» [3]? Жизнь с «избыточной историей», но без человека может быть и не очень комфортна, но зато она всегда может с помощью своего верного слуги и его ретроориентаций воссоздать в себе то, что делает ее существование реально существующим. Потеря жизнью, вслед за человеком, своего исторического бытия возвращает ей некоторые возможности к существованию, пробуждает в ней способности к их осуществлению, превращает ее спонтанные действия в бурный, но сущностно ограниченный жизненный поток. То, что в этом случае происходит с жизнью, напоминает всё то, что с ней происходило в условиях эпидемии чумы. Тогда власть организовывала жизнь так, чтобы она могла эффективно противостоять эпидемии. В случае с эпидемией «исторической болезни» эту роль исполняют не просто «роды истории», которые, кроме всего прочего, сами по себе порождают «избыток» истории, но некие созданные при их участии ретроориентации, ставшие своеобразными «жизненными силами», способными организовать жизнь таким образом, чтобы ее прошлое стало единственным и предельным основанием ее осуществления – чтобы она могла «пользоваться прошлым как здоровой пищей» [3]. Об этих ретроориентациях, которые под куполом советской истории организуют ретрожизнь как исторический процесс, мир и историческую жизнь, мы и поговорим подробнее в следующем разделе нашего исследования.

Литература

1. Бодрийар Ж. Фатальные стратегии. – URL: <https://www.rulit.me/books/fatalnye-strategii-read-380828-1.html> (дата обращения: 04.02.2020).
2. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=285053&p=1> (дата обращения: 04.02.2020).
3. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни / пер. Я. Бермана. – СПб. : Лань, 2013. – URL: <https://e.lanbook.com/book/5897> (дата обращения: 04.02.2020).
4. Сартр Ж. П. Бытие и ничто : опыт феноменологической онтологии. – URL: <https://e-libra.ru/read/193325-bytie-i-nichto-opyt-fenomenologicheskoy-ontologii.html> (дата обращения: 04.02.2020).
5. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=95901&p=1> (дата обращения: 04.02.2020).

Vladimir Anatolyevich Loskutov,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Yekaterinburg)

Retro Life – Life Under the Dome of Soviet History (The First Article)

The article presents an attempt to reconstruct the ultimate historical foundations and forms of modern Russian life that turn it into Retro life. As the analysis showed, those “foundations” of Soviet history (totalitarianism, building socialism) occupy a special place among these bases, the specific unity of which, at present, forms the supporting structure of a kind of a dome erected by the authorities over the life and history of post-Soviet Russia. It is concluded that, under this dome, by the laws of “excess history” and with the help of the historical discourses,

generated by it, a kind of synthesis of some retro orientation takes place, as a result of which a stable coordinate system of the “cycle of the self” of the historical being of modern Russian life and history appears. The author claims that getting into this cycle, its being is not just depleted, but becomes meaningless - there comes a “catastrophe of meaning”. The article considers in detail how, with the help of which mechanisms and means, being under the dome of Soviet history, Retro life in an expanded scale reproduces the freedom of power and the lack of society's freedom, turns modern Russian history into meaningless and catastrophic life.

Keywords: Soviet history; Retro life; retro orientations; historical discourses; freedom; power; meaning.

Критика конформистского универсума в произведениях Ф. М. Достоевского и М. Хоркхаймера

Впервые в исследовательской литературе о Ф. М. Достоевском писатель выступает как крупнейший предшественник франкфуртской школы неомарксизма. В статье осуществлен компаративистский анализ философом М. Хоркхаймера и «русского Данте» сквозь призму амбивалентности конформизма и нонконформизма. Рассмотрены психосоциальные архетипы И. Ф. Карамазова, Н. Ф. Барашковой и «подпольного господина» в сопоставлении с антропологическими изысканиями И. Хоркхаймера в его монографии «Затмение разума». Авторы приходят к выводу о принципиальном мировоззренческом единстве между директором франкфуртского социологического института и русским классиком.

Ключевые слова: конформизм; нонконформизм; неомарксизм; франкфуртская школа социологии; затмение разума; Ф. М. Достоевский; М. Хоркхаймер.

Вопрос об эйдетических источниках франкфуртской школы критической социологии не является сугубо академическим, а имеет некоторое практическое значение, обусловленное кризисными явлениями современной мамонистической цивилизации. Мировые финансово-экономические катаклизмы, стремительное разрушение природной среды, деструкция общественной безопасности, проявляющаяся в значительном росте региональных военных конфликтов по линиям межцивилизационных разломов, – все это свидетельствует о необходимости поиска альтернативных моделей миропроектного устройства. Одним из подобных сценариев будущего развития человеческой цивилизации могут быть концептуальные разработки представителей франкфуртской школы неомарксизма. В качестве эйдетических предшественников данного направления мысли чаще всего называют самого К. Маркса, З. Фрейда, Г. Лукача, М. Вебера, Г. Гегеля и др. Но, по нашему мнению, практически все творчество Достоевского является ярчайшей увертюрой к работам представителей данной школы. Более того, «русский Данте» сформировал основные социально-политические идеи, выдвинутые франкфуртцами примерно за 70–80 лет до образования данного интеллектуального сообщества. Поскольку мы позиционируем Достоевского как одного из предшественников данной школы, нам следует подробнее остановиться на степени влияния русского классика на Э. Фромма, Г. Лукача, В. Беньямина, Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Хоркхаймера и др. Каким образом франкфуртцы оценивали и использовали произведения «русского Данте»? Стоит отметить, что в данном аспекте можно говорить о прямом и опосредованном воздействии идей Достоевского на основных представителей данной школы. Начнем с опосредованного влияния. В своем исследовании под названием «Достоевский, немецкая и австрийская проза XX в.» академик Г. М. Фридендер отметил, что многие выдающиеся литераторы Германии XX века испытывали на себе мощное, хотя и неоднозначное воздействие творчества русского классика, значительное число которых оставило многочисленные письменные свидетельства об этом факте [6]. Например, такие крупные немецко-австрийские поэты, культурологи и писатели, как Р. М. Рильке, М. Брод,

* **Алексей Владимирович Лесевицкий**, преподаватель кафедры общеобразовательных и гуманитарно-социальных дисциплин Пермского филиала Финансового университета (г. Пермь).
E-mail: Lesev100@mail.ru

** **Евгений Владиславович Ляхин**, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России (г. Пермь).
E-mail: Evgeny102@yandex.ru

Ф. Верфель, Г. Мейринк, Ф. Кафка, С. Цвейг, Г. Гессе, Т. Манн в своих многочисленных высказываниях отмечали незаурядный талант «русского Данте». Могли ли немецкие интеллектуалы из франкфуртской школы обойти своим вниманием произведения Ф. Кафки, С. Цвейга, Г. Гессе, Т. Манна? Полагаем, что нет. В данном контексте идеи Достоевского проходили многоуровневую абсорбцию в социокультурном и философском сознании творческой элиты Германии. С другой стороны, можно говорить о прямом воздействии идеологом Достоевского на некоторых представителей франкфуртской школы. Например, один из крупнейших теоретиков культуры XX века В. Беньямин в своей статье «“Идиот” Достоевского» достаточно подробно рассматривал это произведение, отмечая, что русский классик является выразителем самой сущности «славянской души». Представитель франкфуртской школы упрекает немецких исследователей Достоевского в том, что они делают излишний упор на рассмотрении психологизма персонажей романов, тогда как необходим социокультурный анализ русского почвенничества, порождающий столь необычное для западноевропейского человека литературное явление. Другим представителем франкфуртцев, испытавшим на себе прямое влияние мировоззренческого дискурса Достоевского, является Г. Лукач. Венгерский мыслитель в период с 1914-го по 1915 г. писал книгу о русском литературном гении, но по разным причинам данная монография не увидела света. Значительное число исследователей творческого наследия Г. Лукача отмечают существенное влияние произведений Достоевского на мировоззрение молодого философа. Какую проблематику произведений «русского почвенника» заимствовал молодой венгерский мыслитель для своих концептуальных построений? Бессилие добра в отчужденном мире буржуазного общества, проблема сущности террористического сознания, христианство как последняя надежда на сохранение старого и прогнившего социально-экономического строя, отчуждение человека от человека как проявление капиталистического уклада, массовое безумие в лихолетии гражданской войны, пролитие «крови по совести» – только небольшая часть тем, которые перенял венгерский мыслитель у русского литератора. Следующим примером прямого воздействия идеологом Достоевского на франкфуртцев является осмысление концепта свободы в романе «Братья Карамазовы» у Э. Фромма. Общеизвестно, что немецкий психоаналитик читал данное произведение и довольно высоко его оценивал. По мнению Э. Фромма, русский литератор крайне рельефно описал концепт самообмана личности, готовой оправдать жесточайшее насилие над другими людьми ради поставленной цели сохранения власти: «Какими бы ужасными ни были последствия их решений, им не нужно сомневаться в правильности и легитимности метода, которым они пришли к своему решению. Они действуют на основании веры, не сильно отличающейся от веры, на которой были основаны действия инквизиторов Святой Инквизиции. Как Великий Инквизитор Достоевского, некоторые могут быть даже трагическими фигурами, они не могут действовать иначе, поскольку не видят другого способа удостовериться, что они поступают наилучшим образом» [7, с. 256]. По нашему мнению, без мощной метафизической поддержки Достоевского книга «Бегство от свободы» могла не выйти в свет. Стоит заметить, что Э. Фромм использует концепт главы «Великий инквизитор» как важнейший источник для своей монографии. Общими аксиологическими парадигмами творчества мыслителей являются: исследование первообраза манипуляции сознанием, садомазохистское подполье души человеческой, процесс утраты личностью бытийственного самопонимания, динамика превращения индивида в конформиста-робота, диалектика инструментального разума, дегуманизирующая экзистенцию человека, и др.

К большому сожалению, кроме публикаций авторов этих строк, в отечественной историографии отсутствуют исследования, посвященные влиянию русского

литератора на западную неомарксистскую элиту [4; 5]. Мы в данной работе попытаемся выявить степень опосредованного воздействия идеологом Достоевского на одного из основателей франкфуртской школы М. Хоркхаймера. Выделим общие темы, характерные для творчества вышеуказанных мыслителей.

По мнению М. Хоркхаймера, инструментальный разум в своем тотальном господстве порождает из индивида конформиста-робота, который принимает мир таким, какой он есть. Но принятие мира, основанного на подавлении и господстве человека над человеком, неравенстве и эксплуатации, есть акт капитуляции личности. Нам представляется, что подобная проблематика крайне рельефно представлена в творчестве русского литератора.

Конформизм может трансформироваться до мирнейших форм рабства. Безусловно, социальная мимикрия – важнейший фактор адаптации и социализации человека в обществе, его выживания. Но М. Хоркхаймер задается вопросом: можно ли совестливому человеку, например, приспособиться к национал-социалистическому (нацистскому) проекту? Можно ли ощущать себя «интегрированным» в общество, в котором функционируют газовые камеры и лагеря смерти? По мнению директора франкфуртского социологического института, принять можно далеко не все и с некоторыми формами политического устройства общества необходимо вести перманентную борьбу. Критика франкфуртцев касается и современного «общества потребления», формирующего одномерный тип мышления и скрытые формы «сублимированного рабства» (Г. Маркузе). И именно «в великом отказе» от мира страданий и слез заключается экзистенциальная борьба человека за свое собственное аутентичное Я, за свою утраченную индивидуальность.

Стоит заметить, что впервые в истории отечественной мысли концепт «великого отказа» в форме неприятия мира выразил Достоевский, притом осуществил его художественно-публицистическую разработку значительно раньше Г. Маркузе и М. Хоркхаймера. Приведем пример. Бунт Ивана Карамазова против богоустроенной реальности, переполненной детскими страданиями, есть революция духа, не принимающая тезиса Г. Гегеля о том, что «все действительное разумно». Антиконформистские эскапады Достоевского в романе «Братья Карамазовы» достигают высочайшего накала. По нашему мнению, болен не Иван, а общество, в котором страдание, бесправие и несправедливость стали обыденностью, социум, в котором по закону конформистского мироустройства «одна гадина съедает другую», где разобщение, одиночество, конкуренция и нажива – общепринятые трафаретные нормы поведения личности: «Можно утверждать, что коллективное безумие, повсеместно наблюдаемое в нашем мире, от концентрационных лагерей до внешне безвредной массовой культуры, в зародыше уже присутствовало в примитивной объективации, в первом расчетливом созерцании человеком мира как добычи» [8, с. 202]. Иван изумлен «окаменелым бесчувствием» людей, которых все устраивает, «социальные рабы» довольны и буквально упоены своим бесправием, они испытывают мазохистское наслаждение от того, что политическая элита (дворяне) использует их как инструмент личного обогащения (эксплуатация крестьянства), как «пушечное мясо» в любой войне, словно некий обезличенно-анонимный объект. Использует во всевозможных социально-экономических экспериментах (реформы или контрреформы). Иван задается вопросом: можно ли чувствовать себя счастливым в обществе, где безнаказанно отдадут приказ о растерзании собаками маленького ребенка? Где одни являются средством для господства других? Бог ли создал этот наполненный страданиями невинных детей мир? Одновременно его изумляет обезличенность индивидов, страх проявить недовольство подобной ситуацией, желание «приспособиться» к подобным «социальным нормам», где «все действительное разумно», ведь конформизм предполагает реализацию жизненной стратегии «быть как все», не иметь собственных «диссидентских мыслей», тер-

петь многовековое рабство, страдание и унижение, прикрываемое именем Божиим. Можно утверждать, что нонконформистские эскапады Ивана Карамазова были квинтэссенцией русской социальной темы, трансформировавшейся от «религиозной проблематики» до проектов изменений социоиерархического устройства государства: «Бог – Творец этого мира, отрицается во имя справедливости и любви. Власть в этом мире злая, управление миром дурное. Нужно организовать иное управление миром, управление человеком, при котором не будет невыносимых страданий, человек человеку не будет волком, а братом. Такова первоначальная эмоциональная основа русской религиозности, такова подпочва русской социальной темы. При этом русская жизнь становится под знак острого дуализма. Бесчеловечность, жестокость, несправедливость, рабство человека были объективированы в русском государстве, в империи, были отчуждены от русского народа и превратились во внешнюю силу. В стране самодержавной монархии утверждался анархический идеал, в стране крепостного права утверждали социалистический идеал. Раненные страданиями человеческими, исходящие от жалости, проникнутые пафосом человечности, не принимали империи, не хотели власти, могущества, силы» [1, с. 119–120]. По мнению С. Г. Кара-Мурзы, Достоевского мы можем назвать первооткрывателем темы «манипуляция сознанием» в рамках отечественной литературы. Данный факт роднит творчество классика со многими теоретическими выкладками франкфуртцев. Иметь свое аутентичное Я – слишком большая роскошь в современном мире. По мнению М. Хоркхаймера, со времен Достоевского поменялся сам инструментарий конформистского обезличивания поработанных масс – появилась индустрия популярной культуры, медиасреда, СМИ, эффективно манипулирующая сознанием индивида: «Современная массовая культура – несмотря на свободное обращение с избитыми культурными штампами и ценностями – прославляет мир таким, какой он есть. Кино, радио, популярное чтение прописаны одним и тем же рефреном: это наш путь, это маршрут величия – эта действительность, которая есть, которая должна быть и которая будет» [8, с. 164]. Иван Карамазов, как носитель нонконформистского маркузианского сознания, возвращает свой билет Богу, он не готов смириться со страданием безвинных младенцев и несправедливостью этого мира. Для него сытая жизнь в огромном «хрустальном муравейнике» – это не гедонистический «маршрут величия», а дорога к тотальному рабству личности, смилившейся со своим трагическим положением, с гегелевским тезисом о том, что «все действительное разумно». В известном диалоге с Алешей Иван произносит: «Ну так представь же себе, что в окончательном результате я мира этого божьего – не принимаю, и хоть и знаю, что он существует, да не допускаю его вовсе. Я не Бога не принимаю, пойми ты это, я мира, им созданного, мира-то божьего не принимаю и не могу согласиться принять» [2, с. 265]. Казалось бы, бунт Ивана имеет исключительно религиозный контекст, но нам представляется, что эйдетическая конструкция романа «Братья Карамазовы» значительно сложнее, чем эманация проблемы веры и неверия, борьбы Бога и дьявола в сердцах людей. В рамках подхода франкфуртской школы социологии речь может идти не о Боге, это лишь первый пласт герменевтического анализа, а о власти, не о религии, а о тотальном метафизическом бунте против устоявшегося социального конструкта. В рамках школы фрейдизма, основные тезисы которой легли в основу политической теории франкфуртцев, восприятие надличностного демурга, воплотившегося в Боге, можно трактовать как проблему «Эдипового комплекса» в иерархии государства. В интерпретации фрейд-марксистов Бог – это метафизическое воплощение «сверх-Я», трансформировавшегося до уровня политической власти, устанавливающей жесткий морально-этический и правовой императив, выход за пределы которого карается разнообразными санкциями («угрызения совести», «депрессия», «суицидальные мысли», «тюремное заключение»

и т. д.). Некоторые наиболее импозантные персонажи «русского Данте», такие как Кириллов или Иван Карамазов, пытаются поставить себя на место Бога, провозглашая через этот акт анархического своеволия наступление эпохи метафизических и социальных революций. По мнению Ивана, богоустроенный порядок, систему иерархических отношений, основанных на подавлении одного человека другим, нельзя принять.

Значительная часть монографии М. Хоркхаймера «Затмение разума» посвящена критическому анализу философии прагматизма. Стоит заметить, что вышеуказанная школа получила наиболее мощное практическое воплощение в США. Немецкий мыслитель солидарен с Достоевским в том, что прагматизм превратил человека в исполнительного робота, просчитывающего свою жизнь на десятилетия вперед: «Прагматизм в своих попытках превратить экспериментальную физику в прототип всех наук и устроить все сферы интеллектуальной жизни по образцу лаборатории действует как двойник современного индустриализма, для которого, в свою очередь, прототипом человеческого существования выступает завод, а образцом для всех отраслей культуры является конвейерная линия или парадная атмосфера офиса» [8, с. 61]. Идеологи франкфуртской школы в рамках исследования общества потребления пришли к выводу, что личность превращена в «послушный автомат» с полностью рациональным поведением. Большинство «сублимированных рабов» (термин Г. Маркузе) одномерного общества полностью просчитали свою жизнь на целые десятилетия. Выгодный брак (экономический аспект), полезные для карьеры знакомства, востребованная и высокооплачиваемая профессия, поддержание в хорошем состоянии физического здоровья, поддержка любой власти – все это проявление радикальнейшего рационализма, где нет места случайному, спонтанному поступку или действию. Люди стали заложниками своих же «математических расчетов», они утратили свою подлинность.

Каким образом данная проблема представлена в творчестве Достоевского? Например, в рамках философии прагматизма поступок Настасьи Филипповны Барашковой из романа «Идиот» можно квалифицировать как тяжелую форму сумасшествия, так как рациональный человек никогда не бросил бы в огонь сумму в 100 000 рублей. Фантастическая сумма, если рассматривать индекс цен той эпохи. Более того, он попытался бы удвоить или утроить данный капитал, спланировал бы многообразные цели, на которые его можно было бы потратить. Но данная модель массового поведения – прообраз сублимированного раба, всегда действующего по шаблону и не имеющего своего подлинного Я. Тогда как Настасья Филипповна – это личность с аутентичным внутренним миром, не желающая, чтобы её жизнь проживали другие: «Однако при современной форме индустриализма на передний план вышла обратная сторона рациональности – роль нонконформистской критической мысли в формировании общественной жизни, спонтанность индивидуального субъекта и его непринятие готовых моделей поведения» [8, с. 69]. Спонтанность и непредсказуемость некоторых наиболее импозантных персонажей Достоевского роднит его с теоретическими выкладками многих представителей франкфуртской школы политической социологии.

Приведем другой пример, подтверждающий наш тезис о том, что творчество русского литератора является ярчайшей увертюрой к социальной философии франкфуртской школы. М. Хоркхаймер и его коллега и единомышленник Г. Маркузе настаивали на том, что капиталистический социум, разросшийся до общества всеобщего потребления, предельно рационализировал индивида. Каждая пора данного социума подвержена контролю, трансформации и управлению в целях экономической и политической элиты. Контроль над социумом осуществляют не только репрессивные органы и спецслужбы, но и экономика в целом, формируя ложные потребности и «одномерный тип личности». По мнению франкфуртцев, в

рамках общества потребления существует только одна форма идеологии – эгоистический прагматизм, отстаивание сугубо личных интересов. Деньги, собственность, власть и известность – это элементы мировоззренческого базиса, через который осуществляется скрытое управление современным обществом. М. Хоркхаймер и Г. Маркузе писали, что на сопротивление подобной системе способны только маргиналы, люди, загнанные в глубокое социоиерархическое подполье, так как их не коснулась мощная соблазнительная сила пропаганды «мещанских ценностей». Стоит заметить, что примерно за 82 года до откровений М. Хоркхаймера Достоевский создал подобного «метафизического революционера» в своем произведении «Записки из подполья». «Русский Данте» в своей творческой лаборатории сконструировал удивительного персонажа, который отрицает все ценности «общества потребления», а следовательно, выходит из-под контроля системы, основанной на «товарном фетишизме»: «Ведь ваши выгоды – это благоденствие, богатство, свобода, покой, ну и так далее, и так далее; так что человек, который бы, например, явно и зазнамо пошел против всего этого реестра, был бы, по-вашему, ну да и, конечно, по-моему, обскурант или совсем сумасшедший, так ли?» [3, с. 466]. В отличие от своих одноклассников он не желает делать карьеру, участвовать в абсурдной гонке потребления. Его не прельщают ни высокие должности, ни возможность приобретения капитала, который дает чувство власти над людьми и обстоятельствами («ротшильдовская идея»). Он иной, не шаблонный индивид «общества потребления», и самим фактом наличия аутентичного миропонимания он вызывает желчную ненависть у своих «школьных товарищей», ибо они воплощение посредственности и самого духа мещанства, а он нет. Безусловно, концептуально «подпольный господин» Достоевского крайне близок антропологическому концепту М. Хоркхаймера, который в своей книге «Затмение разума» достаточно подробно описал психосоциальный архетип конформистов, подобных Зверкову, Трудолюбову и других персонажей из произведения «Записок из подполья». Они навсегда потеряли себя, являясь обезличенным продуктом «торговой цивилизации» (в терминологии В. Зомбарта): «Единственный открытый перед ним путь – это путь подражания. Своими реакциями он как бы постоянно выражает понимание самого себя, причем делает это не только сознательно, но и всем своим существом, имитируя характерные черты и установки, представляемые теми коллективами, в которые он вовлечен, – товарищами по игре, одноклассниками, спортивной командой и другими группами. И, как было уже сказано, эти группы в силу полной ассимиляции индивида принуждают к еще более последовательному конформизму и к еще более безысходному подчинению» [8, с. 163]. Потеря собственной личности – это процесс утраты аутентичного Я, и Достоевский значительно раньше М. Хоркхаймера на страницах своих произведений подробно описал алгоритмику данного трагического процесса.

Таким образом, исходя из логики наших аргументов, мы можем назвать Достоевского одним из ярчайших предшественников франкфуртской школы критической социологии. Русским мыслителем задолго до появления монографии М. Хоркхаймера «Затмение разума» описан процесс трансформации личности, превращение ее в «программируемый автомат». Более того, предвосхищая многие идеи немецкого социального философа, Достоевский предложил читающей публике альтернативную личность, «бунтующего человека», который не желает быть «фортепьянной клавишей» и ведет бескомпромиссную борьбу за свой сугубо аутентичный внутренний мир, даже если шансы на успех минимальны («Записки из подполья»).

Литература

1. Бердяев Н. А. Русская идея // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М. : Наука, 1990. – С. 43–271.
2. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Ч. 1, 2. – М. : Художественная литература, 1972. – 365 с.
3. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 15 т. – Т. 4. – Л. : Наука, 1989. – 782 с.
4. Кац И. И., Крюков А. В., Лесевицкий А. В. Достоевский как предшественник франкфуртской школы критической социологии // Наука сегодня: фундаментальные и прикладные исследования : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Вологда, 27 сентября 2017 г. : в 2 ч. – Ч. 1. – Вологда : ООО «Маркер», 2017. – С. 126–127.
5. Лесевицкий А. В. «Одномерный человек» как философская проблема в творчестве Г. Маркузе и Ф. М. Достоевского // Антро. – 2013. – № 1 (12). – С. 114–132.
6. Фридендер Г. М. Достоевский, немецкая и австрийская проза XX в. // Достоевский в зарубежных литературах. – Л. : Наука, 1978. – С. 117–175.
7. Фромм Э. Психоанализ и этика. – М. : Республика, 1993. – 415 с.
8. Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума. – М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2011. – 224 с.

Alexey Vladimirovich Lesevitsky,

Lecturer, Department of Educational, Humanitarian and Social Disciplines,
Perm Branch of the Financial University (Perm)

Evgeny Vladislavovich Lyakhin,

Lecturer, Department of State and Legal Disciplines of the Perm Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia(Perm)

Criticism of the Conformist Universe in the Works of F. M. Dostoevsky and M. Horkheimer

For the first time in the research literature about F. M. Dostoevsky, the writer appears as the largest predecessor of the Frankfurt school of neo-Marxism. The article provides a comparative analysis of the philosophemes of M. Horkheimer and the “Russian Dante” through the prism of ambivalence of conformism and nonconformism. The psychosocial archetypes of I. F. Karamazov, N. F. Barashkova and the «underground master» are considered in comparison with the anthropological inventions of I. Horkheimer in his monograph “The Eclipse of Reason”. The authors conclude that there is a fundamental ideological unity between the Director of the Frankfurt sociological Institute and the Russian classical scholar.

Keywords: conformism; nonconformism; neo-Marxism; Frankfurt school of sociology; Eclipse of reason; F. M. Dostoevsky; M. Horkheimer.

«Нейронаучный поворот» и эксперименты Дж. Грина: этико-антропологические импликации

В статье рассматривается экспансия нейронаучного знания за пределы биологии и медицины в течение последних двух десятилетий. Значимой для философии частью этого «нейронаучного поворота» стало появление в начале 2000-х гг. и последующее развитие нейроэтики – области исследований, соединяющей нейронаучное знание с этической и социальной мыслью. Рассматриваются исследования принятия морального решения, проведенные Дж. Грином и его коллегами. На основе проведенного исследования делаются этико-антропологические выводы, связанные с принятием морального решения и реализацией морального суждения.

Ключевые слова: «нейронаучный поворот»; нейроэтика; Джошуа Грин; принятие морального решения; моральное суждение.

Рубеж XX–XXI вв. ознаменовался бурным развитием нейронауки. Сам термин «нейронаука» получил распространение в начале 2000-х гг. и в настоящее время не имеет четкого определения. Согласно доминирующим подходам, нейронаука в целом определяется как «многоуровневая, мультидисциплинарная область знания, включающая в себя морфологические, функциональные и физические исследования центральной нервной системы» [12, р. 59]. Нейронаука, определяемая таким образом, является мультидисциплинарным направлением исследований в биологии и сочетает в себе физиологию, анатомию, молекулярную биологию, цитологию, био/нейрохимию и психологию [2, р. 688]. Существуют и более широкие представления о нейронауке, согласно которым в ее состав следует включить нейрофилософию, нейропсихологию, нейроинформатику, нейрогенетику, нейробиологию, нейросоциологию, нейроэтику и ряд других научных направлений [1, с. 6]. Сам факт существования столь широких представлений о нейронауке указывает на стремительную экспансию нейронаучного знания в течение последних двадцати лет далеко за пределы биологии и медицины, с которыми оно привычным образом связывалось ранее. Американский исследователь и предприниматель Зак Линч охарактеризовал эту экспансию как революционную, сопоставимую по своему воздействию на жизнь общества с промышленной и информационной революциями [9, р. 10]. Некоторые исследователи указывали на стремительное распространение нейронауки как на свидетельство рождения «нейрообщества», в котором все области жизни и производство нового знания находятся (или скоро будут находиться) под знаком «нейро» [8, р. 1]. Нейронаука, принимаемая широким кругом областей знания о человеке и обществе, обещает нам объяснить принятие человеком решений; по-новому осмыслить прошлое, особенно в контексте «глубокой истории»; раскрыть взаимоотношения культуры и мозга; изучить нейронные основания созерцания и творения произведений искусства; изучить сенсорно-двигательные, когнитивные и эмоциональные реакции потребителей на маркетинговые стимулы; понять, как биологические системы осуществляют социальные процессы и поведение; исследовать взаимодействие мозга и политики; изучить нейронные основания духовности и многое другое. Претензии нейронауки на роль «новой философии» пока не удовлетворены и, возможно, не будут

* **Игорь Сергеевич Бельский**, старший преподаватель кафедры социальной философии Уральского гуманитарного института УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

удовлетворены в ближайшее время, но факт ее распространения на многие области знания говорит о существенных изменениях в междисциплинарных исследованиях. Эти изменения в трудах некоторых исследователей были обозначены как «нейронаучный поворот» или «нейроповорот» [8].

Важнейшей и едва ли не самой значимой для философии частью этого «нейроповорота» стало формирование в начале 2000-х гг. и последующее развитие нейроэтики – новой области исследований, соединяющей нейронаучное знание с этической и социальной мыслью. Впервые сам термин «нейроэтика» был использован как неологизм немецким ученым, пионером в области нейропсихиатрии Аннелизе Понтиус в ее статье 1973 г. «Нейроэтика “ходьбы” у новорожденного» [10]. Рассматривая вопросы о возможных задержках в развитии когнитивных функций из-за слишком ранней и чрезмерной стимуляции моторного развития на спинально-рефлексном уровне у младенцев, А. Понтиус указала на необходимость обращения к «новой и пренебрегаемой области этического интереса – нейроэтике» [10, р. 244]. С ее точки зрения, это понятие подчеркивает важность осознания неврологических фактов и импликаций в процессе экспериментирования с подвижностью новорожденных. Позднее, в 1989 г., слово «нейроэтик» было использовано американским неврологом Рональдом Крэнфордом для обозначения специалиста-невролога, активно участвующего в деятельности институциональных комитетов по этике и служащего в качестве консультанта по этике. Р. Крэнфорд рассмотрел роль и функции «нейроэтика» и привел общераспространенные клинические примеры, иллюстрирующие его ценность при столкновении с нейроэтическими дилеммами в клинической обстановке [4]. В 1991 г. канадско-американский философ Патрисия Чёрчленд опубликовала статью «Наш мозг, наше Я: размышления о нейроэтических вопросах». С точки зрения П. Чёрчленд, исследования в нейронауке поднимают множество этических вопросов, среди которых она выделила два основных: а) должны ли люди приобретать знания о том, как работает их мозг? и б) если предположить, что нейронаука дает такое знание, то каковы этические ограничения применений этого знания? [3, р.77]. Уже в этих первых употреблениях термина «нейроэтика» можно различить два тесно взаимосвязанных контекста размышлений: важность использования нейронаучного знания для разрешения этических вопросов и дилемм и необходимость этичности использования самого этого знания.

Оформление нейроэтики в самостоятельную область исследований произошло в 2002 г. в США на конференции «Нейроэтика: картирование исследовательского поля», организованной Фондом Даны. В конференции приняли участие философы, неврологи, психологи, юристы, медики и представители других областей знания. По итогам этой конференции американский невролог и философ Адина Роскис опубликовала статью «Нейроэтика для нового тысячелетия», в которой представила двучастное деление нейроэтики на «этику нейронауки» и «нейронауку этики» [11]. «Этика нейронауки» – это этическая рефлексия по поводу манипуляций человеческим мозгом, его лечения, совершенствования, нежелательного вмешательства в его деятельность, а также практического применения нейротехнологий. «Нейронаука этики», согласно А. Роскис, – это исследование биологической основы этической мысли и поведения и того, каким образом само это исследование могло бы влиять на наше этическое мышление и информировать его. В дальнейшем такое двучастное деление стало общепринятым и доминирующим в исследованиях по нейроэтике. Некоторые исследователи представляют исследовательскую сферу «нейронауки этики» как более широкую. Так, например, Нил Леви рассматривает «нейронауку этики» как способы, которыми новое знание, появляющееся из наук о сознании, освещает традиционные философские темы: какова природа нравственности? чем объясняются потери самоконтроля? когда

убеждения обоснованны? как следует стремиться к знанию и достигать его? Н. Леви отмечает, что «эти вопросы, идущие в самое сердце того, что значит быть человеком, не имеют никакого реального аналога в биоэтике» [7, р. 2].

В настоящее время нейронаука значительно продвинулась в понимании и идентификации нейронных коррелятов этического мышления. Одним из ключевых принципов исследований, проводимых в рамках нейроэтики, является признание важности взаимодействия нейронаучной концепции человека и этических концепций и теорий. Возможно, наиболее яркое воплощение этот принцип получил в пионерном исследовании американского экспериментального психолога, невролога и философа Джошуа Грина и его коллег. В 2001 г. исследовательская группа Дж. Грина опубликовала результаты своего исследования эмоционального вовлечения в моральное суждение [6]. Исследование было проведено с помощью функциональной магнитно-резонансной визуализации. Отмечая традиционное противостояние рационализма, подчеркивающего роль разума в моральном суждении, и тенденции ставить усиленный акцент на эмоции, Дж. Грин и его коллеги указывали на то, что о природе взаимодействия разума и эмоции, об их нейронных коррелятах и о факторах, модулирующих их соответствующие поведенческие влияния в контексте морального суждения, было известно относительно мало. В двух исследованиях с помощью функциональной магнитно-резонансной визуализации, используя моральные дилеммы, Дж. Грин и его коллеги применили методы когнитивной нейронауки в изучении морального суждения.

В каждом из двух проведенных экспериментов девять участников, будучи подвергнуты сканированию мозга, принимали решения о приемлемом действии в сценариях, выражающих моральные дилеммы, хорошо известные моральным философам [13, р. 94–116]. Одна из дилемм – «дилемма трамвая»: потерявший управление трамвай движется на пятерых людей, которые погибнут, если он продолжит движение своим курсом. Единственный способ спасти их – перевести стрелку таким образом, чтобы трамвай свернул на другой путь, двигаясь по которому он убьет одного человека вместо пятерых. Должны ли вы повернуть трамвай, чтобы спасти пятерых людей ценой жизни одного? Большинство людей отвечает «да». В другой дилемме, «дилемме пешеходного моста», как и в первой дилемме, существует угроза гибели людей под колесами неуправляемого трамвая. Вы стоите рядом с большим грузным незнакомцем на пешеходном мосту через трамвайный путь между приближающимся трамваем и пятью людьми. В этом сценарии единственный способ спасти пятерых людей – столкнуть этого незнакомца с моста вниз, на путь. Он погибнет, если вы это сделаете, но его тело не позволит трамваю добраться до других. Должны ли вы спасти пятерых других, обрекая этого незнакомца на смерть? Большинство людей отвечает «нет».

Взятые вместе, эти две дилеммы ставят трудный **этический** вопрос: что делает морально приемлемым пожертвование одной жизнью для спасения пяти других в «дилемме трамвая», но не в «дилемме пешеходного моста»? Дж. Грина и его коллег не удовлетворил стандартный ответ в духе кантовской моральной философии, согласно которому у людей есть права и столкновение большого человека с моста нарушило бы его права. Перенаправление же трамвая на боковой путь не нарушает чьих-либо прав, поскольку мы не используем человека, находящегося на боковом пути, как средство. Этот несчастный человек просто попадает на пути. Дж. Грин и его коллеги посчитали этот ответ только одним из возможных вариантов ответа, каждый из которых не обладает достаточной степенью убедительности. Все предложенные решения этой проблемы, на их взгляд, сталкиваются с диалектическими трудностями. Если решение этой проблемы и существует, то оно не поддается прямой, непосредственной формулировке. Как указывают Дж. Грин и его коллеги, «нет никакого набора последовательных, легкодоступных

моральных принципов, схватывающих интуиции людей, касающиеся того, какое поведение допустимо или недопустимо в этих и аналогичных случаях» [6, р. 2106]. В связи с этим Дж. Грин и его коллеги формулируют трудный **психологический** вопрос: каким образом получается, что почти каждому удается заключить, что приемлемо пожертвовать одной жизнью ради пяти других в «дилемме трамвая», но не в «дилемме пешеходного моста», несмотря на тот факт, что удовлетворительное обоснование разграничения этих двух случаев удивительно трудно найти?

В своем исследовании Дж. Грин и его коллеги исходили из предположения, согласно которому и разум, и эмоция играют важную роль в моральном суждении. Однако в контексте двух представленных дилемм, как они полагали, мысль о «толкании кого-то на смерть» является более эмоционально яркой, чем мысль о переводе стрелки, в результате которого трамвай производит аналогичные последствия, и именно эта эмоциональная реакция объясняет тенденцию людей интерпретировать эти случаи по-разному. Наряду с этой гипотезой, касающейся двух дилемм, Дж. Грин и его коллеги выдвинули более общую гипотезу относительно морального суждения: некоторые моральные дилеммы (релевантно аналогичные «дилемме пешеходного моста») вызывают эмоциональную обработку в большей степени, чем другие (релевантно аналогичные «дилемме трамвая»), и эти различия в эмоциональном вовлечении влияют на суждения людей. Эта гипотеза являлась общей и основной гипотезой исследования Дж. Грина и его группы.

Опираясь на труды о нейронных коррелятах эмоций, Дж. Грин и его коллеги выдвинули ряд гипотез, связывающих нейронную активность и реакции испытуемых на предлагаемые сценарии в контексте указанных дилемм. Первая гипотеза состояла в том, что области мозга, связанные с эмоциями, более активны в процессе рассмотрения таких дилемм, как «дилемма пешеходного моста», по сравнению с процессом рассмотрения таких дилемм, как «дилемма трамвая». Люди склонны к яркой автоматической эмоциональной реакции на «дилемму пешеходного моста», ведущей их к суждению о предлагаемом действии как о неприемлемом. Вторая гипотеза состояла в том, что те относительно редкие индивиды, которые, тем не менее, судят об этом действии как о приемлемом, делают это вопреки уравнивающей эмоциональной реакции и демонстрируют более долгое время реакции как результат эмоциональной интерференции, аналогичной той, которая наблюдается в когнитивных задачах, подобных задаче Струпа. В этой задаче идентичность слова, обозначающего цвет, может мешать способности испытуемых назвать цвет, в котором оно показывается (например, сказать «зеленый» в ответ на слово «красный», написанное зелеными чернилами). То есть в тех случаях, когда ответ испытуемого не соответствует эмоциональной реакции (например, сказать «приемлемо» для такой дилеммы, как «дилемма пешеходного моста») демонстрируется более долгое время реакции. Третья гипотеза состояла в том, что указанные эффекты отсутствуют в контексте таких дилемм, как «дилемма трамвая», которая, согласно предположению Дж. Грина и его коллег, с меньшей вероятностью вызвала бы сильную эмоциональную реакцию.

В каждом из двух исследований, эксперименте 1 и 2, Дж. Грин и его коллеги использовали 60 практических дилемм. Эти дилеммы были поделены по «моральной» и «неморальной» категориям. Для каждой моральной дилеммы были разработаны три критерия с целью зафиксировать различие между интуитивно «близким и личным» (и предположительно более эмоциональным) сценарием в «дилемме пешеходного моста» и интуитивно более безличным (и предположительно менее эмоциональным) сценарием в «дилемме трамвая». В соответствии с этими критериями одни моральные дилеммы были отнесены к «морально-личному» состоянию, другие – к «морально-безличному». Морально-личные дилеммы вклю-

чали в себя версию «дилеммы пешеходного моста», морально-безличные дилеммы – версию «дилеммы трамвая». Испытуемые отвечали на каждую дилемму, указывая, судили ли они о действии, которое она предлагает, как о «приемлемом» или «неприемлемом».

В результате проведенного эксперимента Дж. Грин и его коллеги обнаружили, что те области мозга, о которых известно, что они связаны с эмоциями (ПБ 9 и 10, медиальная лобная извилина; ПБ 31, задняя поясная извилина; ПБ 39, угловая извилина, билатерально), были значительно более активны в морально-личном состоянии, чем в морально-безличном и неморальном состояниях. Области, о которых известно, что они связаны с рабочей памятью и становятся менее активными в процессе эмоциональной обработки информации по сравнению с периодами когнитивной обработки (ПБ 46, средняя лобная извилина, справа; ПБ 7/40, теменная доля, билатерально), были значительно менее активны в морально-личном состоянии, чем в двух других состояниях. В ПБ 39 (билатерально), ПБ 46 и ПБ 7/40 (билатерально) не было зафиксировано никакого значимого различия между морально-безличным и неморальным состояниями.

Эксперимент 2 проводился для повторения результатов эксперимента 1 и, кроме того, для получения данных относительно суждений испытуемых и времени их реакций. Результаты эксперимента 2 почти полностью повторили результаты эксперимента 1, за исключением того, что в эксперименте 2 не было зафиксировано никакого различия в ПБ 9/10 между морально-безличным и неморальным состояниями и не было обнаружено никаких различий для ПБ 46. Кроме того, эксперимент 2 показал, что среднее время реакции испытуемых больше в тех случаях, когда они выносят суждение вопреки своим эмоциональным реакциям на дилемму (т. е. когда они судят о столкновении человека с моста как о морально приемлемом действии), чем в тех случаях, когда их суждения соответствуют их эмоциональным реакциям (т. е. когда они решают, что морально неприемлемо столкнуться с человеком с моста).

В каждой из областей мозга, идентифицированных в экспериментах 1 и 2, морально-личное состояние имело эффект, значительно отличающийся как от морально-безличного, так и от неморального состояния. Эксперименты показали увеличенное эмоциональное вовлечение в морально-личном состоянии. Суждения относительно «безличных» моральных дилемм оказались больше похожи на суждения, касающиеся неморальных дилемм, чем на суждения, касающиеся «личных» моральных дилемм.

На основе полученных данных Дж. Грин и его коллеги сделали вывод о том, что моральные дилеммы систематически разнятся в той степени, в какой они вызывают эмоциональную обработку информации, и что эти различия в эмоциональном вовлечении влияют на моральное суждение. Дж. Грин и его коллеги считали, что результаты их экспериментов могут прояснить некоторые трудности в теории морального суждения. **Психологический вывод**, сделанный Дж. Грином и его группой, заключался в том, что ключевое различие между «дилеммой трамвая» и «дилеммой пешеходного моста» лежит в способности второй дилеммы вызывать эмоции людей таким образом, каким этого не делает первая. Способность людей заключить, что пожертвование одним ради пятерых приемлемо в одном случае, но не в другом, Дж. Грин и его коллеги объяснили возникающей эмоциональной реакцией. При этом они охарактеризовали свое объяснение именно как психологическое, а не философское и, следовательно, как описательное, а не предписательное. Дж. Грин и его коллеги не намеревались показать, что какие-либо действия или суждения являются морально правыми или неправыми. Также из результатов экспериментов не следует, что эмоциональная реакция – это единственный детерминант суждений относительно моральных дилемм, обсуждав-

шихся в их исследовании. Напротив, Дж. Грин и его коллеги подчеркивали, что поведенческое влияние этих эмоциональных реакций наиболее сильно выявлялось в принятии решения испытуемыми, которые судили вопреки своим эмоциям.

Эксперименты Дж. Грина и его коллег продемонстрировали существование систематических вариаций вовлечения эмоций в моральное суждение. Была зафиксирована четкая корреляция между определенными характерными чертами, отличающими «дилемму трамвая» от «дилеммы пешеходного моста», и образцами нейронной активности в областях мозга, связанных с эмоциями.

Хотя Дж. Грин и его коллеги настойчиво утверждали, что результаты их экспериментов носят именно психологический, а не философский характер, мы считаем, что на основе проведенного Дж. Грином и его коллегами исследования можно сделать некоторые этико-антропологические выводы. Первый вывод заключается в том, что моральное суждение напрямую зависит от существенных особенностей обстоятельств, вызывающих (или неспособных вызвать) наши эмоции. Сам Дж. Грин и его коллеги считают дальнейшую идентификацию этих особенностей важной исследовательской задачей. Второй важнейший вывод состоит в том, что какого-либо единого универсального механизма («рационалистского» или «эмотивистского») принятия морального решения и реализации морального суждения не существует. Далее, интуитивные заключения в «морально-личных» и «морально-безличных» состояниях (различие личного/безличного Дж. Грин и его коллеги считают лишь «первым срезом» на пути к идентификации особенностей обстоятельств, вызывающих или не способных вызвать эмоции) определяются возникающей эмоциональной реакцией. Важнейшим выводом, на наш взгляд, можно считать то, что моральное суждение определяется (поддерживается) либо автоматическими эмоциональными реакциями, либо сознательным «делиберативным» рассуждением. Два вида суждения и оценивания обусловлены, по сути, двумя различными нейронными системами. Остается открытым вопрос о том, является ли интуитивно реализуемый критерий моральной приемлемости действия в сложных моральных дилеммах критерием «должного» (в полном смысле этого слова) или «желаемого» (в морально релевантном смысле этого слова) и приводит ли вызываемая эмоциональная реакция к «должному» действию или, напротив, удаляет нас от него.

Имея в виду стремление Дж. Грина и его коллег пройти неким «срединным путем» между традиционным рационализмом и новейшими версиями эмотивизма в исследовании морального суждения, необходимо отметить, что непроясненным у них остается вопрос о соотношении эмоционального и когнитивного. В своих экспериментах Дж. Грин и его коллеги исходили из явного противопоставления эмоционального и когнитивного принятия морального решения. В дальнейших исследованиях [5] они утверждали, что эмоции участвуют в когнитивной обработке информации. От прояснения этого вопроса зависит правдоподобность и обоснованность результатов и выводов, сделанных Дж. Грином и его коллегами, а также эффективность использования нейронаучного понимания механизмов принятия морального решения для дальнейшего осмысления и развития этических концепций и теорий.

Литература

1. Иллес Дж., Бёрд С. Дж. Нейроэтика: этика нейронауки в современном контексте // Человек. – 2015. – № 6. – С. 5–20.
2. Ayd F. J. Jr. *Lexicon of Psychiatry, Neurology and the Neurosciences*. – Philadelphia : Lippincott Williams & Wilkins, 2000.

3. Churchland P. S. *Our Brains, Our Selves: Reflections on Neuroethical Questions* // *Bioscience – Society* / Eds. D. J. Roy, B. E. Wynne, R. W. Old. – John Wiley & Sons, 1991. – P. 77–96.
4. Cranford R. E. *The Neurologist as Ethics Consultant and as a Member of the Institutional Ethics Committee: the Neuroethicist* // *Neurologic Clinics*. – 1989. – Vol. 7. – P. 697–713.
5. Greene J. D., Nystrom L. E., Engell A. D., Darley J. M., Cohen J. D. *The Neural Bases of Cognitive Conflict and Control in Moral Judgment* // *Neuron*. – 2004. – Vol. 44. – P. 389–400.
6. Greene J. D., Sommerville R. B., Nystrom L. E., Darley J. M., Cohen J. D. *An fMRI Investigation of Emotional Engagement in Moral Judgment* // *Science*. – 2001. – Vol. 293. – P. 2105–2108.
7. Levy N. *Introducing Neuroethics* // *Neuroethics*. – 2008. – Vol. 1. – P. 1–8.
8. Littlefield M. M., Johnson J. M. *Introduction. Theorizing the Neuroscientific Turn – Critical Perspectives on a Translational Discipline* // *The Neuroscientific Turn. Transdisciplinarity in the Age of the Brain* / Eds. M. M. Littlefield, J. M. Johnson. – The University of Michigan Press, 2012.
9. Lynch Z. *Neuroevolution: How Brain Science is Changing Our World*. – New York : St. Martin's Press, 2009.
10. Pontius A. A. *Neuro-ethics of “Walking” in the Newborn* // *Perceptual and Motor Skills*. – 1973. – Vol. 37. – P. 235–245.
11. Roskies A. L. *Neuroethics for the New Millenium* // *Neuron*. – 2002. – Vol. 35, No. 1. – P. 21–23.
12. Shulman R. G. *Brain Imaging: What It Can (and Cannot) Tell Us About Consciousness*. – New York : Oxford University Press, 2013.
13. Thomson J. J. *Rights, Restitution and Risk. Essays in Moral Theory* / Ed. W. Parent. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 1986.

Igor Sergeevich Belski,

Senior Lecturer, Department of Social Philosophy,
Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg)

**The “Neuroscientific Turn” and J. Greene’s Experiments:
Ethical and Anthropological Implications**

The article discusses the expansion of neuroscientific knowledge beyond biology and medicine over the past two decades. The emergence in the early 2000 and further formulation of neuroethics – a part of this "neuroscientific turn" – became meaningful for philosophy, since it, as an area of study, unites neuroscientific knowledge with ethic and social thought. The authors highlighted the research on moral decision making by J. Green et al. Based on the research conducted, ethical and anthropological conclusions are drawn.

Keywords: “neuroscientific turn”; neuroethics; Joshua Greene; moral decision making; moral judgment.

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

**Конституционная Россия:
качество жизни – ценности, институты – качество власти
(обзор материалов выступлений на первом «Ельцин-форуме»
в Екатеринбурге)**

12 декабря 2019 г. прошел первый на Урале «Ельцин-форум» «Конституционная Россия: качество жизни – ценности, институты – качество власти». Целью Форума стал анализ способов и результатов формирования базовых ценностей и норм конституционного развития России в условиях внутренних трансформаций общественной жизни и стремительно меняющегося глобального мира. Форум объединил представителей гражданского общества и органов государственной власти, представителей академического и педагогического сообщества, уральского бизнеса, студенческой молодежи, теоретиков и практиков, известных экспертов.

Организаторами форума выступили Президентский центр Б. Н. Ельцина и Народный университет российского конституционализма, среди партнеров форума – Аппарат Уполномоченного по правам человека в Свердловской области, УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Гуманитарный университет, УрИ РАНХиГС при Президенте РФ, Союз малого и среднего бизнеса Свердловской области, Молодежное отделение Российского общества политологов в Свердловской области, Свердловское региональное отделение Российской ассоциации политической науки (РАПН).

Разработчиком концепции Ельцин-форума стал **Г. Э. Бурбулис**, первый государственный секретарь России, ректор-основатель Народного университета российского конституционализма (далее – НУРК), программным директором выступил **Е. В. Николаев**, проректор по развитию НУРК.

Форум был открыт Уполномоченным по правам человека в Свердловской области **Т. Г. Мерзляковой**, которая огласила приветственное слово от Губернатора Свердловской области **Е. В. Куйвашева**.

Первым на пленарном заседании выступил д-р юрид. наук, профессор **М. С. Саликов**, заведующий кафедрой конституционного права УрГЮУ, с докладом на тему «Конституционные институты в современной России: генезис, динамика, качество». К числу основных институтов, которые определяют вектор развития государства и общества, профессор М. С. Саликов отнес права человека и гражданское общество, многопартийность, разделение властей, избирательную систему, федерализм; также он проанализировал ряд проблем и несоответствий между фактическим состоянием дел и положениями Конституции РФ.

Пленарное заседание продолжил **Е. Ш. Гонтмахер**, профессор Высшей школы экономики, член Правления Института современного развития, который представил доклад на тему «Есть ли связь между качеством жизни и качеством государства. Что мы должны делать?». Он отметил, что ситуация с качеством жизни не может быть решена позитивно, так, чтобы люди ощутили себя хозяевами собственной страны, и не может быть решена без реформы государства, так как ме-

* **Светлана Игоревна Глушкова**, д-р полит. наук, завкафедрой прав человека, директор Центра правового просвещения и прав человека Гуманитарного университета, председатель СРО РАПН (г. Екатеринбург).

** **Егор Владимирович Николаев**, проректор по развитию МОУ «Народный Университет Российского Конституционализма» (г. Екатеринбург).

стное самоуправление, по его мнению, фактически уничтожено. Профессор подчеркнул, что российское здравоохранение переживает кризисный период, что признано на уровне главы государства; нет качественного муниципального здравоохранения; необходима реформа межбюджетных отношений; все финансы, которые связанные с развитием и здоровьем человека, должны перераспределяться в регионы.

Также на пленарном заседании выступили **А. Михник**, польский общественный деятель, журналист, главный редактор «Газеты Выборчей», с докладом на тему «Польша и Россия в контексте современных европейских ценностей» и **Т. Г. Мерзлякова**, Уполномоченный по правам человека в Свердловской области, член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, с докладом на тему «Конституционный образ прав человека: прошлое и будущее».

Заключением пленарного заседания стала лекция **М. А. Федотова**, профессора, постоянного представителя РФ при ЮНЕСКО (1993–1998), экс-председателя Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, советника Президента РФ (2010–2019), на тему «Ельцинская Конституция как задачник для 5-го класса». Он отметил, что почти каждая статья Конституции содержит определенную задачу, цель, иногда программу. К величайшему сожалению, задачи по федеративному устройству, демократическому государству, правовому государству всё еще остаются актуальными, их надо решать, с ними нужно работать. По мнению М. А. Федотова, народ, проголосовавший в 1993 г. на референдуме, составил нам задачник, который мы решаем день за днем, что-то уже сделано, а что-то еще предстоит выполнить.

Одной из секций стала экспертная дискуссия «Народ есть источник всякой власти в России. И судебной тоже?», ведущим которой стал **Л. В. Никитинский**, обозреватель «Новой Газеты», член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. Он отметил, что среди активных групп населения (учащаяся молодежь, предприниматели и другие) доверие к суду постепенно стремится к нулю, что потенциально может являться большой угрозой для государства. Недоверие к суду подрывает доверие к власти так таковой. Единственным способом вернуть доверие к суду, по его мнению, является участие в нем граждан, и поэтому он уверен, что нужно возвращать суды народных заседателей.

Также одной из интересных секций стали дебаты «Прямые выборы vs Назначение», в которой в качестве экспертов приняли участие **В. М. Вегнер**, депутат Законодательного Собрания Свердловской области, **А. С. Исаков**, старший преподаватель УрИУ РАНХиГС, **В. М. Лобок**, декан факультета развития предпринимательства НУРК, **А. Михник**, польский общественный деятель и журналист. Итогом дебатов стало голосование, на котором единогласно все присутствующие проголосовали за прямые выборы как важный институт демократического государства.

В рамках форума работала Мастерская успешных проектов, где общественные деятели, научные работники поделились успешным опытом реализации социальных и бизнес-проектов. Так, **А. Зыков**, председатель ОО «Семьи погибших воинов», рассказал о том, «Как делать важное для общества дело»; **А. Амиров**, директор ООО «Палладиум», посвятил свое выступление теме «Рекультивация как точка роста; как заниматься бизнесом, помогая городу и людям»; **Л. Бондарева**, директор ООО «Образовательный центр “Источник”», представила выступление на тему «Реализация социальных проектов за 3 месяца: как это возможно?». Также прозвучали актуальные выступления на следующие темы: «Можно ли реализовать проект в некомфортных условиях?» (**Е. Николаев**, проректор НУРК), «Со-

циальное предпринимательство как катализатор позитивных изменений в обществе» (**А. Масленникова, Д. Масленников**, УрИУ РАНХиГС при Президенте РФ), др.

Интерес участников форума вызвала секция, на которой осуществлялась групповая работа на тему «Качество жизни как результат ответственного взаимодействия власти, бизнеса и гражданского общества». Ее модератором стала **С. А. Маковкина**, старший преподаватель УрИУ РАНХиГС при Президенте РФ. В качестве экспертов в этой секции приняли участие такие известные эксперты, как **Е. Ш. Гонтмахер, С. М. Зырянов, К. В. Киселёв, И. Н. Литвинова, В. В. Кольцов**.

Заключительное пленарное заседание состоялось под лозунгом «Умная Свобода – Стоический Конституционализм». В заключительном слове программный директор форума **Е. В. Николаев** отметил, что для достойного человека ценностью является «умная свобода», для меритократа ценностью является «стоический конституционализм», для государства ценностью выступает качество жизни, а условием – работающие институты и «экологичная» власть. Фундаментальной и яркой кульминацией первого в Екатеринбурге Ельцин-форума стала актовая лекция ректора Гуманитарного университета, д-ра филос. наук, профессора **Л. А. Закса** на тему «Российская Конституция с культурологической точки зрения: вызовы и перспективы».

Идеи форума нашли свое отражение в январской Народной Дискуссионной трибуне, которая состоялась в Президентском центре Б. Н. Ельцина в Екатеринбурге (далее – Ельцин-центр) 29 января 2020 г. и была посвящена актуальной проблематике «Молодежь как творческий субъект достойного будущего России: диалог поколений – выбор себя – политософия жизненного успеха».

Дискуссионные трибуны уже несколько лет успешно традиционно проходят в Ельцин-центре, благодаря инициативам и неизменной энергии профессионала своего дела Г. Э. Бурбулиса и поддержке Уполномоченного по правам человека в Свердловской области Т. Г. Мерзляковой, председателя Законодательного Собрания Свердловской области Л. В. Бабушкиной, представителей академического сообщества, экспертов и практиков.

Успех долговечности и актуальности Дискуссионной трибуны (она гремела в годы перестройки и снова возродилась в наши времена), по нашему мнению, заключается в диалоговом формате, свободе общения и обсуждения представителями гражданского общества «болевых проблем» (вызовов, барьеров, рисков) нашей действительности напрямую с представителями органов государственной власти, без посредников, без ограничений, а также – выбор актуальных и достаточно острых тем (которые, как говорится, «у всех на слуху»), которые не боятся обсуждать ведущие, эксперты и участники дискуссии.

С созданием Народного университета российского конституционализма Дискуссионная трибуна обрела мощную команду экспертов, новые перспективы, новые форматы. Во втором полугодии 2019 г. структура НУРК стала новой, системной, более близкой к традиционному университетскому формату, состоящей из факультетов и рабочих групп. Каждая трибуна с осени 2019 г. завершается теперь принятием так называемого меморандума – обращения участников дискуссии к власти (к представителям законодательной, исполнительной, судебной) с формулировкой насущных проблем по конкретной проблеме (тематике той или иной трибуны) и конструктивными предложениями по их решению, в том числе при соединении сил гражданского общества к их разрешению.

Считаем важным определение Г. Э. Бурбулисом, основателем НУРК и Дискуссионной трибуны, в качестве приоритетных проблем современного российского общества следующих: проблемы способности к диалогу, проблемы содержания и качества диалога: учителей и учеников, начальников и подчиненных, власти и

граждан, государства и общества, диалога поколений. От уровня содержания и качества выстроенного диалога, степени его откровенности и открытости, зависит, в конечном счете, достижение жизненного успеха каждым из нас и российским обществом в целом.

Многие эксперты сегодня прогнозируют, что через несколько десятилетий в нашем веке или, возможно, уже в следующем веке главными компетенциями, острая нехватка которых будет ощущаться в обществе, будут умение и навыки свободного и открытого, очного и долгосрочного человеческого общения, культура дискуссий и дебатов (и прежде всего потребность в них), а также вера в силу человеческого слова, силу убеждения, учитывая мощные темпы развития цифровизации общества и государства, ускоренное развитие искусственного интеллекта, стремление к повсеместной и порой чрезмерной аудио- и видеофиксации действий, поступков детей и взрослых. Как и природные ресурсы, экосистемы, грамотное, интеллектуальное человеческое общение, культура диалогового общения постепенно становятся дефицитными ресурсами, склонными к утрате, оскудению смысла и роли в обществе. Тем более ценной является поддерживаемая НУРК и дискуссионными трибунами уральская, российская традиция познавать всё посредством дискуссий, дебатов, споров, интеллектуального общения, выстраиванием грамотного и откровенного, открытого и конструктивного диалога власти и общества.

Первый Ельцин-форум в Екатеринбурге успешно состоялся, и январская Дискуссионная трибуна как рефлексия по его итогам прошла тоже в конструктивном ключе. Надеемся, что проведение Ельцин-форума в Екатеринбурге по складывающейся традиции станет ярким событием в декабре 2020 г. и следующих ближайших лет, наряду с другими форматами диалога власти и общества. В планах НУРК, обсуждение которых недавно состоялось на площадке Ельцин-центра, немало оригинальных, традиционных и новых для нашей области мероприятий: форсайт-сессий, конференций, конкурсов, а также разработка инициативных проектов, новых проектов сотрудничества и взаимодействия власти и общества в Свердловской области.

Svetlana Igorevna Glushkova,

Doctor of Political sciences, Head of Human Rights Chair,
Director of Liberal Arts University Center for Legal Education and Human Rights,
Chairperson of Russian Political Science Association in Sverdlovsk region
(Yekaterinburg)

Yegor Vladimirovich Nikolaev,

Prorector for development of IPO «People's University of Russian constitutionalism»
(Yekaterinburg)

**Constitutional Russia: the Quality of Life –
Values, Institutions – the Quality of Authorities
(A Review of Reports at the First «Yeltsin Forum» in Yekaterinburg)**

Памяти Л. Н. Ирышковой

Лидия Николаевна Ирышкова (1953–2019) была одним из первых наставников, работающих со студентами факультета современного танца Гуманитарного университета. Эрудированный, требовательный, трудолюбивый, влюбленный в танец преподаватель – она была настоящим профессионалом своего дела. Окончив в 1971 году Пермское хореографическое училище по классу Г. К. Кузнецовой, уже в качестве характерной танцовщицы Лидия Николаевна работала в труппах Куй-

бышевского, а позже Свердловского (Екатеринбургского) театров оперы и балета, исполняя центральные партии в дивертисментах и характерных сценах репертуарных балетов и опер. В ее послужном списке: «Испанские миниатюры» в пост. Херардо Виана Гомеса де Фонсеа, Венгерский и Испанский танцы из балета «Лебединое озеро» (хореография М. Петипа), «Сегидилья» и «Фанданго» из балета «Дон Кихот» (хореография А. Горского), «Краковяк» и «Мазурка» из оперы «Иван Сусанин» (хореография А. Лопухова и Ф. Лопухова), «Половецкие пляски» из оперы «Князь Игорь» (хореография М. Фокина), «Полло» из оперы «Кармен» (хореография В. Чабукиани), «Цыганский танец» Желобинского (хореография К. Голейзовского) и многие другие. Утонченность, невероятная пластика рук, тонкая выразительность, природная грация, легкость – ее танец отличался характерной выразительностью и благородством. На сцене она создавала сложные характеры своих героинь. Ей довелось сотрудничать с выдающимися мастерами балетного искусства: Н. Касаткиной, В. Василёвым, П. Гусевым, К. Черменской и Н. Меновщицкой, у которых она училась, перенимая, в том числе, и все нюансы исполнительской техники характерного танца.

Очень часто она вспоминала слова советского артиста и балетного педагога Н. Тарасова: «Талант без правильного отношения к труду является лишь неиспользованной потенциальной возможностью!» И на своих уроках характерного танца она создавала живую, творческую атмосферу, в которой щедро делилась накопленным сценическим опытом. Занятия, где каждый ученик был отмечен вниманием, отличали неизменный индивидуальный подход и уважение, а также безграничная вера в возможности и талант своих воспитанников. В создании авторского образовательного курса «Характерный танец» Лидия Николаевна опиралась на фундаментальные труды А. Лопухова, А. Ширяева, А. Бочарова и Н. Стуколкиной, но отправной точкой явилась ее уникальная система знаний и собственный сценический опыт автора.

Тонко чувствуя и понимая ориентиры образовательной программы факультета, где основным является современный танец, провозглашающий себя искусством концептуальным, нонконформистским, нацеленным на постоянный поиск и воплощение новых и актуальных смыслов, Лидия Николаевна смогла создать такую программу, в которой были предусмотрены и основные критерии в обучении современному танцу (его подвижность и необходимость постоянного, ежедневного обновления), и также учтены особенности обучающихся. Неизменными остались основные стилистические и технологические признаки характерного танца:

большая свобода рук, корпуса и ног в выборе положений, поворотов, узнаваемость национального колорита по характеру движений и их определенной координации и манере исполнения и пр.

Уроки характерного танца Лидии Николаевны – это «танец в образе», посредством которого порой решались самые сложные образовательные и художественные задачи. Обретение свободы и в то же время пластической выразительности движений, выявление синтетической природы актерского творчества, где танец должен стать действенным, осмысленным, эмоционально выразительным, владение техникой танца, где движения приобретают виртуозность, образность и характерность художественного выражения, – безусловно, большой вклад в совершенствование не только танцевальной, актерской техники, но и определяющие компоненты в формировании будущих исполнителей современного танца.

Сейчас с уверенностью можно сказать, что личный (бескорыстный, честный и открытый) вклад Л. Н. Ирышковой во многом явился прочным базисом в формировании образовательной концепции факультета в целом и профессиональном становлении каждого студента в частности. Пройдя большой и сложный путь, она всю волю к жизни, чувство благодарности и ощущение радости бытия сполна проявляла в любимом деле. Впрочем, педагогическое дарование и незаурядный артистический талант Лидии Николаевны не был широко оценен современниками по достоинству... Жаль, что осознание этой несправедливости приходит тогда, когда человека с нами уже нет... Уход из жизни Лидии Николаевны Ирышковой для всех нас – невосполнимая утрата. Пусть память о ней – добром, светлом, благородном человеке будет долгой. Благодарим, помним, любим.

Гичина Т. С., Полякова А. С.

Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»

«Вестник Гуманитарного университета» включен в **Российский индекс научного цитирования** (лицензионный договор № 136-03/2014). Журнал размещается в РИНЦ на сайте Научной электронной библиотеки постатейно (**полные тексты в открытом доступе**).

Журнал принимает к публикации теоретические, научно-методические, научно-практические статьи по следующим наукам:

- Экономика
- Юриспруденция
- Философия

К изданию преимущественно принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся. Если статья создана на основе какого-либо научного исследования (диссертации), это необходимо указать в ссылке.

Требования к оформлению материалов

- Текстовый редактор Word 2003–2007, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 0,7 см; поля: сверху, снизу – 2 см, слева, справа – 3 см.
- Объем статьи до 40 000 знаков (с пробелами, включая сноски).
- Ссылки на литературу помещаются в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и номера страницы (например, [2, с. 15]), список литературы – в конце статьи.
- Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.
- Иллюстративные материалы принимаются только в черно-белых тонах.
- Статье должен быть присвоен код УДК.

ОБЯЗАТЕЛЬНО УКАЖИТЕ СЛЕДУЮЩИЕ СВЕДЕНИЯ:

- **На русском и английском языках** приводятся:
 - **название статьи;**
 - **сведения об авторах:**
фамилия, имя, отчество **полностью;**
ученая степень, ученое звание, должность;
место работы – **полное название организации;**
контактная информация: адрес электронной почты (*укажите, согласны ли Вы опубликовать его*), телефон;
 - **аннотация** (150–250 слов);
 - **ключевые слова** (5–6 слов или словосочетаний).

Журнал рецензируемый. Все материалы проверяются на наличие заимствований через систему «Антиплагиат». Текст рукописи должен содержать более 70 % оригинального текста. Автор может представить рецензию на статью специалиста в данной области знания (доктора или кандидата наук), что не исключает дополнительного рецензирования. **Для магистрантов и аспирантов** необходим отзыв-рекомендация научного руководителя или представление профильной кафедры.

Рецензию, рекомендацию или представление необходимо заверить подписью и печатью организации и представить в редакцию (лично либо отсканированный вариант по электронной почте).

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

К изданию принимаются материалы, подлежащие открытой публикации. Автор(ы) должны письменно выразить согласие на размещение материалов в открытом доступе (на сайте журнала, в системе РИНЦ и других базах данных), указывая «согласен(на) на размещение материалов в открытом доступе» в письме либо в конце текста статьи.

Приветствуются работы, в которых содержатся ссылки на материалы, опубликованные в «Вестнике Гуманитарного университета».

Публикации бесплатные. Авторский гонорар не выплачивается.

Статьи направляются на электронный адрес редакции ektbriogu@mail.ru с указанием в теме письма «Вестник ГУ, область наук», например «Вестник ГУ, экономика». При успешном рецензировании редакция высылает автору ответ о приеме статьи в определенный номер журнала.

Редакция оставляет за собой право не публиковать статью или рекомендовать ее доработку с учетом замечаний. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

Периодичность издания – 4 номера в год.

Сроки представления материалов к публикации:

№ 1 – до 1 февраля

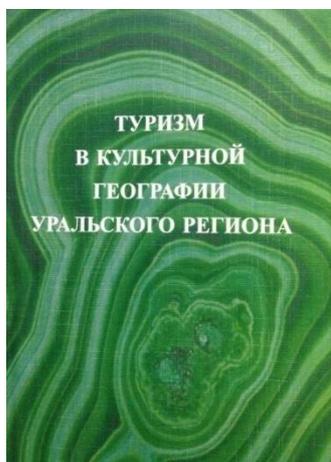
№ 2 – до 1 мая

№ 3 – до 1 августа

№ 4 – до 1 ноября

Адрес редакции: г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207,
тел. (343) 365-99-73.

**Приглашаем Вас опубликовать свои работы
в «Вестнике Гуманитарного университета»!**

Туризм в культурной географии Уральского региона : монография / Л. А. Мясникова, С. А. Рамзина, О. Ю. Зотова [и др.] ; под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2017. – 362 с.

ISBN 978-5-7741-0269-3

В монографии представлены две основные линии анализа: культурная география Урала как «методологическая сетка» и «питающая среда», в которой развивается региональный туризм; виды и направления туризма, наиболее характерные для региона и способные влиять на его культурно-географические образы.

Рекомендуется специалистам – практикам и теоретикам туризма, гостеприимства, краеведам, регионоведам, культурологам, культурным антропологам.

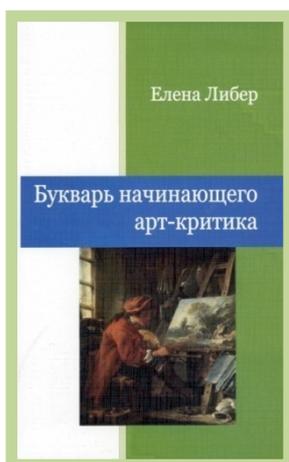

Мясникова Л. А., Шайгарданова Н. Л.

Советский Эдем : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. – 209 с.

ISBN 978-5-7741-0264-8

В монографии осуществляется анализ советского парка культуры и отдыха. Советский парк представлен как культурный феномен, являющийся вариацией городского публичного парка, как звено культурно-исторической трансформации садов и парков. Вместе с тем парк культуры и отдыха является воплощением советского идеологического проекта по формированию нового человека и нового общества. Для авторов парк – идеальное место человека, попытка вернуться в утраченный рай, но понятий по-советски. Изменение советской культуры, идеологии, общества соотносятся с пространственно-смысловыми изменениями парка. История парка предстает как зеркало истории страны. Монография будет интересна философам, культурологам, историкам, а также специалистам по социально-культурным практикам организации досуга, туризма, арт-проектирования и др.

Либер Е.

Букварь начинающего арт-критика : учебное пособие. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2015. – 214 с.

ISBN 978-5-7741-0231-0

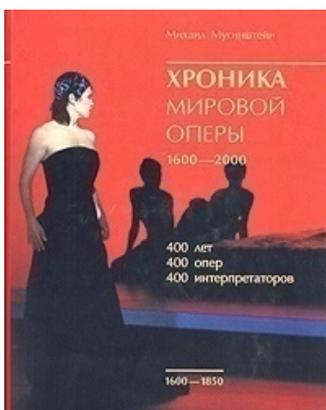
Учебное пособие «Букварь начинающего арт-критика» охватывает основные формы профессиональной деятельности историка искусства и арт-критика: визуальное исследование, анализ, интерпретацию и оценку произведения искусства. Пособие учит понимать визуальные искусства, писать о них эссе, обзоры и исследовательские работы; знакомит с современными теориями искусства и методологией анализа произведений искусства. Пособие обращено к студентам высшим учебных заведений, изучающим визуальные искусства, а также к студентам-журналистам, специализирующимся в области культурной журналистики. Оно также содержит полезные рекомендации для преподавателей-инструкторов, в том числе рабочую программу практикума «Как писать об искусстве?»

Границы искусства и территории культуры : сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. Л. А. Закс, Т. А. Круглова. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина : Гуманитарный университет, 2013. – 261 с.

ISBN 978-5-7741-0220-4

Авторы статей – философы и культурологи продолжают исследование специфики современной художественности, начатое в сборнике «Онтология искусства» 2005 года. В настоящем сборнике представлен итог работы серии теоретических семинаров, в центре которых традиционно центральная проблема философской эстетики – природа искусства – исследуется сквозь призму концепта «границы». Идея подобного подхода принадлежит известному российскому эстетике А. Ф. Еремееву. В книге обобщаются методологические поиски внутренних границ искусства: показана неисчерпаемость классической парадигмы философии искусства, а также предлагаются к обсуждению новые концепции на базе освоения опыта современной западной и отечественной философии искусства, осмысливается трансформация художественной онтологии под влиянием новых культурных феноменов постиндустриального общества: электронных медиа, компьютерных игр, рекламы. Сборник адресован исследователям искусства и культуры (эстетикам, искусствоведам, филологам), преподавателям и студентам, всем, кто интересуется искусством, его сложным «устройством» и существованием.

Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1600–1850. Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2005. – 640 с. : 947 ил.

ISBN 5-94799-423-2

Книга представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание 200 опер – большинство из них малоизвестны в России, – комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. Прилагается компакт-диск с записями фрагментов важнейших сочинений.

«Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для широкого круга читателей.

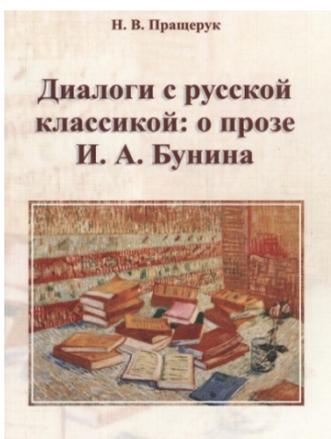
Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1851–1900. Екатеринбург : Антверта (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2012. – 616 с. : 688 ил.

ISBN 978-5-905148-06-4

Книга продолжает издание *авторской* энциклопедии, начатое в 2005 («Хроника мировой оперы. 1600–1850»). Она представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание, увлекательный комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. «Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для самого широкого круга читателей.

Пращерук Н. В.

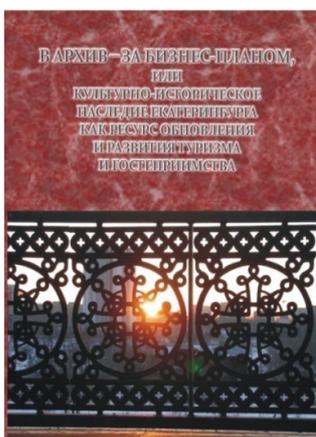
Диалоги с русской классикой: о прозе И. А. Бунина : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2012. – 144 с.

ISBN 978-5-7741-0187-0

В монографии исследуется диалогический потенциал прозы И. А. Бунина (1870–1953). Опираясь на идеи философскокоммуникаторов XX века – М. Бубера, К. Ясперса, М. Бахтина, В. Библера и др., автор показывает, как в художественной практике писателя выстраивается диалогический способ общения с русской литературной классикой XIX века.

На материале произведений 1910–1940-х годов исследуются конкретные межтекстовые связи, механизмы взаимодействия художников, специфика и предмет диалога Бунина с предшественниками. Выявляется, как соединяются в творчестве писателя определенность авторского видения и желание услышать голос собеседника.

Книга адресована преподавателям, студентам, изучающим эстетику, культурологию, теорию и историю литературы, а также мировоззренческие и методологические основы гуманитарных наук.

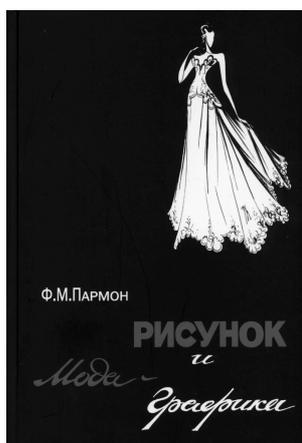

В архив – за бизнес-планом, или Культурно-историческое наследие Екатеринбурга как ресурс обновления и развития туризма и гостеприимства : колл. монография / Л. А. Мясникова, С. Ю. Каменский, С. А. Рамзина [и др.]; под общ. ред. проф., д-ра филос. наук Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. – 368 с. : цв. фото.

ISBN 978-5-7741-0165-8

Одна из первых монографий, в которой исследуются возможности использования культурно-исторического наследия для развития туризма и гостеприимства Екатеринбурга.

Рекомендуется специалистам-практикам и теоретикам социально-культурного сервиса и туризма, краеведам, регионаловедом, культурологам.

Пармон Ф. М.

Рисунок и мода-графика : учебник для вузов. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2002. – 256 с. ил.

ISBN 5-901527-14-3

В книге излагается изобразительная грамота, рассматривается рисунок как наиболее быстрое и подвижное средство выражения творческой мысли художника. Большое внимание уделяется специальной художественной графике – мода-графике, составлению многопредметных художественно-графических композиций на основе предварительных зарисовок фигур человека в костюме или группы предметов/натюрморт/.

Основное внимание уделяется рисованию фигуры человека. Оригинальность издания заключается также в изложении изобразительной грамоты и мода-графики впервые с учетом направленности и специфики подготовки специалистов.

Для студентов вузов, а также колледжей, техникумов, училищ.

**По вопросам приобретения книг обращайтесь
в редакционно-издательский отдел Гуманитарного университета.
E-mail: ektbriogu@mail.ru**

МАГИСТРАТУРА

Прием на обучение по программам магистратуры на 2020/2021 год
проводится по следующим направлениям:

- **Психология (37.04.01)**
- **Экономика. Управленческая экономика и стратегия бизнеса (38.04.01)**
- **Экономика. Финансы и кредит (38.04.01)**
- **Юриспруденция (40.04.01)**

Срок обучения в магистратуре составляет:

2 года на очной форме;

2,6 года на очно-заочной и заочной форме

(2,5 года по очно-заочной и заочной форме (Юриспруденция))

Подготовка магистров осуществляется:

- за счет ассигнований федерального бюджета;

- на платной основе

Количество бюджетных мест на 2020/2021 учебный год:

- **Психология (37.04.01)**
очная форма – 6 мест;
заочная форма – 12 мест
- **Экономика. Управленческая экономика и стратегия бизнеса (38.04.01)**
очная форма – 3 места;
очно-заочная форма – 3 места
- **Экономика. Финансы и кредит (38.04.01)**
очная форма – 4 места;
очно-заочная форма – 3 места
- **Юриспруденция (40.04.01)**
очная форма – 6 мест;
очно-заочная форма – 6 мест;
заочная форма – 11 мест

Прием документов (паспорт, документ о высшем образовании, 4 фото 3×4)
проводится в следующие сроки:

бюджет

- все формы обучения – с 1 июня по 13 августа 2020 года

внебюджет

- очная форма – с 1 июня по 26 августа 2020 года
- очно-заочная форма – с 1 июня по 24 сентября 2020 года
- заочная форма – с 20 января по 23 декабря 2020 года

Вступительные испытания для поступления в магистратуру:
тестирование профильной направленности

АСПИРАНТУРА

В аспирантуру Гуманитарного университета на конкурсной основе, на обучение по образовательным программам высшего образования – программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре, принимаются граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства, имеющие высшее профессиональное образование на уровне дипломированного специалиста или магистра.

Прием в аспирантуру Гуманитарного университета в 2020/2021 учебном году ведется по следующим направлениям:

- Психологические науки (37.06.01)
- Экономика (38.06.01)
- Юриспруденция (40.06.01)
- Философия, этика и религиоведение (47.06.01)
- Культурология (51.06.01)
- Политические науки и регионоведение (41.06.01)
- Социологические науки (39.06.01)

Срок обучения в аспирантуре составляет:
3 года на очной форме;
4 года на заочной форме

Подготовка аспирантов осуществляется:
- за счет ассигнований федерального бюджета;
- на платной основе

Количество бюджетных мест на 2020/2021 учебный год:

- **Философия, этика и религиоведение (47.06.01)**
очная форма – 1 место
- **Социологические науки (39.06.01)**
очная форма – 1 место

Прием документов (паспорт, документ о высшем образовании, 4 фото 3×4)
проводится в следующие сроки:

бюджет

- с 1 июня по 15 сентября 2020 года.

внебюджет

- все формы обучения – с 1 июня по 15 сентября 2020 года.

Вступительные испытания (*проводятся на русском языке*):
с 16 по 18 сентября (19 сентября – резервный день).

Экзамены на все направления, кроме «Юриспруденции» (компьютерное тестирование), проводятся в устной форме

ПРИЕМНАЯ КОМИССИЯ

ул. Железнодорожников, 3, каб. 111а, тел.: (343) 305-50-74

Часы работы: пн.–пт. с 10.30 до 18.00

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

Точки зрения авторов статей и редакции могут не совпадать.

Н а у ч н о е и з д а н и е

**Вестник Гуманитарного университета
2020. № 1 (28)**

Главный редактор Л. А. Закс

Редактор С. В. Фельдман
Переводчик Н. Н. Шабалова
Оригинал-макет В. В. Курьянович

Знак информационной продукции
(в соответствии с Федеральным
законом № 436-ФЗ от 29.12.2010)

Подписано в печать 23.03.2020.
Дата выхода в свет 30.03.2020
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 8,95
Тираж 100 экз. Заказ №

Гуманитарный университет
620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3.
Лицензия № 2114 от 26.04.2016

Отпечатано с оригинал-макета
в копировальном центре
Гуманитарного университета
620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3